

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 1

Том 4. История

Санкт-Петербург
2010

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 1 (Том 4) 2010
История
Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрина, доктор педагогических наук, доцент (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Г. П. Чепуренко, доктор педагогических наук, профессор

Редакционный совет:

Е. А. Бочков, доктор исторических наук, профессор;
В. А. Веремеенко, доктор исторических наук, доцент (отв. ред.);
Н. Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор;
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент;
Г. Л. Соболев, доктор исторических наук, профессор;
А. М. Сударииков, доктор исторических наук, доцент;
М. И. Фролов, доктор исторических наук, профессор

Отв. редактор А. А. Беляева

Редактор А. А. Титова

Технический редактор Н. В. Чернышева

Свидетельство о регистрации **ПИ № ФС77-23714**

Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург, г. Пушкин,

Петербургское шоссе, д. 10

Тел/факс (812)476-90-34

<http://www.lengu.ru>

©Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А.С. Пушкина, 2010

Содержание

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

В. Н. Скворцов, М. И. Фролов

Состав и боеготовность войск Ленинградского военного округа накануне Великой Отечественной войны 7

А. В. Кутузов

Город-крепость: отражение осады Ленинграда на Западе 24

Э. Л. Коршунов

Некоторые аспекты деятельности химических войск Ленинградского фронта в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. 35

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Ю. Н. Красникова

Коррупция в Департаменте уделов и борьба с ней в первой трети XIX века **Ошибка! Закладка не определена.** 54

Д. В. Рыбин

Кадровая политика министерства юстиции Российской империи в пореформенный период (1861–1904 гг.) 66

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

И. Г. Алексеева

Адресно-справочные книги «Весь Петроград – Ленинград» за 1920–1930-е годы как исторический источник 78

О. О. Зайцева

Источники для изучения истории трудовых конфликтов в Советской России в 1921–1925 гг. (на материалах Петрограда, Ленинграда) 92

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

М. А. Липянина

«Обязательства и обязанности агитатора». 1918 г. 101

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

В. Н. Бенда

Роль Я. В. Брюса в развитии инженерно-артиллерийских школ в первой четверти XVIII в. 111

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ

В. Н. Заколотная

Организация и функционирование крестьянской опеки над сиротами в России во второй половине XIX – начале XX в. 129

<i>А. А. Голубев</i>	
Исторические вехи принятия решения о строительстве Мурманской железной дороги	137
<i>Барбара Энгл</i>	
Не хлебом единым: женщины и продовольственные беспорядки в Первую мировую войну	148
<i>А. Л. Никифоров</i>	
Зарождение оппозиционных настроений среди советской молодежи в послевоенное «сталинское» десятилетие	178
<i>О. В. Капустина</i>	
Колхозные пенсии в системе государственного пенсионного обеспечения Советского Союза (вторая половина 1960-х – 1980-е гг.).....	186
ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ	
<i>А. М. Судариков, М. И. Фролов</i>	
Вклад ученых-ленинградцев в реализацию советского атомного проекта в годы Великой Отечественной войны	196
ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ	
<i>О. А. Федотова</i>	
Договорная теория возникновения государства и права (старшие софисты)	210
ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ	
<i>М. Л. Бурова</i>	
Найдыш В. М. Мифология.....	217
Сведения об авторах.....	222

Contents

TO 65-YEARS ANNIVERSARY OF THE GREAT VICTORY

V. N. Skvortsov, M. I. Frolov

The composition and the combat readiness of troops of the Leningrad Military District on the eve of the Great Patriotic War 7

A. V. Kutuzov

City-fortress: reflection the siege of Leningrad on the West 24

E. L. Korshunov

Some aspects of activity of chemical troops of the Leningrad front in the Great Patriotic War of 1941–1945..... 35

HISTORY OF STATE AGENCIES

Yu. N. Krasnikova

Corruption in the Department of domains and fight against it in the XIX century 54

D. V. Rybin

Ministry of Justice of the Russian Empire's Manpower Policy in the Post-reform Period (1864–1904) 66

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE

I. G. Alekseeva

Address book "All Petrograd – Leningrad" for 1920–1930 as a historical source 78

O. O. Zaytseva

Sources to study the history of labor conflicts in Soviet Russia in 1921–1925 based on the documental materials of Petrograd and Leningrad 92

PUBLICATION OF DOCUMENTS

M. A. Lipyanina

"Obligations and responsibilities of the agitator". 1918 101

PERSONALITY IN HISTORY

V. N. Benda

Role of J.V. Brjus in development of engineering-artillery schools in the first quarter of XVIII century 111

RUSSIAN HISTORY PAGES

V. N. Zakolodnaya

The organization and functioning of peasant custody of orphans in Russia in the second half of XIX – early XX centuries 129

A. A. Golubev

Historical landmarks of decision to build the Murmansk railway 137

<i>B. A. Engel</i>	
Not by bread alone: women and food riots in the First World War	148
<i>A. L. Nikiforov</i>	
Birth opposition sentiments among Soviet youth in the postwar "Stalinist" decade	178
<i>O. V. Kapustina</i>	
Kolkhoz pension in public pension system of the Soviet Union (second half of 1960–1980).....	186
HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY	
<i>A. M. Sudarikov, M. I. Frolov</i>	
The contribution of scientists in Leningrad in the implementation of the Sovietatomic project during the Great Patriotic War	196
WORLD HISTORY PROBLEMS	
<i>O. A. Fedotova</i>	
Negotiation theory of State and Law (older sophists)	210
SUMMARY AND REVIEW	
<i>M. L. Burova</i>	
Naydysh V.M. Mythology.....	217
About authors	222

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

УДК 355.311.1(470.23–25)«1941.06.22–07.09»
ББК 63.3(2)622,11

*В. Н. Скворцов**, *М. И. Фролов***

Состав и боеготовность войск Ленинградского военного округа накануне Великой Отечественной войны

В статье отражен начальный этап Великой Отечественной войны в период с 22 июня по 9 июля 1941 г. Автором предпринята попытка реконструировать события, разворачивавшиеся на северо-западном направлении; проанализировано соотношение сил и средств Красной армии и противника. Показано, как Ленинградский военный округ и жители готовились к обороне города, как строились оборонительные узлы и рубежи.

The article reflects the initial phase of the Great Patriotic War from June 22 to July 9, 1941. The author attempts to reconstruct the events unfolding in the north-westerly direction and a relative strengths of the Red army of the enemy. We show how Leningradsky Military District and residents were preparing for the defense of the city, how to build defensive units and lines.

Ключевые слова: Ленинградский военный округ, план «Барбаросса», Краснознаменный Балтийский флот, мобилизация, Северный фронт, северо-западное направление, ополчение, долговременная огневая точка.

Key words: Leningrad Military District, the plan "Barbarossa", the Baltic Fleet, mobilization, Northern Front, north-west direction, the militia, Pillbox.

В половине первого часа ночи 22 июня 1941 года Военный совет округа получил из Москвы директиву наркома обороны маршала Советского Союза С.К. Тимошенко и начальника Генерального штаба генерала армии Г.К. Жукова, предупреждающую о возможном нападении Германии на Советский Союз. Нападение, говорилось в директиве, может начаться с провокационных действий. Нарком обороны потребовал не поддаваться на провокации, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов

* **Скворцов Вячеслав Николаевич**, доктор экономических наук, профессор, ректор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

** **Фролов Михаил Иванович**, доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

быть в полной боевой готовности и встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

Командующим этих округов было приказано в течение ночи скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе, рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, привести в боевую готовность все войска, а также осуществить необходимые мероприятия по противовоздушной обороне городов и объектов. Никаких других мероприятий без особых распоряжений не проводить [11, с. 184].

Войска округа были подняты по тревоге. Военно-воздушным силам был отдан приказ немедленно перейти на полную готовность к действиям, а 2-й корпус ПВО получил распоряжение занять всеми средствами заранее определенные оперативные позиции [34, Л. 39].

Ранним утром 22 июня фашистская Германия вероломно, без объявления войны напала на Советский Союз. 190 вражеских дивизий, поддержанных четырьмя воздушными флотами, нанесли мощный удар по районам расположения войск Красной армии. Одновременно авиация противника подвергла бомбардировке ряд советских городов. Началось осуществление плана «Барбаросса» – агрессивной войны против СССР. Ее цель состояла в том, чтобы ликвидировать советское государство, истребить миллионы людей, а оставшихся в живых превратить в слуг рейхскомиссариата – германской провинции. Официальные установки требовали «ослабить русский народ до такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать немцам установить господство в Европе» [17, с. 4].

В планах ведения войны против Советского Союза германское командование отводило особое место захвату Ленинграда. Уже в первых набросках оперативных планов генеральных штабов вермахта и сухопутных войск взятие Ленинграда и овладение побережьем Балтийского моря рассматривалось как первейшая цель наступления. Она была закреплена в плане «Барбаросса».

В соответствии с планом были созданы три стратегические группировки войск, получившие названия: группа армий «Север», группа армий «Центр» и группа армий «Юг». Группа армий «Север» должна была, наступая из Восточной Пруссии во взаимодействии с группой армий «Центр», разгромить советские войска, сражавшиеся в Прибалтике. «Лишь после обеспечения этой неотложной задачи, которая должна завершиться захватом Ленинграда и Кронштадта, – говорилось в директиве, – следует продолжать наступательные операции по овладению важнейшим центром коммуникаций и оборонной промышленности – Москвой» [23, с. 201].

На совещаниях верховного командования вермахта 3 февраля 1941 г. и высшего руководства вермахта в рейхсканцелярии 14 июля 1941 г., где уточнялись детали осуществления агрессии против

СССР, Гитлер указывал на необходимость иметь в виду главную цель: овладеть Прибалтикой и Ленинградом [26, с. 171]. Таким образом, фашисты намеревались взять Москву лишь после того, как падет Ленинград. Намечая в качестве одной из первоочередных стратегических задач захват Ленинграда, немецкое командование учитывало его огромное значение как крупного политического, экономического и военно-стратегического центра.

Ленинград – второй по величине город Советского Союза, крупнейший культурный и промышленный центр, где было сосредоточено почти 30 % военного производства. По стоимости валового выпуска промышленных изделий Ленинград в 1940 г. занимал второе место после Москвы. Ленинградские предприятия производили почти четверть продукции тяжелого машиностроения и свыше трети электротехнической продукции страны [9, с. 151]. Ленинград был крупнейшим центром судостроения, а Ленинградский порт занимал важное место во внешней торговле страны. Идея Гитлера, военно-политического руководства Германии заключалась в том, чтобы лишит Советский Союз его промышленных центров, способных снабжать его Вооруженные силы новым вооружением, военной техникой и боеприпасами.

Командование вермахта хорошо понимало, что в случае падения Ленинграда положение Кронштадта – последней базы нашего военно-морского флота на Балтике – становилось безвыходным.

Немецкое командование рассчитывало, что результатом сдачи Ленинграда стало бы объединение войск вермахта и финских войск. Эти объединенные силы получили бы возможность вырваться на оперативный простор восточнее Ладожского озера. Такой прорыв в направлении Вологды и далее мог привести к нарушению железнодорожной связи между Мурманском и страной и блокированию перевозок из Архангельска в Мурманск.

Наконец, командование вермахта учитывало, что с падением Ленинграда немецкие войска получают беспрепятственный выход на просторы севера страны, и могли быть брошены на Москву с севера, что изменило бы всю стратегическую обстановку на советско-германском фронте.

Намечая в качестве первоочередной стратегической задачи захват Ленинграда, Гитлер преследовал не только военные и экономические цели. Он видел в Ленинграде бастион большевизма. В июле 1941 г. при посещении штаба группы армий «Север» фюрер подчеркивал, что сокрушение Ленинграда означало бы уничтожение одного из символов революции, являющегося наиболее важным для советского народа на протяжении последних 24 лет. Он разъяснял генералам, что «дух славянского народа в результате тяжелого воз-

действия боев будет серьезно подорван, а с падением Ленинграда может наступить катастрофа» [8, с. 207, 217].

Следует отметить еще одно обстоятельство. Гитлер люто ненавидел Ленинград. Он считал, что Балтийское море – это немецкое море, а Санкт-Петербург, основанный Петром I, символизировал русское могущество и притязания на господство на территориях в бассейне Балтийского моря [28, с. 107].

Таким образом, Ленинград являлся важнейшим объектом на направлении одного из стратегических ударов немецко-фашистской армии. Положение, в котором оказались советские войска и ленинградцы, объясняется важнейшим основополагающим обстоятельством: Ленинград нельзя было сдавать фашистам, от устойчивости его обороны и стойкости его защитников в значительной мере зависели весь ход войны и возможность нашей победы над врагом.

Нелишне напомнить, как военную роль Ленинграда в будущей войне предельно лаконично определил И.В. Сталин на совещании руководящего состава Красной армии 17 апреля 1940 г. Он сказал: «От целостности и сохранности Ленинграда зависит судьба нашей страны, – а затем еще раз повторил, – безопасность Ленинграда – есть безопасность нашей страны» [27, с. 37].

Стремясь достигнуть наибольшего превосходства в силах и средствах, германское командование, исходя из поставленной задачи и оценки сил советских войск в Прибалтике, сосредоточило в группе армий «Север» 18-ю и 16-ю полевые армии, 4-ю танковую группу. Ее боевые действия поддерживал 1-й воздушный флот. В составе группировки, предназначенной для действий против войск Прибалтийского особого военного округа, имелось 42 дивизии, в том числе семь танковых и шесть механизированных общей численностью около 725 тыс. солдат и офицеров, более 13 тыс. орудий и минометов, не менее 1500 танков [17, с. 10]. По левому флангу нашего Северо-Западного фронта, прикрывавшего направление на Ленинград, удар наносился не группой армий «Север», а соединениями 3-й танковой группы и 9-й полевой армии из группы армий «Центр». В директиве по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск (план «Барбаросса») говорилось: «Севернее Припятских болот наступает группа армий "Центр"... Введя в бой мощные танковые соединения, она осуществляет прорыв из района Варшавы и Сувалок в направлении Смоленска; поворачивает затем танковые войска на Север и уничтожает совместно с группой армий «Север», наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, советские войска, находящиеся в Прибалтике» [26, с. 160–161].

В войне против Советского Союза на стороне Германии участвовала Финляндия. Финской армии планом «Барбаросса» четко определялось ленинградское стратегическое направление. Ей ставилась

задача «возможно быстрее захватить полуостров Ханко и прикрыть развертывание немецких войск в Северной Финляндии не позже того момента, когда войсками группы армий «Север» будет форсирована река Двина, атаковать Советские войска на юго-восточном участке финского фронта, нанести главный удар восточнее или западнее Ладожского озера... и поддержать войска группы армий «Север» при уничтожении его противника» [26, с. 167–168]. То есть финские войска должны были продвигаться на юг навстречу немецкой группе армий «Север» для соединения с ней.

Всего в Финляндии были развернуты 21 дивизия и три бригады, в которых насчитывалось более 325 тыс. человек, около 4 тыс. орудий и минометов всех калибров. Их поддерживали в воздухе 5-й воздушный флот Германии (240 самолетов) и финские военно-воздушные силы (307 самолетов) [17, с. 6].

Бросив на Ленинград огромные силы, германское командование рассчитывало в минимально короткие сроки овладеть городом.

Уже 22 июня война приблизилась к Ленинграду. В 3 ч 30 мин немецкие самолеты обстреляли пароход «Луга», а в 3 ч 45 мин 12 вражеских самолетов совершили тремя группами налет на район Кронштадта и пытались заминировать фарватеры в Финском заливе. В это же время у Выборга, стремясь воспрепятствовать взлету наших истребителей для отражения налета немцев на Кронштадт, навстречу им взлетели самолеты 7-го Краснознаменного истребительского авиационного полка под командованием старшего лейтенанта Н.И. Свитенко (в будущем Герой Советского Союза, командир крупного авиационного соединения). Смелыми действиями советских летчиков немецкие самолеты были рассеяны.

В восемь часов утра была получена директива наркома обороны, которая предписывала войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили границу. Однако впредь до особого распоряжения наземными войсками границы не переходить.

Разведывательная и боевая авиация должна была установить места сосредоточения авиации противника и группировки его войск. Но на территорию Финляндии до особых указаний налетов не совершать [32. Л. 194].

В ожидании приезда командующего войсками Ленинградского военного округа генерал-лейтенанта М.М. Попова, находившегося на пути из Мурманска, начальник штаба округа генерал-майор Д.Н. Никишев и член Военного совета Т.Ф. Штыков отдавали необходимые распоряжения, следили за складывающейся обстановкой. Они направили в войска округа директиву, в которой предлагалось немедленно ввести в действие план прикрытия и до особых указаний переход и перелет границы не производить.

Соединения и части округа сразу начали выдвигаться на рубеж обороны к государственной границе. Работа эта проводилась под руководством Военного совета и штаба округа с участием прибывшего в Ленинград заместителя наркома обороны генерала армии К.А. Мерецкова.

В донесениях штабов и политорганов отмечалось, что большинство соединений и частей организовано совершили марш. Однако из донесений видно, что не все шло так, как было определено в мобилизационных планах. Впоследствии К.А. Мерецков писал: «Как мне сообщили перед моим приездом в Ленинград, из Наркомата обороны в штаб округа поступила директива о приведении войск в боевую готовность в связи с возможным началом войны. За истекшее время соединения, части и подразделения округа стали подтягиваться ближе к государственной границе и занимать укрепрайоны, но делали это медленно, так как директива требовала, чтобы войска оставались рассредоточенными и продвигались скрытно... В целом округ не сумел выполнить все требуемое. Даже приведение войск в боевую готовность осуществлялось довольно робко» [18, с. 211–212]. Но к исходу 22 июня войска заняли рубежи в соответствии с планом прикрытия. Выявленные просчеты не сказались на боевой готовности войск.

Много лет спустя стало известно о беспечности, проявленной советским военным командованием, позволившей Финляндии расшифровать сведения из армейских радиосетей о приведении войск округа в боевую готовность (и другие важные данные). Это стало возможным потому, что код, использовавшийся при передаче шифров по радио, не менялся в течение 15 лет [4, с. 68–69]. Знание финнами наших шифров не могло не повлиять на ход боев в пограничной полосе.

Войска Ленинградского военного округа совместно с Северным флотом и частью сил Краснознаменного Балтийского флота должны были защищать границу северо-западных районов (Мурманская область, Карело-Финская ССР и Карельский перешеек), а также северное побережье Эстонской ССР и полуостров Ханко. Предвоенные планы высшего военно-политического руководства страны и командования Ленинградского военного округа не учитывали угрозу Ленинграду с южного и юго-западных направлений, хотя еще в 1927 г. выдающийся военный теоретик А.А. Свечин в работе «Стратегия» назвал Ленинград «Севастополем будущей войны». Он писал, что «невыгоды стратегического положения Ленинграда еще углубляются удалением его от источников топлива, хлеба и сырья» [14, с. 85]. Командование округа не рассчитывало в случае войны на появление этого направления. Оно исходило из соображений, что с юго-запада город надежно прикрыт войсками Прибалтийского особо-

го военного округа. ЛВО решал задачу, связанную с обороной северных и северо-западных границ СССР. Все предвоенные командующими войсками округа не брали в расчет ситуацию, при которой противник мог пройти от Восточной Пруссии более 750 км и подойти к городу с юго-запада. Единственный, кто пытался кое-что предусмотреть, был П.Е. Дыбенко, командовавший округом в 1937–1938 гг. В то время проводились даже специальные учения. Но в целом в округе не проводились сколько-нибудь серьезные оборонительные мероприятия для защиты Ленинграда с юго-запада [30, с. 29]. Небольшие коррективы, внесенные в планы округа накануне войны, предусматривающие передачу в состав войск округа 65-го стрелкового корпуса с 16-й и 11-й стрелковыми дивизиями и 4-й авиационной дивизии, преследовали лишь цель обеспечения обороны побережья Эстонии [22, с. 309].

В три часа ночи 22 июня в районные штабы местной противовоздушной обороны (МПВО) был вызван руководящий состав, а в 10 часов утра объявлен сбор личного состава МПВО. Эта система сложилась еще задолго до начала Великой Отечественной войны и насчитывала около 100 тыс. человек. С 1930 г. и на протяжении всей войны ею руководил заместитель председателя Ленгорисполкома полковник, а затем генерал-майор Е.С. Лагутин, кадровый военный, участник войны в Испании.

В двенадцать часов жители города услышали по радио выступление заместителя председателя СНК СССР, народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова о разбойничьем нападении Германии на СССР. Он выразил уверенность, что Красная армия и флот с честью выполнят свой долг.

В этот день в трудовых коллективах, в войсках округа в районах сосредоточения, у боевых машин и на огневых позициях, на аэродромах состоялись митинги и собрания. Свои патриотические чувства и мысли, ненависть к фашистской Германии воины округа выразили в принятых на них резолюциях. «Мы бойцы и командиры, – говорилось в решении, принятом личным составом батареи старшего лейтенанта Ананьева, – глубоко возмущены неслыханным вероломством фашистских захватчиков. Гневом и ненавистью переполнены наши сердца. Орудия наши готовы к бою. Их смертоносный огонь развеет в прах фашистскую нечисть [20]. Артиллеристы поклялись мужественно биться с врагами, преодолеть любые трудности во имя защиты Отечества.

Вместе с тем общий тон резолюций большинства митингов и собраний показывает, что воины округа, ленинградцы недооценивали силы фашистской Германии. У людей была твердая уверенность в скорой победе над врагом. В выступлениях на митингах проскальзывала мысль о том, что события развернутся лишь у советских границ,

и враг не выдержит первых ударов Красной армии. Так были воспитаны советские люди, настолько высок был их патриотический дух.

Убеждения, что мы сильнее и добьемся быстрой победы, с одной стороны, действовали успокаивающе на воинов, другой – приближение линии фронта к Ленинграду вызывали озабоченность и неуверенность [22, с. 310].

В короткий срок была перестроена вся политико-воспитательная работа командиров и политработников, чтобы довести до сознания воинов суровую правду о смертельной опасности, нависшей над нашей Родиной. «Враг силен, – писала газета "Правда". – Было бы легкомысленным недооценивать его силу. Нельзя тешить себя мыслями о легких успехах. Война с коварным и сильным врагом требует усилий и жертв» [24].

Уже в первый день войны указом Президиума Верховного Совета СССР наряду с другими республиками и областями было объявлено военное положение в Ленинградской области и Ленинграде, в Карело-Финской ССР, Архангельской, Мурманской и Вологодских областях. Функции государственной власти по обороне и обеспечению общественного порядка и государственной власти перешли в руки Военных советов фронтов, округов и армий. Правда, в Ленинграде существовали и другие органы руководства городом. 1 июля 1941 г. Городской и Областной комитеты ВКП(б) создали Комиссию по вопросам обороны города, в компетенцию которой входило решение всех возникающих проблем в жизни города. В ее состав вошли А.А. Жданов (председатель), А.А. Кузнецов, Т.Ф. Штыков, Н.В. Соловьев, П.С. Попков. Эта комиссия неофициально называлась «большой пятеркой». Но с 30 августа 1941 г. вся полнота власти была сосредоточена в руках Военного совета Ленинградского фронта [13, с. 14].

22 июня на территории 14 военных округов страны была объявлена мобилизация военнообязанных рождения 1905–1918 гг. Уже в 12 часов 30 минут в этот день у военкоматов начали выстраиваться очереди добровольцев. Среди них было много людей, которые не состояли на военном учете по возрасту, болезни или каким-либо другим причинам. Громадный поток заявлений о желании добровольно вступить в Красную армию явился ярким и убедительным доказательством патриотического подъема, охватившего ленинградцев. Двери большинства мобилизационных пунктов пришлось открыть еще вечером 22 июня. А с утра 23 июня мобилизация шла уже повсеместно. Штаб округа отдал распоряжение войскам перейти на штаты военного времени, приступить к доукомплектованию частей личным составом, транспортом и имуществом [11, с. 188]. Мобилизация проводилась четко. В Карело-Финской ССР к исходу 23 июня она была в основном закончена. В Ленинграде только 22 и

23 июня на мобилизационные пункты пришли около 100 тыс. человек [17, с. 14].

Одной из первоочередных задач Военного совета округа была защита Ленинграда от авиации противника. Принимались меры по усилению противовоздушной обороны и организации тесного взаимодействия 2-го корпуса ПВО с военно-воздушными силами округа и Краснознаменного Балтийского флота.

В ночь на 23 июня в Ленинграде прозвучал первый сигнал воздушной тревоги. Со стороны Финского залива приближалась группа бомбардировщиков «Юнкерс-88». Но прорваться к городу самолетам врага не удалось. Они были встречены огнем зенитных батарей. 15-я батарея 194-го зенитного артиллерийского полка ПВО, которой командовал младший лейтенант А.Т. Пимченков, сбита «Юнкерс-88». Подоженная машина совершила вынужденную посадку. Три человека экипажа были первыми пленными, захваченными под Ленинградом [29, с. 22–23]. Днем стало известно еще об одной победе. Командир звена 158-го истребительного авиационного полка лейтенант А.В. Чирков (позже ставший Героем Советского Союза) вступил в бой с двумя немецкими бомбардировщиками и сбил «Хейнкель-111», открыв боевой счет ленинградских летчиков-истребителей. Через день однополчанин Чиркова старший лейтенант П.А. Покрышев (впоследствии дважды Герой Советского Союза) и летчик-истребитель ВВС Краснознаменного Балтийского флота капитан А.К. Антоненко уничтожили по вражескому самолету.

Советские летчики продолжали мужественно бороться с авиацией противника. 28 июня шестерка истребителей 158-го авиационного полка нагнала у города Острова и рассеяла группу вражеских бомбардировщиков. Младший лейтенант П.Т. Харитонов и командир звена младший лейтенант С.И. Здоровцев, израсходовав в бою боеприпасы, пошли на таран и сбили по вражескому бомбардировщику. 29 июня их однополчанин М.П. Жуков, стремясь таранить фашистский самолет, загнал его в Псковское озеро. Это были первые тараны в небе под Ленинградом. М.П. Жуков, С.И. Здоровцев и П.И. Харитонов стали первыми героями Советского Союза в Великой Отечественной войне. Это звание им было присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР 8 июля 1941 г.

События на фронте принимали в это время все более опасный характер. Красная армия в первые дни войны терпела тяжелые поражения. Фронт продвигался к Ленинграду с юго-западного направления.

24 июня на базе управления войск Ленинградского военного округа образуется Северный фронт. Командующим фронтом был назначен генерал-лейтенант М.М. Попов, членами Военного совета – корпусной комиссар Н.Н. Климентьев, секретари ЛО и ЛГ комитетов ВКП (б) дивизионный комиссар А.А. Кузнецов и бригадный комиссар

Т.Ф. Штыков. Начальником штаба фронта был утвержден генерал-майор Д.Н. Никишев [11, с. 189].

В ходе реорганизации управления войсками фронта директивой Генерального штаба в июле 1941 г. было сформировано управление Ленинградского военного округа, главной задачей которого была подготовка резервов, формирование и обучение соединений и частей. Командующим войсками округа назначили генерал-лейтенанта Т.И. Шевалдина, членом Военного совета – секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) Г.Х. Бумагина, начальником штаба – генерал-майора А.И. Субботина. В конце августа 1941 г. управление округа было упразднено [22, с. 311–312].

24 июня Ставка Верховного Главнокомандования информировала Военные советы Северного фронта, Северного и Балтийского флотов*, что на территории Финляндии сосредотачиваются немецкие войска и авиация для нанесения удара по Ленинграду и захвата Мурманска и Кандавакши. «В целях предупреждения и срыва авиационного удара на Ленинград, намеченного немецким командованием в Финляндии, – указывалось в директиве, – приказываю: Военному Совету Северного фронта с 25.06.1941 г. – начать боевые действия нашей авиации и непрерывными налетами днем и ночью разгромить авиацию противника и ликвидировать аэродромы...» [6, с. 216–217].

Упреждающий удар был нанесен советской авиацией на рассвете 25 июня по 18 аэродромам в Финляндии и Норвегии. В этой операции принимали участие 263 бомбардировщика и 224 истребителя, совершившие 487 самолетовылетов [1, с. 296]. За первый день налета было уничтожено 30 вражеских самолетов на земле, сбито 11 в воздушных боях [25, с. 69].

Советское руководство сочло необходимым уведомить финское правительство, что это вынужденная мера с советской стороны и была направлена исключительно против агрессивных действий Германии. Хотя телефонно-телеграфная связь с Хельсинки оказалась по непонятным причинам прервана уже с самого начала осуществления плана «Барбаросса», в день налета советской авиации из Москвы по радио было передано разъяснение Финляндии, что предпринятый удар исключительно направлен лишь против германских ВВС. Это подтверждает и тот факт, что от него почти не пострадала финская авиация. Ее потери составили всего три самолета [4, с. 45].

Однако правительство Финляндии использовало этот удар советской авиации по аэродромам, расположенным на ее территории, как предлог для объявления войны. 26 июня, когда немецкие войска достигли Западной Двины, Финляндия, как это и было предусмотре-

* Краснознаменный Балтийский флот с 27 июня 1941 г. был оперативно подчинен Военному совету Северного фронта

но заранее планом «Барбаросса», официально начала войну против Советского Союза.

В этот день финская артиллерия открыла интенсивный огонь в районе полуострова Ханко по советской военно-морской базе, а на остров Хорсен пытался высадиться десант, но был отбит. Началась 160-дневная героическая оборона этой базы Краснознаменного Балтийского флота.

Командир военно-морской базы Ханко генерал-майор С.И. Кабанов приказал батареям Гангута (Ханко) вступить в контрбатареиную борьбу [7, с. 46]. Эта борьба с артиллерией противника была не легкой. Тридцать одной батарее финнов противостояли семнадцать артиллерийских батарей базы. К тому же к финским батареям позже присоединились еще восемь орудий двух броненосцев береговой обороны финского флота [2, с. 30]. В этих условиях наши артиллеристы свои усилия направили на сооружение укреплений, строительство дзотов. «Строили их, – вспоминал командир 343-го артполка полковник И.И. Морозов, – в три наката бревен, накладывали ряды камней, и эти дзоты получились такие, что ни одно орудие у нас не было выведено из строя» [35. Л. 1а–2].

С обострением обстановки на северо-западном направлении требовались энергичные меры по формированию новых воинских частей и соединений. 27 июня Военный совет Северного фронта обращается с просьбой в Ставку Верховного Главнокомандования разрешить сформировать в Ленинграде армию добровольцев (до 4 июля 1941 г. так называли Ленинградское народное ополчение) в составе семи дивизий и численностью в 100 тыс. чел. Сто тысяч – это то максимальное количество добровольцев, которое могло пойти на фронт, не принося большого ущерба ленинградской экономике, не нарушая мобилизационных планов штаба Северного фронта [25, с. 64]. Такое разрешение было получено. 29 июня создаются районные комиссии по отбору добровольцев. 30 июня началось формирование Ленинградской армии народного ополчения. Тысячи ленинградцев подавали заявления с просьбой направить их на фронт. Среди них были рабочие и инженеры, ученые и работники искусства. Всего по Ленинграду было подано свыше 200 тыс. таких заявлений [21, с. 50]. Вместе с мужчинами в ЛАНО записывались и женщины Ленинграда. В первый месяц войны от девушек Ленинграда поступило свыше 27 тыс. заявлений [12, с. 39–40]. Поток добровольцев нарастал так стремительно, что отборочные комиссии пришлось создавать не только в районах, но и на крупных предприятиях.

В конце июня были организованы Военный совет, штаб и политотдел армии народного ополчения. Командующим армией был назначен генерал-майор А.И. Субботин. В состав Военного совета вошли заведующий организационным отделом горкома партии

Л.М. Антюфеев, бригадный комиссар И.Д. Жмакин, горвоенком Ф.Ф. Расторгуев, начальник штаба полковник М.Н. Никитин.

4 июля комиссия по вопросам обороны города приняла решение вдвое увеличить численность народного ополчения и сформировать 200-тысячную армию. Решение создать столь многочисленную армию ополченцев было нереальным. Оно не отвечало возможностям Ленинграда, могло оставить без людей промышленные предприятия и оборонные стройки [16, с. 56].

В начале июля были сформированы первые три дивизии народного ополчения общей численностью 31 тыс. человек. 10 июля было закончено формирование 1-й дивизии народного ополчения, состоявшей в основном из трудящихся Кировского района. 12 июля сформирована 2-я (Московская) и 14 июля – 3-я (Фрунзенская) дивизия народного ополчения. Во второй половине июля – начале августа были сформированы четыре гвардейских дивизии народного ополчения [13, с. 21].

За короткий срок численность ополчения достигла более 160 тыс. человек. Из них было сформировано 10 стрелковых дивизий, 16 отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов, 7 партизанских полков и несколько маршевых батальонов. Командование фронта назначило командиров полков и дивизий и выделило вооружение. Командный состав подразделений народного ополчения в своем большинстве пришел из запаса. Например, на всю 3-ю дивизию имелось шесть кадровых командиров [5, с. 23]. Ополченцы не имели положенного по штату тяжелого вооружения, пулеметов и другой боевой техники. Так, 2-я ДНО имела 9 гаубиц, 20 пушек калибра 76 мм и 122 мм, а также 138 минометов, 3-я ДНО – 4 гаубицы, 35 пушек и 108 минометов, а 1-я ДНО, как и 2-я, тоже 9 гаубиц, но всего 9 пушек и ни одного миномета [15, с. 46].

Народное ополчение было одной из форм проявления всенародного характера Великой Отечественной войны, явилось выражением патриотизма советских людей, их стремления с оружием в руках защищать Родину. Однако создание народного ополчения было мерой экстраординарной, вынужденной. Она была связана с просчетами в подготовке страны к войне. Несмотря на всеобщий патриотический порыв и готовность самоотверженно сражаться с врагом, боеспособность дивизий народного ополчения была низкой, ополченцы несли большие потери, но их вклад в оборону Ленинграда переоценить невозможно [13, с. 22].

Помимо дивизий народного ополчения и пулеметно-артиллерийских батальонов создавались и другие добровольческие формирования, в том числе истребительные и рабочие батальоны. К 5 июля в районах и городах Ленинградской области было сформировано и вооружено 79 истребительных батальонов численностью 17167 человек [12, с. 48]. Общая численность всех добровольческих

формирований, которые Ленинград дал фронту, составила более 204 тыс. человек [13, с. 22].

Управление фронта наряду с активным участием в создании армии народного ополчения по директиве Генерального штаба в конце июня – начале июля приступило к формированию 25-й кавалерийской, 272-й и 281-й стрелковых дивизий.

Уже в первых боях с врагом, развернувшихся на Северном фронте, советские воины мужественно сражались с превосходящим их противником.

Границу СССР с Норвегией и Финляндией прикрывали войска Северного фронта совместно с Северным флотом – всего 402 тыс. человек, 1543 танка, 7750 орудий и минометов, корабли и подводные лодки Северного флота, 1794 самолета [6, с. 100]. В соответствии с планом прикрытия государственной границы перед войсками стояла задача не допустить прорыва противника на важнейших операционных направлениях. Войска Северного фронта и силы Северного флота к 27 июня были приведены в полную боевую готовность, а стрелковые соединения и части заняли оборонительные позиции у государственной границы и готовились к отражению вражеского наступления [6, с. 100].

Соотношение сил на северных подступах к Ленинграду было в пользу вражеских войск. Они превосходили наши войска по пехоте в 1,9 раза, по орудиям и минометам – в 1,2 раза. Плотность огневых средств нашей обороны была весьма незначительна. Так, в 7-й армии на километр фронта приходилось в среднем от 0,5 до 3 орудий (без учета минометов) [29, с. 26].

29 июня на Крайнем Севере перешел в наступление немецкий горнострелковый корпус «Норвегия» с задачей не позднее 4 июля захватить Мурманск. Развернулись напряженные бои. Части 14-й стрелковой дивизии, 23-го укрепленного района, береговой обороны при огневой поддержке кораблей Северного флота остановили противника на перешейке полуострова Средний и не допустили его продвижение по советской территории за пограничный знак № 1 [6, с. 100]. Советские части и подразделения, оборонявшиеся на рубеже реки Титовки, не располагая достаточными силами, к 4 июля отошли на рубеж по восточному берегу реки Западная Лица. Сюда из района Мурманска была выдвинута 52-я стрелковая дивизия под командованием полковника Г.А. Вещезерского и части морской пехоты, которые упорной обороной на этом рубеже в тесном взаимодействии с ударами четырех морских десантов во фланг немецких войск остановили наступление противника. Боевые действия 52-й и 14-й дивизии заслужили высокую оценку командования [11, с. 198]. Попытка врага овладеть Мурманском не удалась. Приказом НКО СССР от 25 декабря 1941 г. 52-я стрелковая дивизия была преобра-

зована в гвардейскую, а 158-й артиллерийский полк этой дивизии стал 29-м гвардейским артиллерийским полком [10. Л. 60].

В это же время финские войска начали наступление на Ханко. Для захвата полуострова противник выделил пехотную дивизию, усиленную специальными частями, и мощную артиллерийскую группировку [2, с. 32].

В ночь на 1 июля финны после артиллерийской подготовки атаковали Ханко. Боевые действия на перешейке полуострова длились более шести часов. Гангутцы достойно встретили противника, его наступление было отбито с большими для него потерями. В ночь на 30 июня враг захватил остров Хорсен.

Упорные бои развернулись на кандалакшском, кестеньгском и ухтинском направлениях. 1 июля 36-й корпус немецкой армии «Норвегия» нанес удар на кандалакшском направлении, имея задачу овладеть Кандалакшой, перерезать важнейшую в стратегическом отношении Кировскую железную дорогу. В течение сорока дней вражеские войска пытались безуспешно преодолеть оборону 42-го стрелкового корпуса генерал-майора Р.И. Панина [11, с. 200].

В ночь на 1 июля финские войска перешли в наступление на стыке 7-й и 23-й армии в направлении Лахденпохья, стремясь прорваться на западное побережье Ладожского озера и расчлнить боевые порядки Северного фронта в районах Сортавалы, Лахденпохья, Хиитолы, а затем разгромить наши армии по частям – первоначально на Онежско-Ладожском, а затем и на Карельском перешейке. Удар противника приняли части и подразделения 168-й стрелковой дивизии 7-й армии и 142-й стрелковой дивизии 23-й армии.

Упорной и активной обороной советские войска сорвали замыслы финского командования. За девять дней наступления финнам удалось вклиниться в оборону наших войск лишь на 15 км [3, с. 198]. Однако до побережья Ладоги оставалось тоже всего 15 км, а настойчивость, с которой действовал противник, показывала, что он не откажется от достижения поставленных целей. Необходимо было предпринять определенные контрмеры. Они были нужны, ибо вклинение противника ликвидировать не удалось. Но соединения и части 23-й армии продолжали выполнять задачу в прежних боевых порядках, без достаточных резервов в условиях крайней ограниченности маневренных возможностей. В последующем это поставило советские дивизии в тяжелое положение [17, с. 23].

На кестеньгском и ухтинском направлениях, в районе Лоухи, 3-й армейский корпус финнов рвался к Кировской железной дороге. Используя превосходство в силах и средствах, противнику удалось продвинуться в глубь Карелии и достичь водного рубежа у Войницы (западнее Ухты) и Кананайнен (в 40 км юго-западнее Кестеньги), но здесь он был остановлен.

На ребольском направлении в начале июля 14-я пехотная дивизия финнов прорвала нашу оборону и развила наступление к Кировской железной дороге, которая в районе станции Кечкома оказалась под угрозой. Спешно организованные из местного населения отряды сходу вступили в бой и не допустили финнов к железной дороге [11, с. 198].

Учитывая опасную обстановку, складывающуюся на Ленинградском направлении, Ставка Верховного Главнокомандования 4 июля приняла решение о привлечении для обороны юго-западных подступов к Ленинграду войска Северного фронта. В директиве Генерального штаба Военному Совету Северного фронта, подписанной генералом армии Г.К. Жуковым, говорилось: «В связи с явной угрозой прорыва противника в районе Остров, Псков немедленно занять рубеж обороны на фронте Нарва, Луга, Старая Русса, Боровичи. На этом рубеже и на предполье глубиной 10–15 км создать сплошные заграждения и минные поля, оставив лишь пути для войск Северо-Западного фронта <...> Собрать больше противотанковых пушек и поставить их в качестве орудий ПТО. Разрешается снять часть дивизионов с ПВО округа, включительно до снятия ее с Выборга и других объектов» [31. Л. 165].

На следующий день, 5 июля за подписью начальника Генерального штаба Г.К. Жукова в адрес Военного совета Ленинградского военного округа [31. Л. 77] поступила новая директива Ставки ВГК о строительстве оборонительных рубежей «для прикрытия города Ленинграда и важнейших направлений с юго-запада и юга: Гдов – Кингисепп – Ленинград, Луга – Ленинград, Новгород – Ленинград, Вышний Волочек – Ленинград». Завершить строительство оборонительной полосы было приказано к 15 июля [31. Л. 77].

Но фактически командование Северного фронта уже в первые дни войны стало заниматься подготовкой оборонительных рубежей.

24 июня было принято решение строить три оборонительных рубежа. Основной – по реке Луге до оз. Ильмень. Второй – по линии Петергоф – Красногвардейск (Гатчина) – Колпино. Третий рубеж по линии Автово – окружная железная дорога – ст. Предпортовая – Средняя Рогатка – ст. Рыбацкое [13, с. 19–20].

Военный совет фронта разработал план усовершенствования старых УРов – Псковского, Кингисеппского и Карельского, а также строительство Лужской оборонительной полосы и сооружения Красногвардейского и Слуцко – Колпинского УРов на ближних подступах к Ленинграду, создания внешнего обвода и внутренней полосы обороны города [25, с. 20].

Военный совет Северного фронта возложил военно-инженерное руководство по созданию оборонительных рубежей на помощника командующего фронта по УРах генерал-майора П.А. Зайцева. Он же возглавил специально созданное Управление строительства тыловых оборонительных рубежей. 25 июля была сформирована спе-

циальная комиссия по оборонительным работам под председательством секретаря ЛГК ВКП(б) А.А. Кузнецова [25, с. 20].

27 июня 1941 г. исполком Ленинградского городского совета депутатов трудящихся принял постановление о привлечении жителей города к трудовой повинности. Было решено также прекратить строительство ленинградского метрополитена, электростанций и других объектов, а высвобождающуюся рабочую силу, механизмы и автотранспорт направить на оборонительные работы. Всего в июле – августе 1941 г. в работах принимало участие около 500 тыс. человек. Ежедневно в среднем было занято свыше 133 тыс. человек. Большую работу по строительству оборонительных сооружений проводили трудящиеся Ленинградской области. На строительство оборонительных узлов Бабино – Тосно, Слуцк – Колпино, Луга, Красногвардейск, Кингисепп – Ораниенбаум и в восточном секторе в июле – августе 1941 г. ежедневно работало по 150 тыс. человек, а в отдельные периоды по 250 тыс. человек [13, с. 20].

Работа шла непрерывно. Механизаторы в глубине обороны отрывали глубокие рвы, устраивали лесные завалы. В предполье и перед основной полосой саперы устанавливали минные поля и проволочные заграждения.

На Ижорском, Кировском, Балтийском, Металлическом и других заводах изготавливались долговременные огневые точки – броневые и железобетонные, а также различные противотанковые надолбы.

Наиболее сложным было строительство Лужского оборонительного рубежа протяженностью около 250 км. Он создавался от Нарвского залива, проходил по берегам рек Луга, Мшага, Шелонь и заканчивался у озера Ильмень. На нем было построено значительное количество различных инженерных соединений, в том числе 517 противотанковых препятствий (201 км противотанковых рвов, 241 км эскарпов, 15 км надолб и др.), 826 огневых сооружений [33. Л. 185–186].

В немецком трехтомнике документов и материалов «Вторая мировая война» говорится, как группа армий «Север» натолкнулась на оборонительную линию, которую воздвигли на рубеже Луги рабочие Ленинграда. «С начала августа* здесь работали миллион человек, – пишут авторы тома. – Рабочие, интеллигенты, служащие, студенты, женщины и дети с ожесточенным упорством стремились отрыть противотанковые рвы, заложить мины, соорудить проволочные заграждения. Мужественно выстояли они под огнем противника. Это отчаянное сопротивление стоило немцам 75 тыс. жизней и, прежде

* Авторы трехтомника ошибочно указывают время, когда начались работы по возведению Лужского оборонительного рубежа

всего, дало руководству города время для подготовки обороны» [19, с. 217].

Для обороны рубежа Военный совет Северного фронта 5 июля принял решение создать Лужскую оперативную группу под командованием заместителя командующего фронтом генерал-лейтенанта К.П. Пядышева. В составе группы к началу боевых действий имелось две стрелковые дивизии, две дивизии народного ополчения, Ленинградское Краснознаменное пехотное училище имени С.М. Кирова в полном составе, стрелково-пулеметное училище, 41-й стрелковый корпус 11-й армии, соединения и части которого были существенно ослаблены в предыдущих боях [3, с. 32]. Кроме того, в группу входили полк артиллерийских курсов усовершенствования командного состава, дивизион 28-го корпусного артиллерийского полка и батареи 1-го и 3-го Ленинградских артиллерийских училищ и зенитный дивизион Ленинградского училища инструментальной разведки зенитной артиллерии* [29, с. 32]. Эти артиллерийские части и подразделения были объединены в особую артиллерийскую группу под командованием полковника Г.Ф. Одинцова. Начальником артиллерии ЛОГ был назначен генерал-майор артиллерии С.А. Краснопевцев. До подхода противника группа успела полностью занять восточный участок в районе Луги силами стрелковых дивизий. На нижнее течение реки войска к 10 июля только начали выдвигаться.

Список литературы

1. 300 лет военной истории Санкт-Петербурга.
2. Арутюнян Б.А., Фролов М.И. Огневой щит и меч Ленинграда 1941–1944 гг.
3. Барбашин И.П. и др. Битва за Ленинград 1941–1944. – М., 1964.
4. Барышников Н.И. Блокада Ленинграда и Финляндия. – СПб.; Хельсинки, 2002.
5. Бешанов В. Ленинградская оборона. Мн., 2006.
6. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Стратегический анализ. Кн. 1. – М., 2004.
7. Гангут. 1941. Л., 1974.
8. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2.
9. Дзенискевич А.Р. Фронт у заводских стен. Малоизученные проблемы обороны Ленинграда. 1941–1944. – СПб.
10. Исторические фонды Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВВС). Альбом гвардейских артиллерийских частей Отечественной войны 1941–1942 гг.
11. История ордена Ленина Ленинградского военного округа.
12. Карасев А.В. Ленинградцы в годы блокады. – М., 1959.
13. Ковальчук В.М. 900 дней блокады. Ленинград 1941–1944. – СПб., 2005.

* В некоторых изданиях указывается, что в состав ЛОГ входил полк 2-го Ленинградского артиллерийского училища. Однако училище в составе четырех огневых дивизионов и дивизиона артиллерийской инструментальной разведки во второй декаде июля 1941 г. было переброшено под Гатчину и не принимало участия в боях на Лужском рубеже

14. Кокошин А.А. Армия и политика. Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль 1918–1991 // Междунар. отношения. – 1995.
15. Колесник А.Д. Народное ополчение городов-героев. – М., 1974.
16. Крюковских А.П. Ленинградская партийная организация: годы войны // Ленинградская эпопея. Организация обороны и населения города.
17. Ленинград в борьбе месяц за месяцем 1941–1944. – СПб., 1994.
18. Мерецков К.А. На службе народу. – М., 1983.
19. Мерцалов А.Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ. – М., 1989.
20. На страже Родины. – 1941. – 25 июня.
21. Очерки истории Ленинграда. Л., 1967. Т. 5.
22. Петербургский–Петроградский–Ленинградский военный округ.
23. Поражение германского империализма во Второй мировой войне: ст. и документы. – М., 1960.
24. Правда. – 1941. – 29 июня.
25. Северо-Запад России в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945.
26. Совершенно секретно! Только для командования! – М., 1967.
27. Соколов А.М. Битва за Ленинград и ее значение в Великой Отечественной войне. – СПб., 2005.
28. Солсбери Гаррисон. 900 дней / пер. с англ. – М., 1994.
29. Фролов М.И. Артиллеристы в боях за город Ленина.
30. Фролов М.И. Салют и реквием. Героизм и трагедия Ленинградцев 1941–1944. – 4-е изд., доп. – СПб., 2004.
31. ЦАМО РФ. Ф. 48-А. Оп. 1554. Д. 9.
32. ЦАМО РФ. Ф. 207. Оп. 1207. Д. 25.
33. ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 220.
34. ЦАМО РФ. Ф. 742. Оп. 595874. Д. 1.
35. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 10. Д. 525.

УДК 94(470.23-25)084.8
ББК 63.3(2)622,11

А. В. Кутузов*

Город-крепость: отражение осады Ленинграда на Западе

В статье автор сравнивает отражение блокады с жизнью людей в осажденном Ленинграде и проблемами обороны крепостей в годы Второй мировой войны. Он пытается представить различные точки зрения и ответить на вопрос,

* **Кутузов Александр Владиславович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Северо-Западный (Санкт-Петербург) филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, действительный член Академии военно-исторических наук, член Ассоциации историков битвы за Ленинград и блокады, докторант кафедры новейшей истории России Санкт-Петербургского государственного университета

почему во время Великой Отечественной войны и враги, и союзники, и СССР показывали только героические страницы этой борьбы за крепости.

The author in article compares the blockade and reflection the siege of Leningrad and life people in Leningrad with problems defend fortresses in the time of the II World War. He tried to represent it from the different points of view and brought the answer to a question why, at the time of the Great Patriotic War, enemies, allies and also USSR reflect only heroic tendency of fight for fortresses.

Ключевые слова: осада Ленинграда, средства массовой информации, воспоминания, город-крепость.

Key words: siege of Leningrad, mass media, memoirs, city-fortress.

Князь А.Г. Щербатов вспоминал, что когда крепости Данциг <Гданьск> угрожала осада, «король прусский просил императора Александра отправить туда некоторое число русского войска <...> для восстановления духа пруссаков, которые видели почти все свои крепости падшими перед французами без надлежащей защиты...» [24, с. 50]. После разгрома армии Наполеона союзные войска вошли в Париж. «Улицы наполнены были народом, который заглушал все своими радостными восклицаниями» [24, с. 103]. Наши солдаты этой радости не поняли. Они и тогда смотрели на вопросы капитуляции городов с иной точки зрения. На Западе же оборона города от превосходящих сил противника считалась малоперспективным делом, особенно если подходили к концу продовольственные и пороховые припасы.

Наступила Вторая мировая война. Во время вторжения во Францию офицер вермахта Х. Люк «предупредил всех солдат насчет необходимости хорошего обращения с мирным населением, чтобы никто не вздумал вести себя как завоеватель» [11, с. 77]. И французы оценили это: «мэр города вручил мне ключи <...> я приказал, чтобы никто не стрелял <...> поскольку мне жаль эти прекрасные исторические здания <...> открывайте магазины. У нас в карманах настоящие деньги. Никому из вас не будет причинено никакого вреда» [11, с. 84]. «Ранним утром 18 июня мы подступили к внешним фортам цитадели Шербура. Роммель тотчас же вызвал пикировщики «Штука», которые обрушивались на форты один за другим. 19 июня в ходе официальной церемонии французское командование сдало нам крепость. Роммель проявил любезность и отдал дань уважения гарнизону» [11, с. 87]. Мы видим, как на Западе относились к обороне крепостей. А ведь только французские укрепленные районы могли остановить немецкие танки при господстве в небе вражеской авиации.

Впервые в истории Второй мировой войны фашистские танкер-гренадерские дивизии остановили под Ленинградом. На одном из

митингов танкисты 1-й Краснознаменной танковой дивизии заявили: «Скорее Нева потечет вспять, чем немецкие фашисты завладеют Ленинградом. Никогда не ступать немецкому сапогу на широкие ленинградские проспекты и просторные площади!» [10, с. 78]. На вопрос журналиста «собирались ли власти сдать Ленинград?» писатель и участник обороны Невской твердыни Д. Гранин ответил прямо: «Ничего подобного не было. Было ощущение того, что война идет не на жизнь а на смерть, война именно с Ленинградом. Ни о каком компромиссе, ни о каком белом флаге тут речь не могла идти» [8]. Поэтому вопрос об объявлении Ленинграда открытым городом, как это было, например, с Парижем в 1940 г., никогда не мог возникнуть [3, с. 256], что было совсем не похоже на Европейский театр боевых действий. И панцергренадерские дивизии споткнулись под Ленинградом, которому было суждено стать первой неприступной крепостью Второй мировой войны.

Докладная записка В.Н. Меркулова и П.Н. Кубаткина членам Военного совета Ленинградского фронта К.Е. Ворошилову и А.А. Жданову об организации наземной обороны Ленинграда гласила: «Совершенно секретно. 3 сентября 1941 г. ...Наземная оборона города должна строиться в предвидении борьбы в условиях окружения. Оборона должна быть активной, упорной и решительной, сопровождаться контратаками наших войск с целью отбросить противника от города. Основные силы врага должны уничтожаться на внешних подступах города. Наши войска в узлах сопротивления не отступают и не сдаются. Возможные прорывы отдельных пехотных и танковых групп вглубь обороны должны уничтожаться немедленно контрударами резервов обороняющихся. <...> В дополнении к основным узлам сопротивления в достаточном количестве в каждом секторе должны быть созданы противопехотные и противотанковые заграждения на улицах и перекрестках, ловушки и каменные мешки, усиленные ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем. <...> При борьбе внутри города необходимо привлечение к активной роли всех местных рабочих формирований и населения. Следует заранее все формирования в пределах сектора подчинить начальнику сектора, а население организовать и подготовить для обороны зданий, ворот и подъездов. На вооружении отрядов из населения должны быть только гранаты и бутылки с зажигательной смесью. <...> Военному командованию должно быть предоставлено право намечать пути скрытого прохода внутри зданий, закидки засад для действия в тылу врага и устройства проходов в смежные здания» [12, с. 17–19].

Б.Г. Социлин, второй секретарь Василеостровского РК ВКП (б), вспоминал, что в конце июля, в августе и начале сентября собирали партийный актив. Там всегда присутствовали А.А. Жданов, К.Е. Во-

рошилов и А.А. Кузнецов. Всегда жизнерадостный, бодрый и веселый А.А. Жданов на последних двух активках выглядел утомленным. Видно было, что человек недосыпает. То же самое можно было сказать об А.А. Кузнецове и К.Е. Ворошилове. Внешне же они всегда были подтянутыми и аккуратными. Во время доклада А.А. Кузнецова об обстановке А.А. Жданов перебил выступающего и попросил: «Расскажите, как Вам приходилось в штыки на немцев ходить» [21. Л. 12–13].

Корреспондент газеты «Санди таймс» и радиокompании «Би-би-си», А. Верт отмечал: «...как только немцы были остановлены за стенами Ленинграда, как только было принято решение биться за каждый дом и за каждую улицу, ошибки военных и гражданских властей были охотно забыты, ибо речь теперь шла о том, чтобы отстоять Ленинград любой ценой» [3, с. 257].

Вместе с тем уже с 6 сентября 1941 г. высшее командование вермахта стало говорить о падении Ленинграда. Вскоре в Берлине состоялась пресс-конференция, где иностранным журналистам сказали, что советские войска попали в окружение и их ждет либо смерть от голода, либо полное уничтожение, а немцы решили не штурмовать город, поскольку не желают нести ненужные потери [16, с. 293–294].

Из сотни донесений, которые передавала «Красная капелла», огромную роль сыграли те, которые информировали советскую разведку о решении немецкого командования блокировать город [4, с. 122]. Если эти сообщения действительно доходили до центра, то в совокупности с другими косвенными данными они позволили городскому руководству переориентировать людей, которые в сентябре 1941 г. готовились к уличным боям. Директор завода «Вулкан» Е.И. Красовицкий вспоминал: «1 октября 1941 года собрал нас секретарь Горкома партии т. Длугач <...> Надо сказать, что в тот период времени мы как раз усиленно занимались вопросами обороны завода, враг был близко, налеты и обстрелы были частые. Тов. Длугач собрал нас, директоров, и задал вопрос: «Как вы готовитесь к зиме?»

Среди нас пошел смех.

- О какой зиме?!...

- Как собираетесь программу строить, как собираетесь ее выполнять?

Опять гул недоумения в зале. Один из товарищей нашелся смелым и говорит:

- Что вы смеетесь, что ли над нами? Завтра мы пойдем к Кировскому заводу, будем воевать, а Вы говорите о подготовке к зиме!!!

Тогда т. Длугач говорит: «Предоставьте воевать Красной армии и нам в Горкоме подумать об этом, а Вы извольте заниматься про-

изводством!» Сейчас Вы получите планы. Мы вам дадим планы, а вы будете делать то, что там будет указано. Мы город отстоим. Мы уверены...» [22. Л. 13 (об)–14].

Когда голод вплотную подступил к городу, военная цензура стала изымать из писем наиболее яркие картины бытовых трудностей и лишений, выпавших на долю ленинградцев. Так, в письмах из Ленинграда от Анатолия Валентиновича Бианки своему брату, известному писателю, говорилось следующее. В письме от 29. XI 1941 г., что «трудно с питанием», «по сравнению с очень многими нашими знакомыми здесь мы еще в очень хорошем положении "здоровы", не лежим в кровати <...> Все остальное, как и у всех – положение окруженной крепости со всеми ее "прелестями". Если суждено нам когда-нибудь увидаться – расскажем, а писать не стоит – к чему усугублять лишения?!» [2, с. 92]. 28 декабря 1941 г.: «...у Вас все благополучно, вы "еще не оглохли", сыты и даже по вечерам можете читать. Мы, кажется, почти лишены этой возможности, так как электричества нет, в доме не топят и t° подходит к 0° С (следующие две строчки письма густо зачеркнуты военной цензурой...») [2, с. 108]. В другом его письме от 17 января 1942 г. после слов «Из-за морозов, доходящих до -30° , в комнате $t^{\circ} = +5^{\circ}$, $+6^{\circ}$ С» снова вымараны 2,5 строчки [2, с. 124]. А в письме от Н.М. Павловой, полученном Виталием Валентиновичем Бианки 8 апреля 1942 г., прозвучало: «Ну, пора кончать, пожалуй цензуру» [2, с. 152]. О чем может идти речь после строчек о холоде? Неужели о... голоде? А вот в письме от 29 ноября 1941 г., где о голоде говорится эзоповым языком, никаких правок нет.

В 1942 г. ситуация изменилась. Писатель А. Фадеев делился с читателями «Огонька» впечатлением о посещении Ленинграда: «Десятки тысяч снарядов легли на территорию Кировского завода, а Кировский завод продолжал выпускать самые разнообразные виды современного вооружения. И с этим уже ничего не поделаешь, господа германские фашисты! <...> Я остановился возле одной из женщин <...> стоял до тех пор, пока она не обернулась ко мне. Ей было на вид лет сорок, лицо у нее необычайной красоты: тонких черт и строгое – лицо подвижницы.

- Это очень тяжело? – спросил я.

- Да, поначалу было очень тяжело, – сказала она, взяв мину и прижав ее к вращающемуся и брызжущему искрами колесу.

- Где ваш муж? – спросил я в том незначительном промежутке времени, пока она клала обточенную мину и брала другую.

- Умер зимой.

Я не стал спрашивать, отчего он умер: это было понятно само собой» [17, с. 4].

Н. Золин писал про оборону Кронштадта: «Город-крепость – база флота <...> В гнусных листовках немецкие оккупанты год назад похвалялись, запугивая: "Мы сравниваем Ленинград с землей, а Кронштадт – с водой". Глупая фашистская похвальба! Кронштадт цел и воюет» [6, с. 3].

Следовали единому неписаному канону отражения героизма крепостных гарнизонов и британцы. Они прославляли мужество Дувра, города, который впервые в истории страны попал под артобстрелы «вражеских сухопутных батарей», и на долю его жителей «выпала задача показать стране пример стойкости», которому «следовали Лондон и Ковентри, Бристоль и Ливерпуль» [18].

Но война на востоке всегда отличалась от войны на западе. После командировки в Ленинград появились краткие мемуары В.В. Бианки «Город, который покинули птицы», опубликованные только в 2005 г.: «Мы жалели Лондон и лондонцев: сколько пришлось вытерпеть городу! За все время войны (до марта 1942 г.) на Лондон было 130 с чем-то налетов с бомбежкой. На Ленинград было уже 330 с чем-то налетов, 330 раз на него сыпались тяжелые фугасные и зажигательные бомбы – не считая обстрела из дальнобойных орудий – из месяца в месяц, изо дня в день. Самыми опасными местами во время налетов оказались наши бомбоубежища: упав поблизости от них, бомба заживо погребала всех собравшихся; там людей заливало водой из лопнувших труб водопровода раньше, чем их успевали раскапывать» [2, с. 166–167].

Д.Г. Григорьев, в то время комиссар штаба МПВО Красногвардейского района, вспоминал, что 10 сентября немецкая бомба попала в одно из жилых зданий на улице Комсомола, где проживала семья бойца медико-санитарной команды Рожнова. Он первым бросился к завалу, извлек свою мать, у которой рука держалась только на небольшом кусочке кожи, достал перочинный нож, перерезал кожный покров и наложил жгут. Разбирая завал дальше, он извлек своих мертвых дочь и сына. Несмотря на это, боец принял участие в ликвидации второго очага поражения и впоследствии был награжден медалью «За боевые заслуги» [20. Л. 4–4(об)].

Прочитав воспоминания немецкого полковника танковых войск Ханса фон Люка, нельзя не согласиться: «...насколько же труднее гражданскому населению по сравнению с нами на передовой, они оставались пассивными, ничего не могли поделать перед лицом воздушных налетов» [11, с. 143–144].

В интервью Д. Гранин отметил, что цензура не пропускала «Блокадную книгу», основанную на воспоминаниях: «В Ленинграде это вообще было запрещено. Пришлось печатать в Москве. Да и там цензура потребовала кое-что убрать. Список изъятий – около 65 пунктов. Дело дошло до секретариата ЦК. Нам ни за что не разре-

шали печатать вещи, связанные с людоедством, подделками продовольственных карточек, с мародерством...» [8].

Почему советская цензура стремилась изъять негативный материал? Скорее всего, это было связано с канонами отражения событий, сложившимися во время войны. Так, осенью и зимой 1941 г. советская печать не акцентировала внимания на голоде в Ленинграде. И правильно делала, поскольку в тех специфических условиях известия о голоде в городе – символе революции – могли деморализовать всю страну. А когда немецко-фашистские войска разгромили под Москвой и организовали массовую эвакуацию ленинградцев, из этого перестали делать тайну [9]. И вновь поступили правильно: ненависть к фашистам многократно усилилась, а блокада города на Неве приобрела в массовом сознании еще более героические очертания. А в 1984 г. противостояние времен холодной войны еще не завершилась. Поэтому публикация «Блокадной книги», основанной на воспоминаниях простых жителей Ленинграда о голоде 1941–1942 гг., несла в себе определенный заряд психологической войны. Вот и потребовала цензура кое-что убрать.

В 1944 г. во время сражения за Нормандию германцы прочувствовали на своей «шкуре» наше положение трехлетней давности. В воздухе господствовала английская авиация, которая не позволяла до конца использовать преимущество тяжелых танков. С высот воздушного океана эти битвы выглядели так же, как попытки применения «КВ» на Ленинградском фронте в 1941 г. Перед глазами английских истребителей разворачивались картины боев: «6 или 8 английских танков маневрировали, готовясь начать атаку против такого же количества "Тигров", которые неподвижно стояли на опушке <...> и вели беглый огонь. Их превосходные 88-мм пушки добились несколько попаданий в английские танки <...> англичане продолжали упрямо наступать, жестко страдая от огня "Тигров". А их пушки ничего не могли сделать с толстой броней немецких танков. Срочно требовалась воздушная поддержка. На сцене появились 4 "Тайфуна" и, не тратя времени даром, сразу атаковали "Тигров" ракетами. Вражеские танки скрылись в облаке пыли и дыма, поднятом множеством разрывов» [5, с. 237]. Английские пилоты отмечали: «Мы теперь безошибочно могли определить, по какую сторону от линии фронта находимся, по интенсивности дорожного движения» [5, с. 239]. И тогда немцы заговорили так же, как советские военные корреспонденты в 1941 г. Спасти Германию могла лишь оборона крепостей.

Командующие секторами обороны уверяли Гитлера, что «они не отступят с занимаемых сейчас позиций по Эльбе, Одру, Нейсе и Судетским горам» [14, с. 247]. Интересны слова полковника фон Люка, обращенные к солдатам его танково-гренадерского полка:

«...на Оudere, в старинной крепости Кюстрин, мы встанем на пути врага к Берлину, который уже и так лежит в развалинах под бомбами, и не допустим, чтобы он попал в руки к русским. Это будет наша последняя битва...» [11, с. 365].

В частной беседе министр пропаганды Геббельс сравнил Берлин с Ленинградом, разъясняя, «что город не пал, потому что его жители превратили в крепость каждый дом. То, что смогли сделать жители Ленинграда, смогут сделать и берлинцы. Его идея заключается в том, чтобы достичь высочайшей степени организованности в защите домов путем установки радиопередатчиков в каждом здании. <...> Насколько серьезно он был настроен, докажет впоследствии его собственный конец» [14, с. 237].

Штурм столицы Третьего рейха продолжался 23 дня [1, с. 214]. Расстрелы деморализованных немецких солдат и офицеров стали обычным делом [13, с. 322]. «Приговор был один – смертная казнь, и обжалованию не подлежал. Напротив, специально отобранные военные судьи, сопровождавшие расстрельные команды, выносили смертные приговоры и немедленно приводили их в исполнение, даже не сообщая об этом командиру, не говоря уже о том, чтобы выслушать его мнение» [11, с. 375]. Х. Люк возмущался: «Боже правый, одного из моих лучших взводных командиров расстреляли ни за что ни про что, и никто не будет за это отвечать?» [11, с. 377]. Но горькая ирония заключалась в том, что «многие солдаты ваффен-СС, которые сражались в Берлине, не были по национальности немцами» [13, с. 319].

В апокалиптической агонии «тысячелетнего рейха» им просто негде было искать спасения. Комендант Берлина генерал-полковник Берзарин вспоминал о штурме: «Нам приходилось сносить целые дома при помощи танков и артиллерии. Немцы дрались, как фанатики. Юнцы и девчонки бросали в нас ручные гранаты и обстреливали наши танки своими дьявольскими, почти самоубийственными “фаустпатронами” <...> даже после капитуляции некоторые эсэсовцы и молодежь из “гитлер-югенд” продолжали стрелять в нас из развалин. Это продолжалось несколько дней» [3, с. 722]. Обратим внимание, что в истории каждого государства есть свои осады.

Немецкий историк Гюнтер Гигельски отметил любопытную деталь: «В наших школах на уроках истории о войне в России рассказывается лишь как о части гитлеровской военной кампании. Блокада Ленинграда упоминается лишь вскользь, очень поверхностно. Описание войны строится на более драматичных для нашего народа событиях. Таких как Сталинградская битва и битва за Москву. Военные события в районе Ленинграда авторы представляют как рядовую военную операцию» [23]. В 1944 г. «Британский союзник» сообщал советским людям, что 30 января британское радио посвя-

тило особую передачу войскам Красной армии, освободившим Ленинград. После бюллетеня последних известий был передан Советский национальный гимн. «Ивнинг Стандарт» писала в передовой статье: «Мы в Британии познакомились с войной, но не такой, какую пришлось пережить Ленинграду. Только один город на земле прошел через подобные испытания – Сталинград.

В первый раз было доказано, что город не должен считать себя побежденным, до тех пор пока враг не взял с боями улицы города. "Всепобеждающие" германские армии не решились на такие бои. Они знали, что в уличных сражениях русские солдаты и мирные граждане сумеют использовать свое превосходство в воле и решимости» [15, с. 1].

Обратим внимание, что только немецкая пропаганда рассматривала Ленинград как «второстепенный театр военных действий». «Британский союзник», официальный еженедельник на русском языке, ставил в единый ряд Ленинград и Сталинград. Задолго до этого, в январе 1942 г., на страницах газеты «Weekly Review» был опубликован фотодокумент. На фото, судя по листве на деревьях, запечатлено лето или начало осени, но в данном случае нас интересуют комментарии: «После работы молодежь Ленинградского Металлического завода учится владеть штыком и преодолевать препятствия. Вместе с их братьями из Красной армии и всеми советскими людьми эти гражданские защитники ответственны за героический разгром гитлеровских варваров, вставшие в единый ряд с остальными событиями 1941 <года>» [25, р. 8–9]. Становится ясно, почему вдруг пропаганда противника официально объявила Ленинград «второстепенным фронтом»: в 1941 г. «блицкриг» разбился о его неприступность. Тогда это было понятно всем. Если мы посмотрим публикации в «Правде», то увидим, как по мере приближения врага к Ленинграду нарастал шквал статей, посвященных героизму его защитников. А затем началась битва за Москву, и основное внимание населения переключилось на нее.

По каким причинам ведомство Геббельса не уделяло пристального внимания Ленинграду? Дело в том, что массовое убийство при помощи голода даже «чужих» не покорившихся мирных граждан было способно вызвать деморализацию в стане «победителей». А тут еще и не свойственная европейским цитаделям стойкость и совершенно непонятное желание сражаться. Напомним, что наступление на Москву планировалось лишь после взятия Ленинграда. Трубить во все фанфары о стойкости «варваров» и срыве планов молниеносной войны? Глупо. Остается одно средство, представить осаду так, чтобы народные массы восприняли ее как «второстепенный театр военных действий».

Похожая ситуация сложилась и в других странах, сателлитах Третьего рейха. По аналогичным причинам и «В Венгрии отсутствует надлежащее научное и гуманное восприятие трагедии и героизма советских людей во время блокады Ленинграда» [1, с. 214]. Во-первых, правительство Венгерского королевства оказалось вовлечено в союз держав оси, поэтому местная пресса отражала идеологические установки Третьего рейха, согласно которым Ленинград был второстепенным участком, на котором отнюдь не решалась судьба войны. Во-вторых, венгры принадлежат к финно-угорской языковой группе, поэтому больше симпатизировали Финляндии, принимавшей участие в осаде города на Неве. В-третьих, штурм советской армией Будапешта длился 108 дней. Что такое бои в городских условиях, когда артиллерия стирает с лица земли целые кварталы, и какова судьба их жителей?

Кстати и в самой Германии «о том, что творилось в блокадном городе, в немецких школах... почти ничего не рассказывают!» – более важно то, что непосредственно касается наших сограждан, – пояснил корреспонденту заместитель председателя общества дружбы Запад-Восток в земле Саар Вальдемар Вайрих: «Пристальное внимание на уроках истории уделяется преступлениям нацистов и Холокосту <...> А тема блокады Ленинграда более важна для образовательного процесса в России» [23].

Не случайно Й. Балинт отметил, что «...повсюду на Западе есть две главные темы для оценки XX века: холокост и ГУЛАГ» [1, с. 215]. Не правда ли, в двух странах, воевавших против СССР, сложилась похожая ситуация. И там, и там мы наблюдаем скрытое воздействие нацистской пропаганды на отражение блокады. Но почему дневник Анны Франк, еврейской девочки, описывающей ужасы нацистской оккупации Нидерландов в Германии «знает каждый ученик начальных классов» [23], а дневник Тани Савичевой не читают?

Между тем вопросы обороны крепостей в годы Второй мировой были связаны со спецификой ведения и отражения в печати военных действий. Действительно, как объяснить, что оборону Ленинграда немецкие пропагандисты рассматривали в негативном свете, а на закрытых совещаниях руководство Третьего рейха стремилось использовать этот опыт для ведения тотальной войны? Почему, когда бои достигли Восточной Пруссии, фашисты попытались превратить в неприступные цитадели ряд городов, включая Берлин? Зачем в неофициальных беседах Геббельс приводил в качестве примера для подражания Ленинград? И сразу рассеивается мгла и становится ясно, отчего в немецкой историографии публикации о блокаде по сравнению с «монографиями и сборниками, посвященным битвам за Москву, Сталинград и <...> Берлин <...>, занимают, скорее, скромное место. В рассмотрении общего комплекса проблем “Ме-

сто Северо-Запада России и Ленинграда в плане Барбаросса – нападение вермахта 1941 – военные цели на Северо-Западе России – Советская оборонная концепция – осажденный город и массовая гибель населения в результате голода – стойкость ленинградцев – боевые действия 1942–43 – оккупационный режим вермахта в Ленинградской области – партизанская война – попытки советских войск прорвать блокаду – окончание блокады – отступление германских войск” немецкие работы и монографии еще отсутствуют» [19, с. 197].

Список литературы

1. Балинт Й. Об основных тенденциях в освещении истории обороны Ленинграда в Венгрии // Нестор. – 2005. – № 2.
2. Бианки Виталий. Лихолетье: Дневники, воспоминания, письма. – СПб.: Блиц, 2005.
3. Верт А. Россия в войне 1941–1945. – М.: Прогресс, 1967.
4. Даллес А. Искусство разведки. – М., 1992.
5. Джонсон Э. Дж. Лучший английский ас / пер. с англ. А. Больных. – М.: АСТ, 2003.
6. Золин Н. Ленинград – Кронштадт // Огонек. – 1942. – 13 дек.
7. Источники, исследования, историография. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербур. ин-та истории РАН «Нестор-История», 2005.
8. Комсомольская правда. – СПб. – 2009. – 20 янв.
9. Кутузов А. В. Блокада Ленинграда в информационной войне. – М., СПб.: ГОУ ВПО СЗФ РПА Минюста России, 2008.
10. Крюковских А.П. Патриотическое воспитание трудящихся Ленинграда и Ленинградской области в годы войны // Патриотизм советской армии и народа – важнейший источник победы в Великой Отечественной войне: сб. материалов Междунар. науч. конф., посвящ. 55-летию Великой Победы (18–19 мая 2000 г.). – СПб., 2000.
11. Люк Х. На острие танкового клина. 1939–1945 гг. Воспоминания офицера Вермахта. – М.: Эксмо, 2005.
12. Новые архивные документы / Вступ. ст., сост. и комм. Н.Ю. Черепниной // Нестор. – 2005. – № 2. – С. 11–53.
13. Рипли Т. История войск СС. 1925–1945 гг. / пер. с англ. Л.А. Игоревского. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2009.
14. Рудель Г. Пилот «Штуки». – Минск: Харвест, 2006.
15. События недели. Передача в честь Ленинграда // Британский союзник № 6 (78). – 1944. – 6 февр.
16. Солсбери Г.Э. 900 дней. Дневник Ленинградской блокады. – Смоленск: Русич, 2004.
17. Фадеев А. Имени Кирова // Огонек. – 1942. – 29 ноября. – С. 4–5, 15.
18. Фостер Р. Город на передовой линии фронта // Британский союзник. – 1943. – 23 февр.
19. Фролов М.И. Немецкая историография блокады Ленинграда (1941–1944) // Нестор. – 2005. – № 2. – С. 68–79.
20. ЦГАИПД СПб. Ф.4000. Оп. 10. Д. 739.
21. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1279.
22. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1309.

23. Ширинкин А. Что знают о 900 днях наши и немецкие школьники? // Комсомольская правда. – СПб., 2009. – 20 янв.

24. Щербатов А.Г. Мои воспоминания / Вступ. ст. и комм. О.И. Киянской, подг. текста А.А. Ширяевой. – СПб.: Нестор-История, 2006.

25. Clark Joe. A Year in Review // Weekly Review. – 1942. – 6 Jan.

УДК 94(470.23)084.8+94(470.23-25)084.8

ББК 63.3(2)622,11

Э. Л. Коршунов*

Некоторые аспекты деятельности химических войск Ленинградского фронта в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

В статье рассматриваются различные аспекты развития в межвоенный период в Европе, США и Советской России военной теории по вопросам использования химического оружия. Особо обращается внимание на то, что международно-правовой запрет применения химического оружия не являлся препятствием для проведения исследований в этой области, что свидетельствовало о потенциальной возможности применения этого вида оружия в случае принятия политического решения какой-либо из сторон эвентуального конфликта. В статье анализируется деятельность химической службы и химических войск Ленинградского фронта в период Великой Отечественной войны.

The article discusses various aspects of development in Europe, the United States and Soviet Russia's military theory on the use of chemical weapons in the interwar period. Particular attention is drawn to the fact that the international ban on the use of chemical weapons was not an obstacle for research in this area. This fact indicates the potential use of these weapons in the event of a political decision of any of the parties to the eventual conflict. The article examines the activities of chemical services and chemical troops of the Leningrad front during the Great Patriotic War.

Ключевые слова: Первая мировая война, Великая Отечественная война, Ленинградский фронт, химическая война, химические войска, химическая служба, химия, отравляющие вещества, военные теории, блокада, зажигательные средства, дымы.

Key words: First World War, the Great Patriotic War, the Leningrad front, chemical warfare, chemical forces, chemical services, chemicals, poisons, military theory, blockade, incendiaries, smoke.

11 ноября 1918 г. в 11 часов по Гринвичу в Лондоне и Париже прозвучали орудийные салюты – 101 выстрел. Первая мировая война, продолжавшаяся 4 года, 3 месяца и 10 дней, окончилась. Спустя два дня – 13 ноября 1918 г. – последовал приказ Революционного

* **Коршунов Эдуард Львович**, начальник научно-исследовательского отдела военной истории Северо-Западного региона РФ, Институт военной истории МО РФ

военного совета республики № 220, которым объявлялись штаты стрелковой дивизии. По этим штатам в соединениях и частях РККА создавались первые органы и подразделения химической защиты. В управлении начальника артиллерии дивизии вводились заведующий противогазовой обороной (ПГО), его помощник и противогазовая команда в составе 11 чел., в штате стрелковой бригады – заведующий противогазовой обороной и два метеонаблюдателя, в штате стрелкового полка – заведующий ПГО – начальник газовой команды, его помощник и газовая команда в составе 26 чел. В каждой стрелковой роте вводимым штатом предусматривалось иметь старшего газового наблюдателя и 12 бойцов, обученных обязанностям газовых наблюдателей. В управлениях легкого и тяжелого артиллерийских дивизионов вводилась должность заведующего ПГО с подчинением ему шести химиков [15, с. 60–61]. В Петроградском военном округе в 1918 г. была сформирована первая и в тот момент единственная часть химической защиты – учебно-инструкторская рота противогазового дела [15, с. 67].

Так в Советской России появился новый род войск – химические войска (с 1992 г. – войска радиационной, химической и биологической защиты), профессиональным праздником которых стала дата 13 ноября, утвержденная Указом Президента РФ «Об установлении профессиональных праздников и памятных дат в ВС РФ» от 31 мая 2006 г.

Научно-технический рывок, произошедший в конце XIX – начале XX в., коренным образом преобразовал всю систему вооружения. Развитие военной промышленности шло по двум направлениям: модернизация имеющихся средств поражения и создание новых видов оружия, в том числе специальных [16; 17]. «Химизация породила новый вид оружия массового поражения – химическое» [20, с. 635]. Политические и военные уроки войны 1914–1918 гг. оказали огромное влияние на развитие военной мысли. Мировой характер войны и ее особые формы, появление на полях сражений многомиллионных армий, вооруженных сложной и мощной техникой, опрокинули все представления прежней военной теории о характере и формах войны.

Одной из первых военных теорий, возникших в послевоенной Европе, была теория «малых армий», авторы которой пытались избежать в войне будущего массовых армий, заменив их отборной армией солдат-профессионалов, вооруженной современной военной техникой. Как ни далека была эта теория от подлинно научного обобщения опыта войны 1914–1918 гг., авторы ее имели своих сторонников во всех странах Западной Европы. Англия, Франция, фашистская Италия и дофашистская Германия выдвинули ряд

военных теоретиков, ратовавших за «малую армию» как наиболее совершенный инструмент будущей войны.

В Англии основными апологетами теории «малых армий» выступали Дж. Фуллера и Б. Лидделл-Гарта. Первый предполагал, что небольшие армии, состоящие из классово надежных специалистов военного дела, сумеют, используя новую технику, сделать войну скоротечной. Фуллер, в частности, выдвигал теорию ведения войны силами малой танковой армии. Он доказывал, что небольшая полностью механизированная армия, насчитывающая 60–100 тыс. чел. и имеющая около 2 тыс. танков, 400 самоходных артиллерийских установок и несколько сот самолетов, сможет, используя фактор внезапности, быстро разгромить армию прикрытия противника, сорвать его мобилизационные мероприятия и тем самым добиться победы в короткий срок. Пехоте он отводил вспомогательную роль: несение полицейской службы на территории, захваченной танками. При этом Фуллер считал наиболее подходящей формой государственной власти для ведения такой войны военную диктатуру.

Лидделл Гарт Бэзил Генри, в свою очередь, свёл свои принципы к выражению «непрямые действия» и двум основным правилам: 1) прямая атака на противника, занявшего укрепленную позицию, практически никогда не даёт результата и применяться не должна; 2) чтобы победить противника, его надо вывести из равновесия, что не может быть достигнуто основной атакой, однако должно быть сделано, чтобы основная атака увенчалась успехом.

Оба они, основываясь на использовании новых средств борьбы – танков и **химии** (*выделено авт.*), выступали под флагом «гуманизации» войны, уменьшения «налога кровью», замены «мускульной» силы силой «механической» [8, с. 4].

В фашистской же Италии, наоборот, в так называемой «доктрине Дуэ» открыто проповедовалась беспощадная воздушная война (в том числе с применением химических средств) как главное оружие войны будущего против мирного населения и незащищенных городов и сел, с тем чтобы в первую очередь терроризировать население страны, подвергнувшейся нападению, и сломить его волю к сопротивлению. По мнению Дж. Дуэ, авиация, завоевав господство в воздухе, может ударами по государственным и экономическим центрам противника одна добиться победы в войне. Армии и флоту отводилась вспомогательная роль. «Теория Дуэ» отражала стремление военно-политического руководства решать задачи войны не массовыми армиями, а сравнительно небольшими силами.

Каждая из этих теорий явилась также средством пропаганды и популяризации новых технических средств борьбы, в том числе и химических.

Теорию войны «малыми армиями» изложил в своей книге «Мысли солдата» (1928) и руководитель германского рейхсвера генерал Х. фон Сект. При соблюдении принципа стратегической внезапности, утверждал Х. фон Сект, даже «малая армия» простым «лобовым ударом» может опрокинуть армию прикрытия противника и сорвать все его мероприятия по мобилизации. А стремительное и безостановочное продвижение армии вторжения вглубь территории противника не только должно было сорвать все его оборонные мероприятия, но и сделать государство и народ неспособными к организованному сопротивлению.

Выступая со своей теорией «малых армий», Х. фон Сект еще не решался открыто провозгласить «принцип беспощадной, истребительной войны, попиравшей все и всяческие нормы международного права, но его схема войны уже имела элементы той теории «тотальной» войны, которую позже открыто провозгласила военная доктрина гитлеровской Германии» [8, с. 6].

Возвращаясь к химической войне, нельзя не привести ее оценку членом Парижской академии наук Шарлем Муре в 1920 г.: «Нет ни одного человека во всем цивилизованном мире, который не дрожал бы от ужаса при одной мысли об удушливых газах» [21, с. 183].

В то же время военно-политическое руководство европейских стран, расположенных на американском континенте, а также обособленной Японии придавало химическим средствам борьбы приоритетное значение.

Начальник химических войск Соединенных Штатов генерал Амос А. Фрайс писал в 1921 г.: «... химическая война не только должна получить в будущем признание всех цивилизованных стран, но и должна стать единственным способом, которым будут пользоваться без колебания все цивилизованные народы. <...> Несмотря на оппозицию многих людей, которые по невежеству или по другим причинам восставали против химической войны, она завоевала себе надлежащее положение. <...> Химическая война является таким же честным средством борьбы, как и пулеметы» [33, с. 505].

Следует добавить, что в отечественной литературе по идеологическим причинам некоторые высказывания генерала купировались и интерпретировались как взгляды представителя хищнического империализма. Так, нередко цитировавшаяся фраза: «... мы будем пользоваться химическими способами в будущей войне, и притом в самом широком масштабе», – полностью звучит так: «Гораздо честнее сказать всему миру, что мы будем пользоваться химическими способами в будущей войне, и притом в самом широком масштабе. Но повторяем, все наши приготовления делаются только в целях самозащиты, а кто может оспаривать наше право на нее?» [33, с. 498].

И если в предисловии к первому изданию русского перевода «Химической войны» председатель Артиллерийского комитета Е. Смысловский говорил лишь о субъективном оттенке, присущем авторам и той стране, для которой эта книга была написана [33, с. 4], то в предисловии ко второму изданию Я. Авиновицкий критиковал авторов: «Они пытаются навязать читателю мнение, будто отравляющие вещества, обладающие столь мощной губительной силой, что и в состоянии ослепить, удушить и оглушить миллионы солдат и мирных граждан и в течение нескольких часов смести с лица земли современный крупный экономический или политический центр, являются "гуманными" (!) средствами поражения» и утверждал: «С своей стороны мы должны признать, что химическая война, выдвинутая современной капиталистической действительностью, – факт, мимо которого не пройдешь. Посему вопросы химической обороноспособности Советского Союза должны стать предметом особого внимания всех ведомств и трудящихся нашей страны. Выдвинутое т. Троцким правило поведения в деле обороны СССР. "Око за око, газ за газ!", мы должны будем претворить в жизнь» [33, с. 6].

О «гуманности» газов писали глава английского военно-химического ведомства генерал Гартлей [32, с. 37–38], ректор Питтсбургского университета доктор Бэкон [32], профессор биохимии Кембриджского университета Дж. Эльдан [38, с. 84], уже упомянутый генерал А. Фрайс и его соотечественник Э. Фарроу [31], ветеран войны, известный химик, профессор университета в Бресте Ю. Мейер [19].

Понимая субъективность и порой проправительственную, промилитаристскую направленность публикации материалов в прессе, приведем пример лоббирования военно-химического дела американскими журналами «Industrial and Engineering Chemistry» и «Army and Navy Journal». В начале 1925 г. на страницах этих журналов утверждалось: «Все государства готовятся к химической войне. Германия имеет запасы новейших противогазов в количестве, превышающем в 5 раз численный состав ее армии, разрешенный Версальским договором. Италия, вскоре после прихода Муссолини к власти, создала у себя военно-химическую службу по образу американской, но с двойным количеством офицеров. Англия стремится придать своей военно-химической службе такое же значение, как и основным силам – сухопутной армии, морскому и воздушному флоту. Россия, подобно Англии, уделяет много внимания военно-химическому делу. Япония проявляет большую активность по отношению к военно-химическому делу и, сократив свою армию на 4 дивизии, она эту экономию использует для развития воздушного флота и средств химической войны. <...> Франция, безусловно, также хорошо подготовлена к химической войне, хотя о ее планах и работах имеется меньше сведений, чем о других государствах.

Испания, Швейцария, Польша, Чехо-Словакия, Швеция – все имеют военно-химическую службу в той или иной форме; вспомним, что не так давно испанцы применяли газы против повстанцев в африканских колониях. Даже Мексика и некоторые другие государства центральной и южной Америки проявляют большой интерес к вопросам химической войны» [1, с. 40; 27, с. 33–34].

Для оказания содействия руководству государств в «химизации» промышленности и армии во многих странах создавались военно-химические общества: Chemical Warfare Association (Военно-химическое общество, 1924 г.) в США, Общество противогазовой обороны в Польше (15 декабря 1924 г.), Доброхим в СССР (19 мая 1924 г.).

17 июня 1925 г. в Женеве рядом государств был подписан протокол о запрещении применения на войне удушающих, ядовитых и других подобных газов и бактериологических средств. 2 декабря 1927 г. к протоколу присоединился и Советский Союз [28, с. 3–5].

Но Женевский протокол, запрещая применение ОВ, не запрещал исследования в области разработки, производства и накопления боевых отравляющих веществ и средств их доставки. Все ведущие в военном отношении страны мира продолжали гонку химических вооружений.

Для понимания серьезности проблемы приведем довольно пространную выдержку из книги доктора химии, начальника Военно-химического управления РККА, Я. Фишмана «Газовая война. Часть 1. Технология и применение отравляющих веществ» [32], книги, которая, к сожалению, стала библиографической редкостью.

«Если принять во внимание <...> развитие авиатехники, станет понятным утверждение лучших военных знатоков нашего времени: Douhet, Bernhardt, Fries, Hartle, Foch и др., что газы в будущей войне будут играть доминирующую роль.

Аэропланные бомбы, в начале не превышавшие по весу 50 кг, теперь достигают веса в две тонны.

Уже 30-го сентября 1921 г. на Абердинском полигоне была испытана самая большая из применявшихся тогда (два года назад) в американской армии бомб. Эта бомба предназначена для бомбардирования крупных промышленных центров, больших судов и городов. Она весит 1.950 кг и имеет около 1.800 кг взрывчатого вещества (если нет газа). Длина ее равна 4,10 м, а диаметр 0,60 м. При испытании бомба была окрашена в красный цвет, и по ней были проведены четыре широких желтых полосы, чтобы сделать более видимым ее движение при падении. Она была сброшена с аэроплана Naudley Page с высоты в 1,500 м. Пролетев несколько метров, бомба приняла вертикальное положение и продолжала падать равномерно-ускоренным движением. За падением бомбы легко

можно было следить с аэропланов и с трибун, помещенных на расстоянии 500 м от места падения. Шум взрыва бомбы не был так силен, как ожидали. Взрыв произвел яму диаметром в 30 м и глубиной в 7,5 м. Если бы такая бомба была начинена боевым газом, например, ипритом, она заразила бы на долгое время поверхность в 140 тыс. кв. м.

Это было два года назад. Теперь аэропланые бомбы уже больших размеров, и они непрерывно растут. Никто не знает точно, чего в этой области достигло каждое из правительств, которые, в то время как фарисейски толкуют за зеленым столом Вашингтонской конференции о всеобщем разоружении народов, у себя дома всеми силами стараются достигнуть первенства в том или другом роде оружия.

Ген. Фрайс вычислил, что 2-х двухтонная аэропланная бомба сможет заразить поверхность в 140 тыс. кв. м, причем концентрация газа такова, что на этом пространстве будет уничтожено все живое. Эти цифры, конечно, лишь приблизительны. Они уменьшаются для более слабых газов и увеличиваются для более сильных. Они являются также функцией более или менее совершенного способа распыления газа и т. д.

Если мы сравним силу действия двух тонн газа, делающих непроходимой на несколько дней зону в 3 кв. км, то как бледно покажется в сравнении с этим действие двух тонн взрывчатого вещества, вырывшего яму в 30 м диаметром и в 7,5 м глубиной. Через несколько минут после взрыва можно уже без всякой опаски исследовать эту яму. Не то было бы, если бы разорвалась двухтонная ипритная или люизитная бомба. На пространстве в 140 тыс. кв. м (по вычислениям ген. Фрайса) в течение 5–10 дней никто не смог бы пройти иначе, как в особых одеждах, рукавицах и масках.

Таково действие одного лишь аэроплана. 100 таких аэропланов заразят площадь в 12–15 кв. км, т. е. могут наполнить газом большой город. Уже даже при игрушечных аэропланых бомбардировках городов простыми бризантными бомбами в прошлую войну городская жизнь замирала, по крайней мере, на одну треть. Не трудно вообразить, что случится, если какая-нибудь большая столица подвергнется теперь бомбардировке, например, 100–150 аэропланов, могущих выбросить по меньшей мере 200–300 т сильных взрывчатых зажигательных смесей и, главным образом, устойчивого газа. При настоящей организации города, со щелями во всех дверях, окнах, дымопроводах и т. д., при полном отсутствии специальных противогазовых помещений и при отсутствии какой бы то ни было противогазовой организации, индивидуальной и коллективной, среди городских жителей все население города будет, конечно, в дольно короткий срок передушено. Но если даже вообразить, что

город заранее подготовлен к защите, что в каждой квартире имеется одна – две противогазовые комнаты, герметически изолированные от остального помещения, что в каждом доме есть противогазовое убежище, совершенно отдельное, с соответствующими фильтрами для отравленного воздуха и системой вентиляции, что в каждом районе или квартале есть также правильно организованные противогазовые убежища, что приняты меры по противогазовой защите водопровода, газовой и электрической станций, что налажена подземная подача припасов, что распределены среди жителей респираторы и т. д., если все это вообразить, то и тогда долго ли сможет город выдержать такую «осаду»?

Будущая война будет войной против столиц, против крупных городов, против промышленных центров, крупных узлов путей сообщения, портов и т. д. Таковы «приятные» предвидения лучших знатоков военного дела и специалистов по химической войне.

Ген. Фрайс, например, говорит: «...одна бомба в 453 кг, начиненная люизитом, сделает необитаемыми 10 районов Нью-Йорка. Все жители будут поражены газом, причем смертность будет не меньше 10 %. 100 т люизита, брошенные 50 аэропланами, сделают необитаемым весь Нью-Йорк, по крайней мере, на неделю; не успевшее ускользнуть от действия газа население будет передушено, съестные припасы и медикаменты отравлены, и не будет никакой возможности ни помочь уцелевшим, ни похоронить мертвых».

Правительства всех стран уже прекрасно поняли и оценили будущую колоссальную роль аэрохимического оружия. И на различных полигонах, в Америке, Англии, Франции и Италии, непрерывно продолжают производить опыты «газирования» при помощи аэропланов.

Лишь недавно в США были произведены испытания на полигоне Абердинского арсенала, на которых присутствовали курсанты военных школ, сенаторы и депутаты. Аэроплан системы «De Havilland» произвел распыление безвредной ароматической жидкости в спиртовом растворе. Опыт дал положительные результаты. Распыленная жидкость спустилась на землю в виде тумана, и запах ее был ясно ощутим всеми присутствовавшими. Вся операция продолжалась меньше одной минуты, причем была покрыта площадь в 50 тыс. кв. м.

Никак не комментируя этот футуристический сценарий, а лишь вспомнив о том, какое количество авиабомб упало на Ленинград, в том числе и 500-, и 1000-килограммовых, остается только представить, чем грозила городу и фронту химическая война с ее «смертоносной росой» [32, с. 361].

Советский Союз в межвоенный период выступал как против войн вообще, так и против войн с применением химического оружия, и в то же время руководство страны требовало от личного состава

РККА и населения готовности к выполнению мероприятий противохимической обороны.

«Мы не хотим, не имеем права быть застигнутыми врасплох», – указывал нарком обороны К.Е. Ворошилов в своей речи, посвященной двадцатилетию Красной армии, – «и, если когда-либо агрессивному врагу вздумается окропить наши войска химическими средствами, он получит в ответ ту же страшную химию на свою собственную голову» [5, с. 5]. Начальствующий состав Красной армии должен знать военно-химическое дело, должен уметь организовывать противохимическую оборону во всех видах боевой деятельности войск. Необходимо быть в состоянии постоянной мобилизационной готовности, требовал И. Сталин, – «чтобы никакая случайность и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох» [5, с. 5].

При этом внимание акцентировалось на том, что «средства химического нападения <...> будут применены РККА лишь в том случае, если наши враги применяют их первыми против нас» [10, с. 3].

Интерес к средствам химической борьбы, проявлявшийся в развитых странах, и не прекращавшиеся изыскания в этой области с несомненностью говорили о том, что по решению военно-политического руководства любое из этих государств будет готово пустить в ход химические средства поражения наряду с другими видами оружия, невзирая на всякого рода договоры и соглашения. Это подтверждалось также отдельными фактами применения химического оружия в военных столкновениях, имевших место в 30-е гг. прошлого века [14; 22; 36, с. 20].

К началу войны против СССР промышленность Германии значительно увеличила производство химических боеприпасов, заблаговременно обеспечив ими войска.

Если общее производство ОВ воюющими странами за период первой мировой войны составило около 150 тыс. т (Германия – 68,100 т, Франция – 36,955 т, Англия – 25,735 т, США – 6,215 т, Австрия – 5,245 т, Италия – 4,100 т, Россия – 3,650 т), то годовая производственная мощность по ОВ в Германии к 1943 г. достигла 180 тыс. т. е. почти в три раза больше, чем за четыре военных года [36, с. 19–21].

Докладывая начальнику генерального штаба сухопутных войск немецкой армии генерал-полковнику Ф. Гальдеру 25 марта 1941 г. о состоянии химической службы, генерал-квартирмейстер Вагнер сообщал: «К 1 июня мы будем иметь 2 млн химических снарядов для легких полевых гаубиц и 500 тыс. снарядов для тяжелых полевых гаубиц... Со складов химических боеприпасов может быть отгружено: до 1 июня по шесть эшелонов химических боеприпасов, а после 1 июня – по десять эшелонов в день. Для ускорения подвоза в тылу

каждой группы армий будут поставлены на запасные пути по три эшелона с химическими боеприпасами...» [3, с. 87–95].

Накануне нападения Германии на СССР, а именно 22 марта 1941 г., английский министр внутренних дел и внутренней безопасности Г. Моррисон предложил всем владельцам аптек в Англии принять участие в проведении подготовительных мероприятий на случай химической войны. Все аптеки, владельцы которых дали бы согласие, планировалось снабдить «необходимыми медикаментами против ожогов отравляющими веществами кожного действия» [12. 23 марта].

В газете Ленинградского военного округа «На страже Родины» это сообщение ТАСС не было единственным упоминанием по рассматриваемой нами проблематике. С начала 1941 г. и до 22 июня в газете вопросы противохимической защиты, применения дымов и огней были рассмотрены более 30 раз. Приведем некоторые из заголовков: «Дегазация станкового пулемета» (01.02.1941 г.), «Разведка и преодоление участка заражения» (11.02.1941 г.), «Маскирующие дымы в наступательном бою», «К вопросу о применении газов в нынешней войне» (28.02.1941 г.), «Химическая разведка населенного пункта» (17.04.1941 г.), «Противохимическая защита в наступлении» (01.06.1941 г.), «Химические тренировки в лагере» (20.06.1941 г.). В субботнем выпуске газеты от 21 июня 1941 г. была размещена статья «Дегазация танка».

Еще в мае 1939 г. на совещании высших руководителей фашистской Германии Гитлер заявил: «Договоры и право – ерунда... Любое оружие имеет решающее значение только тогда, когда его не имеет враг. Это относится к газам (*выделено авт.*), подводному флоту и авиации» [23, с. 229]. И химические войска (химические минометные батальоны и полки) были включены немецким командованием в состав армии вторжения с самого начала войны [35, с. 21–22]. С началом боевых действий, и особенно после захвата 15 июля 1941 г. секретных документов 52 минометного химического полка (секретные документы германского главного командования о подготовке немецко-фашистскими войсками широкого применения отравляющих веществ в войне против СССР) [12. 23 августа, 24 августа], в газете публикуются: «Памятка красноармейца по противохимической защите» (11.08.1941 г.), «Как бороться с вражескими огнеметами» (14.08.1941 г.), «Будь готов к химической защите» (15.08.1941 г.), «Как пользоваться индивидуальными средствами противохимической защиты» (24.08.1941 г.), «Памятка бойцу о химических артиллерийских снарядах, минах и гранатах фашистской Германии и защите от них» (28.08.1941 г.) и др.

С началом войны перед химическими войсками Ленинградского военного округа (с 24.06.1941 г. – Северного фронта, с 26.08.1941 г. – Ленинградского фронта) ставились следующие задачи:

- организация противохимической защиты войск и объектов тыла;
- боевое применение огнеметно-зажигательных средств;
- дымовое обеспечение боевых действий войск и деятельности тыловых объектов.

Четвертая задача химических войск – готовность к применению ОВ в качестве ответной меры на химическое нападение врага [9, с. 55] – не была характерна для Ленинградского фронта, ввиду отсутствия «активных средств» [37. Оп. 1238. Д. 1. Л. 117–119; Д. 3. Л. 322–325], а также вывода в резерв Ставки 25-го и 56-го отдельных батальонов ПХО.

Сразу оговоримся, деятельность химической службы и химических войск фронта имела ряд существенных, а иногда уникальных особенностей. Связано это, прежде всего, с условиями, в которые был поставлен фронт с началом блокады.

Отличительной чертой мобилизационного развертывания химических войск Северного фронта явилось отсутствие боевого соприкосновения с противником до вступления в войну Финляндии, а также значительное удаление запасов материальных средств от государственной границы, что позволило избежать их потерь, в отличие от западных округов, и своевременно сформировать головные химические склады для 7, 14 и 23-й армий.

Документы свидетельствуют, что только в четырех случаях войскам Северного фронта (с 26 августа – Ленинградского) не удалось избежать существенных потерь химического имущества. Во-первых, это потери 23-й армии при ее отходе в августе 1941 г., во-вторых, потери на Лужском оборонительном рубеже и при отходе с него, в-третьих, это полностью утраченные запасы химического имущества 48-й армии (в составе войск фронта с 19.08.1941 г. по 12.09.1941 г.) [37. Оп. 1238. Д. 4. Л. 312–314] и, в-четвертых, это значительные потери средств противохимической защиты (противогазы, накидки и др.) в ходе боевых действий на «Невском пятачке».

Только счастливой случайностью можно назвать срыв противником задачи на передислокацию Военного склада № 302 из Ленинграда на ст. Красный Холм Ярославской железной дороги. Именно фронтовой склад, находясь в Ленинграде и имея отделения на ст. Шувалово и ст. Ладожское Озеро, обеспечил успешное решение задач противохимической защиты осажденного города и фронта, а также снабжения войск огнеметно-зажигательными и дымовыми средствами. Существенным был объем проведенных работ по содержанию имущества, ремонту и лабораторному контролю [37. Оп. 1238. Д. 85. Л. 42–62].

Характерной особенностью для фронта стало также получение весьма значительного объема химического имущества и вооружения от местной промышленности (498 вагонов только за период с 22.06.41 г. по 31.12.41 г.). Ни один фронт в годы войны не работал так плотно и продуктивно по изучению и использованию местной производственной базы.

А снабжение Приморской оперативной группы, более двух лет действовавшей на Ораниенбаумском плацдарме? А дымовое прикрытие «Дороги жизни»?

Также особенностью химической службы фронта в отличие от других фронтов явилось широкое и эффективное сотрудничество с научными организациями и учреждениями, расположенными в Ленинграде, а также с ленинградцами, чьи знания, практический опыт и предложения рассматривались, оценивались и использовались для борьбы с агрессором, для снижения его огневого воздействия, а также для преодоления трудностей блокады.

Рационализаторская и изобретательская работа на фронте, в заблокированном городе была массовой и разносторонней. Никогда ранее да и впоследствии и, пожалуй, нигде время от постановки исследования до принятия образцов на вооружение (снабжение) и до их поступления в войска (на оборонительные рубежи, к исполнителям) не было так минимизировано. К уже указанному примеру изготовления зажигательных бутылок в г. Выборге приведем еще несколько. Так, 30 июля 1941 г. из Научно-испытательного химического института ВМФ на имя начальника химотдела ЛВО полковника В.С. Довгаля поступило для согласования тактико-техническое задание на стационарный огнемет [37. Оп. 1238. Д. 1. Л. 72]. В сентябре месяце из числа имеющихся в наличии на заводе № 174 им. тов. Ворошилова комплектов оборудования огнеметных танков ОТ-133 установлено 30 огнеметных точек на укрепленном рубеже под Ленинградом [37. Оп. 1238. Д. 72. Л. 17–20].

Ленинградским текстильным институтом в сентябре месяце был предложен натриевый запал для воспламенения огнесмеси в бутылках и дополнительная смесь для воспламенения бутылок натриевыми запалами в зимних условиях при низкой температуре, и в сентябре же это предложение было воплощено в жизнь [37. Оп. 1238. Д. 72. Л. 17–20].

А предложение сотрудников Государственного института прикладной химии, спасшее Ленинград от гибели в огне? 29 июля 1941 г. были проведены испытания огнезащитной замазки, завершившиеся «блестяще», и в течение августа–сентября 90 % всех чердачных помещений были обработаны этим составом [30, с. 193].

Очевидной особенностью боевой деятельности химических войск осажденного фронта, свойственной, впрочем, химическим

войскам всех фронтов, но отличной от деятельности других служб РККА, было выполнение мероприятий противохимической защиты войск в условиях предвидения реальной угрозы применения противником химического оружия. Противохимическая защита войск РККА и объектов тыла не получила решающей проверки в условиях химической войны, однако химическая служба в годы войны «была службой реально действующей, проводившей большую и совершенно необходимую работу» [15, с. 244].

Можно с уверенностью сказать, что в интересах выполнения мероприятий ПХЗ только химическая служба Ленинградского фронта играла руководящую роль и организовала столь широкое взаимодействие с должностными лицами химических отделов и служб Краснознаменного Балтийского флота, объединений ВВС и ПВО, войск внутренней обороны города, местной противовоздушной обороны Ленинграда, штабом партизанского движения.

Рассматривая мероприятия противохимической защиты войск, нельзя не остановиться на особенностях, присущих Ленинградскому фронту, или, точнее, городу-фронту.

Химическая разведка, которая подразумевала и разведку противника в химическом отношении, велась против неоднородного противника не только по организационно-штатной структуре, но и по государственной принадлежности, что, несомненно, накладывало отпечаток на способы выполнения разведывательных задач и на их результаты. Анемометрическая разведка местности в полосе Ленинградского фронта, проведенная в период блокады, до сих пор, несмотря на изменения подстилающей поверхности и некоторые температурные сдвиги, представляет несомненный интерес при прогнозировании последствий, например, техногенных аварий.

Если говорить о химическом наблюдении и оповещении, то невольно возникает ассоциация системы, сложившейся в годы войны в пределах Ленинградского фронта, с действующей в настоящее время подсистемой ЕСВОП (Единая система выявления и оценки масштабов и последствий применения оружия массового поражения и аварий (разрушений) на радиационно, химически и биологически опасных объектах в ВС РФ).

Передача сигналов о химическом нападении и химической опасности планировалась снизу вверх в порядке доклада, сверху вниз приказанием и соседей справа и слева информацией. Соединения, части и учреждения, расположенные в пределах городской черты, должны были принимать и дублировать сигналы о химическом нападении и опасности, подаваемые Штабом МПВО города через радиотрансляционную сеть [37. Оп. 1238. Д. 75. Л. 233–234].

Если говорить об анализе проб на наличие ОВ, то достаточно взглянуть на перечень химических лабораторий города, использо-

вание которых планировалось для этого, чтобы понять, какие силы и средства находились в распоряжении химической службы Ленинградского фронта [37. Оп. 1238. Д. 20. Л. 296].

Особенностей снабжения войск фронта средствами ПХЗ было множество. Помимо указанных выше, можно назвать, например, продиктованное отсутствием в войсках фронта автотранспорта и горючего решение начальника химического отдела фронта полковника А.Г. Власова «выбросить имущество на ВТС армии, а на руки пока не выдавать», вопреки требованиям директив начальника ГШ № 0207сс от 14.12.41 г. и № 0861/05сс от 22.02.42 г. [37. Оп. 1238. Д. 20. Л. 107–110].

Сложившаяся в мирное время система снабжения химическим имуществом и вооружением войск РККА, сил ВМФ, формирований МПВО в блокадном Ленинграде претерпела существенные изменения. Так, 9 апреля 1942 г. в разговоре с начальником Управления снабжения Главного военно-химического управления КА полковником А.Н. Неретиным полковник А.Г. Власов докладывал: «Решением Военного Совета сделан запрос СНК с учетом имеющихся средств, как у меня, так и в МПВО; а получается перекидывание имеющегося имущества в Ленинграде из одного ведомства в другое. **У нас хозяин один (выделено авт.),** который заботится как об обеспечении армии, так и города» [37. Оп. 1238. Д. 20. Л. 111–113].

Не останавливаясь подробно на особенностях химической подготовки соединений и частей фронта, следует сказать, что в силу уже упомянутых причин эта подготовка велась не только во второй линии и при выводе соединений и частей на отдых, но и в первой линии в минуты затишья.

Подготовка командно-начальствующего состава была организована согласно решению командующего войсками Ленинградского фронта генерал-майора И.И. Федюнинского «Об организации при озбхз* курсов по подготовке среднего начсостава химслужбы» от 16 октября 1941 г. [37. Оп. 1238. Д. 3. Л. 46]. Однако боевая обстановка вносила коррективы в планы командования, и курсы по подготовке начальствующего состава химической службы Ленинградского фронта начали свою работу только в декабре 1941 г. [37. Оп. 1238. Д. 83. Л. 13–18].

В последующем соединения и части Ленинградского фронта первыми в Действующей армии перешли к боевой подготовке на условиях мирного времени ввиду отсутствия соприкосновения с противником на завершающем этапе войны.

Одной из задач ПХЗ была ликвидация последствий применения противником химического оружия. В целях ее выполнения преду-

* Отдельный запасный батальон химической защиты

смаatrивалось проведение санитарной обработки личного состава, дегазации местности, сооружений, боевой техники, снаряжения и обмундирования, оказание медицинской помощи пораженному личному составу и ветеринарной помощи служебным животным. Химическая служба фронта организовала взаимодействие собственно химической, санитарной, ветеринарной и интендантской служб, направленное на выполнение указанных мероприятий. А ввиду того, что фронт вел в течение длительного времени позиционную борьбу, это взаимодействие было доведено до показателей, достичь которых другим фронтам за весь период так и не удалось. Естественно, что значительную роль в подготовке к выполнению данного мероприятия играл город-фронт.

Чрезвычайно интересен опыт применения зажигательных средств. Уже в начале августа, еще до утверждения Народным Комиссаром Обороны СССР Инструкции по применению зажигательных бутылок, Выборгский мыловаренный завод выполнил заказ химического отдела 23-й армии по изготовлению 50 тыс. зажигательных бутылок [37. Оп. 1238. Д. 19. Л. 171–186]. А в сентябре 1941 г. войска армии на Карельском перешейке применили новый способ их использования – фугасирование* местности [37. Оп. 1238. Д. 9. Л. 243; Д. 2. Л. 244].

Данные спецдонесений о создании огневых заграждений (бутылочных полей, огневых валов, минно-огневых фугасов) поражают своим объемом. В условиях блокады, мизерного снабжения войск фронта с Большой земли и спада производства в Ленинграде ввиду истощения сырьевых запасов и прекращения подачи электроэнергии на предприятия города усиление противотанковых и противопехотных инженерных заграждений и создание новых за счет подручных средств внесло свою лепту в обеспечение устойчивости обороны фронта.

Из-за ограниченных поставок огнемётно-зажигательных средств приходилось довольствоваться малым. И в войсках фронта дальность выстрела из ампуломета за счет усиления вышибного заряда была доведена до тысячи метров.

В трудном для Ленинграда 1949 г. в Военном издательстве Министерства вооруженных сил СССР вышел в свет сборник боевых примеров «Применение огнемётов войсками Советской армии в Великой Отечественной войне 1941–45 гг.». В сборнике утверждалось, что «ранцевые огнемёты впервые получили массовое применение при героической обороне Сталинграда» [4, с. 9]. Также приводился

* Фугасирование – заряд взрывчатого вещества, установленный для определенного действия при взрыве. Иногда к фугасам относили аналогичные устройства, но снаряженные огнесмесью (огневые фугасы)

ряд ошибок командиров частей Западного, Южного и Сталинградского фронтов в 1942–43 гг. по боевому использованию этого мощного средства усиления, приводивших к неоправданным потерям огнеметчиков.

Не без гордости хочется процитировать документ, датированный сентябрем 1941 г.: «19 сентября 1941 г. было придано 6 огнеметчиков развед[ывательной] роте 1025 сп, которая действовала совместно с 181 сп. Огнеметчики на исходное положение вышли совместно с пехотой и после арт[иллерийской] подготовки вместе с истребителями были выброшены с десантной группой вперед пехоты в Нов[ый] Белоостров. Защищенные броней от огня противника и огнем танков от живой силы, огнеметчики совместно с десантом оказались в центре огневого сопротивления противника, засевшего в каменных домах и в каменно-земляных подвалах. Огнеметная группа совместно с истребителями ([вооруженными, кроме стрелкового оружия,] бутылками [с зажигательной смесью]) приступила к действию согласно указаний НХС 1025 [сп] мл. лейтенанта БОЛЬШЕВА. Действием огнеметов и истребителей было сожжено до 65 белофиннов, есть еще обожженные, которые не убраны и не учтены. В этом действии пропал без вести огнеметчик Алексеев, ранен тов. Михайлов.

21–22 сентября в операции по блокированию узла сопротивления на сев[ерной] окраине Нов[ого] Белоострова было придано 5 Пограничному отряду 6 человек огнеметчиков во главе с Нач[альником] хим[ической] службы 1025 сп тов. БОЛЬШЕВЫМ. <...> Действия саперов по обеспечению проходов привлекли весь огонь противника на свою сторону. Воспользовавшись ослаблением огня противника, огнеметчики проделали подкоп под проволочное ограждение и пролезли в узел сопротивления. Огнеметчики выжгли два пулеметных гнезда и после этого бросились на ДОТ с тов. БОЛЬШЕВЫМ. Огненной струей они заставили закрыть амбразуру и сбегать пехоту на северо-западной окраине ДОТа...» [37. Оп. 1238. Д. 11. Л. 2].

Войска Ленинградского фронта первыми на советско-германском фронте начали массированно применять дымы при форсировании р. Невы у Невской Дубровки, а также для маскировки важных тыловых объектов фронта и города. В донесении начальника химической службы Невской оперативной группы осенью 1941 г. мы встречаем фразу: «Командиры почувствовали вкус к дыму».

Первенство в использовании отдельных батальонов химической защиты для выполнения задач дымомаскировки также принадлежит химической службе Ленинградского фронта [25, с. 9].

Совершенно необходимой была маскировка дымами железнодорожных мостов через реки Неву и Волхов, а также вновь выстро-

енной после прорыва блокады железной дороги Шлиссельбург – Поляна.

Прорыв глубокоэшелонированной обороны финнов на линии Маннергейма также сопровождался широким применением дымов согласно общему плану «демонстративных действий пехоты, артиллерии и танков на фронте армии» [37. Оп. 1238. Д. 165. Л. 104–109].

По данным разведывательного отдела штаба с началом наступления 21-й армии на направлении главного удара противник подтянул из оперативной глубины в направлении действий 23-й армии 18-ю пехотную дивизию. 11 июня 1944 г., т. е. на второй день наступления, перед фронтом 21-й армии оборонялись только части 10-й пехотной дивизии и трех отдельных батальонов противника, тогда как перед фронтом 23-й армии вели бой части 2, 15 и 18-й пехотных дивизий.

Введение противника в заблуждение относительно намерений действий своих войск стало основой успеха, достигнутого войсками 21-й армии.

Несомненной особенностью действий воинов-химиков являлись блокадные нормы питания [37. Оп. 1238. Д. 10. Л. 100, 101]. Командованию фронта пришлось даже назначить 64-му отдельному батальону химической защиты 23-й армии участок обороны в первой линии на перешейке между озерами Лемболовским и Ройка, для того чтобы перевести личный состав на снабжение по первой норме, чтобы подкормить бойцов и командиров.

Химические войска – довольно малочисленный род войск, и одной из особенностей деятельности химической службы Ленинградского фронта стало содействие семьям командно-начальствующего состава химических войск, воевавших на других фронтах, в эвакуации из Ленинграда [37. Оп. 1238. Д. 62. Л. 328, 349; Д. 63. Л. 26, 27, 219].

Огромный ущерб мировой войной 1914–1918 гг. был нанесен окружающей среде, значительные «площади до сих пор заражены продуктами химической войны, развязанной немцами в 1917 г. <...> На дне Балтийского моря в стальных контейнерах захоронены остатки неиспользованного химического оружия. Их вес составляет 20 тыс. т» [20, с. 636]. По утверждению Е. Емельянова, по окончании Второй мировой войны в проливе Скагеррак, в Борнхольмской и Готландской впадинах Балтийского моря союзниками по антигитлеровской коалиции было затоплено «296.103 т боеприпасов, оснащенных отравляющими веществами» [13, с. 41–43].

Это миллионы килограммов смерти, обладающие свойствами, отличающими их от прочих видов оружия. Такими свойствами являются всепроникаемость и длительность действия. Фуллер писал: «Пуля, упав на землю, "умирает", частица химического вещества

продолжает "жить" иногда несколько дней. Вообразите себе пулемет, выпускающий миллионы пуль в минуту, причем каждая такая "пуля" странствует между деревьями, переползает через стены, проникает в дома, укрытия и убежища» [34, с. 37]. Гитлеровские миллионы килограммов смерти, помноженные на «миллионы пуль в минуту». Трудно себе представить ход и исход Второй мировой войны, стань она войной химической.

Невольно встает вопрос: почему военно-политическое руководство Германии не отдало приказ о применении химического оружия на фронтах войны?

Только ли это желание немецких генералов закончить войну «тем оружием, с которым она была начата»? [11, с. 29–43; 2, 34]. Или Гитлера испугала возможность ответного удара [24, с. 42–43] со стороны Великобритании, США и СССР? Или же от химического удара агрессор отказался ввиду достаточно высокой оценки противохимической защиты РККА? [3; 29; 39]. Эти и многие другие вопросы до сих пор остаются открытыми...

Список литературы

1. Америка под угрозой ... химического нападения (!). Военно-химическое дело. – 1925. – № 6.
2. Антонов Н. Химическое оружие на рубеже двух столетий. – М., 1994.
3. Бабушкин А. Совершенствование химической службы в годы Великой Отечественной войны // Военно-истор. журн. – 1978. – № 7.
4. Банников М.К., Жилин И.А. Применение огнеметов войсками Советской армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – М.: ВИ МВС СССР, 1949.
5. Военно-химическое дело: пособие для начальствующего состава. – М.: ГВИЗ НКО СССР, 1940.
6. Военно-химическое дело. – М., 1959.
7. Военный энциклопедический словарь. – М., 2007.
8. Военные теории накануне второй мировой войны и проверка их боевым опытом: стеногр. публ. лекц. генерал-майора И.И. Зубкова, прочит. 14 февр. 1945 г. в лектории Центрального дома Красной армии в Москве.
9. Войска радиационной, химической и биологической защиты. 1918–2008. – М., 2008.
10. Временный Полевой устав Рабоче-крестьянской Красной армии (ПУ 36). – М.: ГВИЗ НКО СССР, 1936.
11. Гиленсен В. Организация военно-технических исследований в фашистской Германии // Военно-истор. журнал. – 1966. – № 7.
12. Ежедневная красноармейская газета Ленинградского военного округа «На страже Родины» – 1941.
13. Емельянов Е., Пак В., Кравцов В. Проблема Балтики XXI века – трофейное химоружие // Морской сб.
14. Катасонова Е. Фосген, иприт, люизит... Япония произвела горы боевых отравляющих веществ и широко их применяла еще до Второй мировой // Военно-промышл. курьер. – 2008. – № 35.
15. Красильников М.В., Петров Г.И. История химической службы и войск химической защиты Советской армии. – М.: ВАХЗ, 1958.

16. Коршунов Э.Л., Кравченко О.П. Некоторые источники проблем и направления совершенствования защиты от новых видов специального оружия // Науч.-техн. сб. № 1 (28). – М.: ВУ РХБЗ, 2000.
17. Коршунов Э.Л., Кравченко О.П. Новые виды оружия и их идентификация // Науч.-техн. сб. № 1 (28). – М.: ВУ РХБЗ, 2000.
18. Курс боевых химических веществ. – М.: ВИ, 1940.
19. Мейер Ю. Газовая война и боевые химические вещества. – Лейпциг, 1925.
20. Мировые войны XX века. Кн. 1 / под ред. О.А. Ржешевского. – М.: Наука, 2002. – С. 635.
21. Муре Ш. Химия и война / пер. с фр.; под ред. проф. Г.Н. Попова и А.М. Таубе. – М.: ГВИЗ, 1925. – 183 с.
22. Никольский А.В. Итало-эфиопская война 1935–36 (41) гг. – СПб., 2001.
23. Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. – Т. 2. М.: Юрид. лит-ра, 1988.
24. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1957.
25. Петров Г.И. Применение маскирующих дымов войсками Советской армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – М.: ВИ МВС СССР, 1948.
26. Пикалов В.К. Химические войска и химическая служба Советской армии // Военная мысль. – 1980. – № 1.
27. Подготовка к химической войне // Военно-химическое дело. – 1925. – № 9–10.
28. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Т. 5. – М., 1930.
29. Скибинский Н., Якубов В. Из истории защиты от химического оружия // Воен.-истор. журн. – 1983. – № 1.
30. Соловьев Н.А., Судариков А.М., Широкова И.Г. Ленинградские химические институты – фронту // Сб. материалов Всерос. науч. конф. «65-летие снятия блокады Ленинграда и освобождения Ленинградской области. – СПб.: ЛГУ, 2009.
31. Фарроу Э. Газовая война. – М.: ГВИЗ, 1925.
32. Фишман Я. Газовая война. Ч. 1. Технология и применение боевых отравляющих веществ. – М.: ВВРС, 1924.
33. Фрайс А., Вест К. Химическая война / пер. с англ. чл. Артил. комитета ГАУ М.Н. Соболева. – М.: ГВИЗ, 1924. 505 с.
34. Фуллер Дж. Реформация войны. – М., 1931.
35. Химические войска Советской армии. – М.: ВИ, 1987.
36. Химия ОВ. – Т. 1. – М.: ВАХЗ, 1953.
37. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 217.
38. Эльдан Дж. Б.С. Каллиникус, или в защиту химической войны. – Лондон, 1925.
39. Якубов В. Совершенствование способов ведения химической разведки // Воен.-истор. журнал. – 1982. – № 7.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

УДК 94(47)"18":343.35
ББК 63.3(2)521.1+67.401.02

*Ю. Н. Красникова**

Автор рассматривает актуальную для современной России проблему коррупции в исторической ретроспективе на примере борьбы со злоупотреблениями в ведомстве Департамента уделов, над которым у императора был особо строгий контроль.

The author proposes to consider the problem of corruption that is actual to modern Russia in its historical retrospective. The question is revealed on the example of anti-abuse in the Office of the Department of domains, over which the emperor had very strict control.

Ключевые слова: Российская империя, XIX век, Департамент уделов, Министерство императорского двора, коррупция, злоупотребления, взяточничество,

Key words: Russia Empire, XIX century, the Department of domains, the Ministry of the imperial court, corruption, bribery.

Коррупция (corruption) – использование служебного положения в личных целях. По данным «Транспэрэнси Интернэшнл», которые были опубликованы в прошлом, 2009 г., в рейтинге состояния коррупции наша страна занимает печально почётное 147-е место из 180-ти исследованных государств. Эксперты считают, что в России процветает «атмосфера коррупционной вседозволенности». По словам президента Д.А. Медведева: «Кроме того, большое значение для уровня коррупции имеет, конечно, и история того или иного государства, традиции, склонности национального характера, масса других вещей. В этом смысле коррупция в России имеет, как это ни печально, вековые традиции. И сегодня она пронизывает всю нашу жизнь» [1].

Мы предлагаем рассмотреть проблему взяточничества, коррупции на примере удельного ведомства в императорской России первой трети XIX в.

* **Красникова Юлия Николаевна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и истории, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

В самом конце XVIII в. был образован Департамент уделов, во главе которого был поставлен министр. Департамент уделов управлял собственностью, находящейся в общем владении членов императорской фамилии, выдавал денежные суммы «согласно расписанию» и выполнял другие смежные со своей задачей функции. В 1826 г. Департамент уделов стал структурной частью Министерства императорского двора, но при этом сохранил свою самостоятельность. Министр Департамента уделов находился на особом счету у императора. Достаточно сказать, что император лично принимал министра уделов, что считалось знаком «особой милости». Соответственно и контроль над ведомством был особый.

Несмотря на это, уже вскоре были выявлены первые случаи коррупции. Так, в 1802 г. были обнаружены расхождения в отчетах приходных и расходных сумм, выделяемых на содержание Практической школы земледелия (1799–1803 гг.). Директор школы тайный советник Бакунин был уволен, и на него был наложен штраф – 579 руб. [6. Оп. 1. Д. 10. Л. 21].

Только в 1802 г. было определено жалование казенным старостам (15 руб. в год), которые собирали подати, составляли отчет по полученным суммам, смотрели за имуществом. До этого старосты сами назначали себе размер жалования, что также вызывало злоупотребления [6. Оп. 1. Д. 11. Л. 10].

Злоупотребления, особенно взяточничество, растраты, лишние поборы с крестьян, спекулятивные сделки при сдаче в аренду оброчных статей и т. п., были настолько частым явлением, что уже в 1803 г. Александру I пришлось организовать специальный штат ревизоров. Поводом к этому послужил очередной случай коррупции, обнаруженный в 1802 г. в Смоленской удельной экспедиции. Там приказные власти в течение двух лет взимали с крестьян разные незаконные сборы, а хлеб, который должен был поступить в запасные магазины, растрачивался. При этом удельная экспедиция не только не принимала никаких мер к пресечению таких злоупотреблений, но даже выдавала местным приказным властям одобрительные свидетельства. Среди уличенных в поборах с нуждавшихся крестьян при выдаче хлеба из запасных магазинов оказался один из товарищей советника экспедиции [2, с. 44–46]. Видимо, участие в коррупции крупного чиновника обратило особое внимание на проблему и ее масштабы, что и привело к образованию новой должности при ведомстве.

В 1803 г. был издан именной указ о причислении к штату Департамента уделов особых чиновников в звании ревизоров [5. № 20756, с. 598]. В их обязанности входило ежегодно проверять все виды денежных отчетов в удельных учреждениях с выездом на места и жестоко карать проштрафившихся чиновников. Жалование ревизорам

было довольно высокое – 1200 руб. в год, что свидетельствовало о важности их миссии для уделов [6. Оп. 1. Д. 13. Л. 6]. В 1810 г. был учрежден специальный стол для ревизии счетов по удельному ведомству [6. Оп. 1. Д. 22. Л. 84].

С 1803 г. чиновники-ревизоры начали свою работу, объезжая удельные имения с целью выявления случаев коррупции, иногда именно они привозили императору крестьянские жалобы на Высочайшее имя. Хотя чаще жалобы от крестьян на самые различные злоупотребления местных удельных властей доставлялись в Санкт-Петербург через поверенных или ходоков от крестьян.

В 1805 г. поступило прошение по Санкт-Петербургской удельной экспедиции от крестьянки Акулины Осиповой. Она жаловалась на то, что ее младший сын «за свезение с соседственной полосы двух бабок пшеницы» был отдан по мирскому приговору в рекруты. Она также утверждала, что вместо него в армию должен был идти сын богатого крестьянина. В ответ на обращение в селении провели расследование, по результатам которого признали, что наказание сельского мира было несоизмеримым вине. Для того чтобы загладить несправедливость, решили сына крестьянки Осиповой вернуть обратно, а ей заплатить 50 руб. с мира [6. Оп. 1. Д. 15. Л. 41–42].

В 1817 г. было проведено следствие по жалобам, поданным удельными крестьянами Царскосельского уезда на злоупотребления чиновников. Дело касалось расследования о несправедливой отдаче в рекруты и о сборе с них дополнительных налогов, которые разоряли крестьян [7. Оп. 1. Д. 122. Л. 477–550 об].

Одной из причин коррупции явилось то, что законодатель не определил по ряду статей точную сумму на содержание удельных чиновников, и поэтому часто сборы с крестьян на эти цели ничем не регулировались. Мы уже упоминали о жаловании казенным старостам. Также жалование не было определено землемерам и командированным чиновникам. Для размежевания удельных земель в селения приглашались землемеры. Во время работы их обеспечивали удельные крестьяне, но вот размер содержания законом не был определен, что приводило к злоупотреблению со стороны сельских начальников. Для решения вопроса министр в своем докладе предложил определить «меру содержания»: губернские и уездные землемеры должны были получать по 2 руб. в день, их помощники по 1 руб. 50 коп. При этом применили положение о производстве порционных денег, выдаваемых офицерам квартирмейстерской части. Эти деньги собирали с того селения где проводилось межевание. При сборе денег начальник приказа составлял с крестьянами «приговор», который хранился в удельной конторе [6. Оп. 1. Д. 35. Л. 74–75].

В 1828 г. по предложению министра императорского двора командированным удельным чиновникам, которые были обязаны находиться в качестве депутатов при следствии, касавшемся

удельных крестьян или удельной собственности, так же как и землемерам назначали порционные деньги по 50 коп в день [6. Оп. 1. Д. 36. Л. 34–34 об].

Часто удельные чиновники делали сборы в пользу самих себя, несмотря на то, что у них было жалование. Так, в отчете начальника 2-го Корпуса жандармов генерал-майора Волкова, проводившего в 1828 г. следствие о злоупотреблениях по Московской удельной конторе, приводились следующие цифры: в течение пяти лет (1822–1827) с крестьян производились сборы преимущественно на подарки управляющему Московской удельной конторой надворному советнику Егорову, который «нагло требуя оных, говорил, что занимаемое им место стоит ему более 30 тысяч». В подобных сборах были уличены и другие чиновники конторы: Фриде, Кустаревский, Покровский, Балдин, Иванов, Соколов, Попов, Глаголевский и Чумичев. Сверх того Егорову и прочим чиновникам делались от крестьян лично или через сельских начальников особые приношения «ибо без подарков никакая просьба, по частному или общественному делу никогда не была уважаема и не получала удовлетворения». Также в ходе расследования был выявлен факт, что еще в 1825 г. министр уделов Д.А. Гурьев поручал бывшему члену Департамента уделов, действительному тайному советнику Шишову «удостовериться в справедливости жалобы» удельных крестьян московской удельной конторы о злоупотреблениях начальников. Шишов, вступив в сговор с другими чиновниками, отрапортовал, что все в порядке, в доказательство предоставив в Департамент уделов мирские приговоры. Оказалось, что приговоры были составлены чиновником конторы Кустаревским и подписаны крестьянами под угрозой мщения или же крестьяне были «подкуплены». «Между тем... лихоимство доведено было там до высшей степени». Шишов был обвинен в коррупции и попал под следствие. Интересно, что в еще 1819 г. за усердную службу Шишову увеличили жалование с 2000 до 3,200 руб. в год [6. Оп. 1. Д. 29. Л. 44]. «Кроме этого крестьяне были отягощаемы взятками» как со стороны голов и волостных писарей, так и со стороны чиновников ведомства военного, губернского и лесного. В результате дело было передано в суд [6. Оп. 1. Д. 36. Л. 118–120].

Также и в Саратовской губернии был организован дополнительный сбор с крестьян по 80 коп. с души на прибавку к жалованию голове, заседателю, писарю [3, с. 51–93].

Виновных в коррупции по удельному ведомству сурово наказывали, иногда назначая меру наказания не дожидаясь решения суда. Особенно часто такие ходатайства исходили от управлявшего министерством с 1826 г. П.М. Волконского. Так, после проведенной в 1827 г. в Нижегородском удельном имении ревизии несколько сель-

ских старшин, уличенные «в законопротивном сборе» денег с крестьян, были переданы суду. Пока шел судебный процесс, новый управляющий, избличил в подобном сборе старшин еще трех приказов. В этой связи министр предложил императору отдать «виновнейших из них» в количестве четырех человек в рекруты, не дожидаясь решения суда. «В пример прочим необходимо строгое и безотлагательное возмездие... а для произведения сильнейшего впечатления на крестьян, сделать сие известным по всем удельным имениям». Николай I наложил на это предложение резолюцию: «Исполнить» [6. Оп. 1. Д. 36. Л. 115].

По следствию статского советника Ярошевицкого, отправленного для ревизии Орловского удельного имения, в коррупции обвинялись голова Галышинского приказа Зеленин и заседатели: казенный Морозов и приказной Дьяконов. Зеленин обвинялся в том, что он подделал расписки о собранных с крестьян деньгах за последние шесть лет, сжег старые, подделал номера по шнуровой книге и выдал их сборщикам. Кроме того, в течение 22 лет, находясь в должности головы, он избирал «по своему произволу» заседателей и сельских старшин, злоупотреблял должностными обязанностями, употребляя крестьян в «свои» работы, «собирая с них, что хотел», однако был осторожен и старался брать деньги без свидетелей. В ходе следствия Зеленин не сознался в своей вине. Но под обвинением его в коррупции подписалось около 100 крестьян и даже целые крестьянские общества. В своем докладе императору министр просил сурового наказания, причем предлагал определить его не дожидаясь решения суда и отправить виновного в рекруты, а если по состоянию здоровье не будет способен к службе, то в Сибирь. Николай согласился со всеми предложениями, кроме отправки в Сибирь, повелев в случае неспособности чиновника к военной службе, отослать его в крепостные команды [6. Оп. 1. Д. 36. Л. 153–153 об]. Вскоре в Департамент уделов поступило ходатайство от жены Зеленина, в котором она просила, чтобы ее мужа отдали под суд, обвиняя в наговоре крестьян. Она также заметила, что ее муж был награжден медалью за отличное поведение и усердие. Просьба ее осталась без удовлетворения, а министр, в свою очередь, предложил снять «с Зеленина пожалованной в 1819 году серебряной медали, как недостойного сего знака монаршей милости», что и было исполнено [6. Оп. 1. Д. 37. Л. 25–26].

Самым крупным делом о коррупции в Департаменте уделов в эти годы было дело директора Петергофской бумажной фабрики Вистингаузена, который обвинялся в расхищении имущества удельного ведомства на сумму 1 448 092 руб. ассигнациями [6. Оп. 1. Д. 38. Л. 7–15]. Следствие началось с того, что министр попросил разрешения у императора на обыск подвод, которые ушли с фабрики

ки по приказу директора, так как по слухам там находилось имущество фабрики, а не личное, как утверждал Вистингаузен. В результате обыска выяснилось, что директор Петергофской бумажной фабрики отправил в Ревель 10 подвод с бумагой, медными и железными вещами в сопровождении двух казенных мастеровых [б. Оп. 1. Д. 36. Л. 174–174 об]. После ареста подвод началась ревизия на фабрике. По итогам следствия Государственный совет опубликовал мнение, в котором привел расчеты убытков фабрики. Директор фабрики был уволен. Также министр императорского двора (он же министр уделов) просил министерство юстиции о взыскании с директора суммы убытков [б. Оп. 1. Д. 37. Л. 10–13]. Дела это рассматривалось в Особом комитете в Государственном Совете и в итоге Сенатом в 1829 г. был издан указ о наложении ареста на имущество бывшего директора. Характерно, что Вистингаузен посчитал возможным вступить в спор и передал на высочайшее имя записку, в которой обвинил чиновников в клевете, а Департамент уделов в отказе выдать ему копии расчетов убытков, просил снять арест с имущества, требовал проведение нового следствия по делу, очной ставки в присутствии его, доносчика и тех лиц, которые якобы покупали эти вещи. Министр вынужден был писать опровержение по всем пунктам обвинения, ссылаясь на то, что бывший директор просто хотел затянуть дело по уплате убытков. В этой связи министр предлагал императору основываться на высочайше утвержденном мнении Государственного совета, и больше не принимать возражений, а имущество оставить под арестом. Это решение и было утверждено Николаем I [б. Оп. 1. Д. 38. Л. 7–15].

Среди дел о коррупции в удельных имениях есть дела о «пропаже» крестьянских денег. В некоторых случаях после следствия они находились, но иногда даже после проведенного расследования денег найти не могли. В 1825 г. в Департамент поступила просьба крестьянина Тамбовской губернии Якова Костина. Он относился к религиозному течению молокан и по решению Тамбовской удельной конторы был переселен в Таврическую губернию к единомышленникам. Его имущество, находившееся в Тамбовской губернии, была продано, часть денег ему выдали на переселение сразу, а часть должны были передать, но деньги где-то затерялись. По поводу поиска пропавших сумм между ведомствами развернулась широкая переписка. Тамбовская удельная контора сообщала, что, продав имущество, отравила деньги в Воронежскую удельную контору, которая в свою очередь заявила, что отправила их в Мелитопольский земской суд. На это Земской суд, официально сообщил, что денег для Костина не получал. Департамент государственного хозяйства МВД дал поручение Тамбовскому гражданскому губернатору разо-

браться, «откуда точные сведения», и где же деньги [7. Оп. 1. Д. 178. Л. 1–7 об, 15–19 об.].

В.А Мякотин, один из руководителей народно-социалистической партии, историк, подробно изучал структуру организации местных органов власти в удельных имениях страны. В своем исследовании он описал несколько совершенно вопиющих случаев злоупотребления должностными полномочиями со стороны удельных властей. Так, например, председателю Земского суда Батюшкову было донесено, что солдатка, удельная крестьянка Анна Васильева, расплатилась «сомнительным» серебряным рублем. Крестьянка объяснила, что получила этот рубль на ярмарке от неизвестного человека. Вместе с тем при обыске нашли еще один рубль, похожий на первый, что доказывало ее вину. Ее арестовали, били, посадили в холодной бане на стуле с цепью на шее, где она просидела шесть недель. Четыре дня ее вообще не кормили. Женщина была беременна и, находясь в кандалах, родила мальчика, который вскоре умер. Это стало известно в Департаменте. Было проведено следствие. Оказалось, что крестьянка стала лишь жертвой местного удельного начальника, который ее изнасиловал, и для сокрытия этого факта сфабриковал дело. В результате следствия выяснилось, что и рубль был настоящим. Председатель Земского суда был уволен и обязан заплатить крестьянке деньги за причиненный вред. Удельного чиновника же предали суду [3, с. 81–82].

Удельные чиновники пользовались общинным имуществом на правах личной собственности. В Воронежской удельной конторе из пяти троек лошадей, содержащихся мирским обществом, две находились в постоянном пользовании писаря и его семьи. В Вологодской – чиновники обвинялись в плохом исполнении своих обязанностей. Да, и многие выборщики их не знали. В Новгородских имениях несколько должностных лиц, являвшихся подрядчиками, заставляли мирское общество сдавать подряд на ямскую гоньбу по непомерно высокой цене [3, с. 51–93].

Иногда коррупция приводила к массовым недовольствам в удельных селениях. Защищая свои права, крестьяне восставали против местной власти, что жестоко каралось. Вот один из примеров. В марте 1805 г. на Полотняной фабрике, принадлежавшей удельному ведомству, в результате побоев скончалась удельная крестьянка Федосья Алексеева. Тайным советником Олениным было проведено разбирательство по данному факту и выяснилось, что побои нанес эконоом фабрики Малышев. Его уволили с занимаемой должности и из ведомства Департамента уделов. Смотрителю Якимовскому был объявлен строгий выговор «с подтверждением на будущее время быть в своей должности рачительнее и осторожнее» [6. Оп. 1. Д. 15. Л. 51–51 об.]. Но злоупотребления не прекратились,

условия работы на Полотняной фабрике для удельных крестьян были настолько тяжелыми, что в 1815 г. там вспыхнуло восстание, крестьяне отказались работать и потребовали увольнения управляющего Грабе. Главной причиной выступления были низкая заработная плата: за 11–12 часов работы как ткачи, так и прядильщики в своих домах зарабатывали не более 7 коп. К тому же директор фабрики голландец Грабе систематически обсчитывал и обманывал их. На фабрике к тому времени числилось 1702 чел., поэтому для «усмирения крестьян» требовались дополнительные силы. К ним была отправлена инвалидная команда. Но это не помогло, и в 1816 г. в Опочецкий уезд было направлено дополнительно два батальона Псковского пехотного полка. Последовали массовые порки розгами и битье шпицрутенами. Однако даже такая жестокая расправа не поколебала решимости крестьян не выходить больше на работу. Министр уделов был вынужден назначить комиссию для «обстоятельного исследования столь упорного неповиновения» опочецких удельных крестьян.

В начале 1817 г. комиссия представила Александру I доклад, из которого следовало, что удельные крестьяне Опочецкого уезда разорены, накопили столько недоимок, сколько все остальные удельные крестьяне Псковской губернии вместе взятые, и что фабрика, основанная на подневольном труде, принесла удельной казне 201 317 руб. убытков. В итоге фабрику Александр I приказал закрыть, крестьян перевели в ведение Александровской мануфактуры, принадлежащей Марии Федоровне. Директора Грабе и его помощников было решено предать суду и взыскать с них все нанесенные убытки. Только после этого волнения опочецких удельных крестьян прекратились [6. Оп. 1. Д. 27. Л. 23–26 об.; Оп. 12. Д. 14. Л. 1–69; Оп. 56. Д. 404. Л. 186–190].

Очень часто поводом для возбуждения дел, проведения расследования и отправки ревизоров для проверки в удельные имения становилось получение Департаментом жалоб от крестьян, поэтому местные власти всячески препятствовали их передаче. Так, удельный крестьянин Новгородской губернии Петропавловского приказа деревни Колбиной Василий Герасимов, договорившись с местным выборным Тарасом Шубниковым, самовольно захватил землю своего соседа крестьянина Еремея Иванова, на которой он (Герасимов) построил овин. Иванов написал жалобу в удельную экспедицию и отдал ее для отправления в Петербург. Шубников, узнав о жалобе, решил дать взятку в размере 25 руб. секретарю Санкт-Петербургской удельной экспедиции Елдусову, чтобы тот не дал хода этому делу. Но вопреки этому жалоба попала в Департамент, и в 1806 г. было проведено расследование, по итогам которого было решено Елдусова уволить. Тарасу Шубникову сделали предупреж-

дение, чтобы он «не дерзал чинить какое-либо притеснение, или обиду» крестьянину Еремею Иванову за то, что тот написал на него жалобу. А в наказание за взятку государственному служащему было решено сжечь при нем ассигнацию в 25 руб. Захваченную землю Герасимов должен был вернуть или по договоренности с Ивановым откупиться деньгами, или дать землю в другом месте [6. Оп. 1. Д. 18. Л. 13–14].

В надежде хоть как-то остановить бесконечную череду должностных преступлений в Департаменте была создана система слежки чиновников друг за другом. Всячески поощрялись доносы с их стороны. Конечно, контроль со стороны Департамента и строгое наказание, которое он выносил, если вина управляющего или чиновника была доказана, незначительно, но сокращало количество злоупотреблений в удельных имениях. Чем дальше находилось имение от Петербурга, тем в большей степени чиновники злоупотребляли властью, так как труднее было организовать контроль со стороны ведомства.

Департамент, кроме контроля, применял методы поощрения и заинтересовывал материально для стимулирования «честных» управленцев, поощряя чиновников денежными и почетными наградами [6. Оп. 1. Д. 5–38]. Удельные чиновники «за усердную службу» могли получить кафтан, часы, серебряную или золотую медали на владимирской ленте, денежные премии, размер, которых зависел от ранга и статуса чиновника. В первые годы существования учреждения для этого ежегодно из бюджета удельных сумм выделялось по 10 тыс. руб. [6. Оп. 1. Д. 3. Л. 18; Д. 5. Л. 10; Д. 8. Л. 19; Д. 11. Л. 131; Д. 11. Л. 132; Д. 16. Л. 3а–4; Д. 16. Л. 128–129; Д. 17. Л. 51; Д. 19. Л. 37]. А уже к 1809 г. премиальная строка бюджета выросла до 19 700 руб. [6. Оп. 1. Д. 20. Л. 52]. Первоначально в эту сумму входили расходы на награды и пенсии для удельных чиновников и их семей. Вскоре такая статья стала значиться отдельной строкой. По отчету за 1828 г. на награждение выделялась сумма в 13 083 руб. 33 коп, а на пенсии и пособия для чиновников – 117 488 руб. 42 $\frac{3}{4}$ коп. В ведомостях обязательно оговаривалась, честно ли служил данный чиновник [6. Оп. 1. Д. 37. Л. 72–75].

Не всегда проводимые по жалобам крестьян расследования имели для последних успех. Департамент при вынесении решения по делу в первую очередь исходил из своих собственных интересов. Крестьянами Новгородской удельной конторы была подана жалоба на управляющего конторой коллежского советника Михельсона. Крестьяне обвиняли управляющего в несправедливой отдаче их в рекруты. Советником Новгородской уголовной палаты Глинкиным и помощником управляющего Строиловым было проведено следствие по делу. Они обвинили Михельсона в том, что он при назначе-

нии очереди на поставку рекрут исходил из собственных решений. Среди крестьян уже существовал порядок очереди, который они обычно и предлагали на рассмотрение управляющему. Но Михельсон поступил по-своему. В армию были отправлены те, кто не стоял в очереди первыми. Уголовное дело было передано в Департамент, где и должно было быть вынесено окончательное решение. Проведя свое собственное расследование, допросив Михельсона, Департамент уделов снял с управляющего Новгородской удельной конторой все обвинения. Оказалось, что Михельсон не отправил первых по очереди крестьяне, так как они не годились для военной службы. Согласно порядку сдачи в рекруты в удельных имениях перед тем как отправить рекрута в армию его освидетельствовали, т. е. проводили осмотр на наличие каких-либо физических недостатков. Также в первую очередь в рекруты назначали те семейства, которые еще не несли эту повинность. В рекруты не брали единственного кормильца в семье, чтобы крестьянские хозяйства не разорились. И только после полного исследования и сбора всей информации рекруты отправлялись на службу. Данная часть обвинения с Михельсона была снята. Но крестьяне еще утверждали, что он, сократив сумму на сборы рекрута, разницу взял себе. Департамент же пришел к другим выводам. Поставка рекрута в армию обходилась в сумму 116 руб. Управляющий Новгородской конторой сократил эту сумму до 98 руб. 50 коп., в чем Департамент увидел для себя явную выгоду. (Для сравнения сбор рекрут с экономических крестьян этого же набора составлял 168 руб.). То, что Михельсон брал излишние деньги, крестьяне сами подтвердить не смогли, а говорили, что где-то слышали. А это не являлось доказательством вины [6. Оп. 1. Д. 25. Л. 36–39]. В итоге хотя и получалось, что экономические крестьяне были лучше собраны для отправки, чем крестьяне императорской фамилии, но главное, что Департамент уделов сумел сэкономить почти в два раза больше денег. Показательно, что и в дальнейшем сумма, которая собиралась с мирского общества на отправку рекрута, сокращалась. Так, к 1829 г. эта сумма составляла в среднем по всем удельным имениям 76 руб. 90 $\frac{1}{4}$ коп. [6. Оп. 1. Д. 37. Л. 59].

Активисты-крестьяне, которые зачастую и были инициаторами передачи жалобы императору на злоупотребления на местах, сильно рисковали, принимая в этом участие. Они могли быть сосланы в Сибирь или в рекруты, наказаны плетью, штрафами, в лучшем случае их отпускали с миром. Таких крестьян местное начальство недолюбливало, и даже если после следствия порядок восстанавливался, самих активистов продолжали притеснять. В 1811 г. было раскрыто дело о коррупции со стороны старшин Пензенской губернии Покровского приказа. Несмотря на то, что в своей жалобе кре-

стьянин Поликарпов говорил о различных злоупотреблениях со стороны местного начальства, в итоге их обвинили только во взяточничестве и в том, что «производили сборы в излишестве». В итоге голова Чикрин, казенные старосты Козьмин и Фомин были уволены, а крестьянина «за ложное донесение» наказали. «Излишние» сборы было решено перераспределить [6. Оп. 1. Д. 23. Л. 34–37 об].

Но проведение ревизии в удельных имениях, где процветала коррупция, было не безопасно и для удельного ревизора. В 1830 г. майор Базин был командирован в Оренбургское удельное имение для расследования «причин внезапного сумасшествия надворного советника Макарова». Макаров был командирован в имение в 1829 г. с целью ревизии деятельности управляющего этим имением коллежского советника Дубецкого. Выяснилось, что некоторые крестьяне по сговору с управляющим хотели отравить Макарова и «даже лишить жизни», что и привело к душевному расстройству ревизора. Ввиду того, что чиновники Оренбургской губернии и управляющий конторой оказались подозреваемыми по делу, то майору пришлось просить назначить особых лиц для продолжения расследования [6. Оп. 1. Д. 38. Л. 138-139].

В 1810 г. в Департамент поступила жалоба от крестьян Воронежской удельной конторы на исправника Бобровского уезда Безсонова. Речь в ней шла о том, что тот назначает им в наряд «излишние» подводы, несправедливо собирает деньги и др. Дело было предано в губернский суд [6. Оп. 1. Д. 22. Л. 56–59 об]. Началось и внутреннее расследование в ведомстве. Во время производства следствия по делу Безсонова были избиты неизвестными управляющий удельной конторой Холодович и стряпчий той же конторы [6. Оп. 1. Д. 23. Л. 4–7].

Особняком стояли коррупционные дела, касавшиеся прав раскольников. Согласно указу 1722 г. никакие раскольники не могли быть избираемы на выборные должности и не имели права исполнять некоторые повинности, в частности, караульную, квартирную. Они были вынуждены нанимать православных для исполнения этих обязанностей, которые, пользуясь своим положением, просили высокую оплату за свои услуги. Там, где раскольников было немного, это не было большой проблемой, но ситуация осложнялась в тех деревнях, где раскольники составляли большинство, а православных было немного [6. Оп. 12. Д. 573].

О масштабах коррупции в удельных имениях можно судить по отчету Департамента уделов за 1827 г. После ревизии 15 удельных имений 13 управляющих были «сменены» за злоупотребления [6. Оп. 1. Д. 36. Л. 70–77 об]. В ходе же обследования, проведенного спустя всего два года, в 1829 г., когда было осмотрено 11 имений, последовало еще два увольнения, и с должностей были смещены

управляющие Воронежской и Тамбовской губерний [6. Оп. 1. Д. 38. Л. 47–58 об].

Так можно ли побороть коррупцию? Или мы смирились с ней, как это уже сделал в свое время Николай I, признавший в разговоре с наследником Александром невозможность искоренения воровства чиновниками, заметив, что только они вдвоем и не воруют [2, с. 139].

В архиве сохранился показательный документ. Надзиратель за Санкт-Петербургской удельной экспедицией товарищ министра действительный тайный статский советник Арсеньев в 1807 г. спрашивал у министра уделов стоит ли ему принимать подношения от крестьян. Так как «некоторые ... предлагают добровольные приношения деньгами, другие, смотря по состоянию своему, лошадьми, упряжкой и прочим» [6. Оп. 1. Д. 19. Л. 48].

«Есть ещё одна цифра, которая на первый взгляд удивляет и которая на самом деле для нашей страны является очень тревожной. По данным некоторых социологических опросов, четверть наших граждан вообще не считают, что коррупция является ненормальным явлением. Приветствуют коррупцию. То есть в обществе в целом практически отсутствует нетерпимость к коррупции как к институту» [1]. Вот и ответ, пока общество считает нормальным, когда решают вопросы за «подношения», искоренить коррупцию будет сложно – уровень её является лишь отражением нравственного состояния общества.

Список литературы

1. Videоблог Дмитрия Медведева. – URL: <http://blog.kremlin.ru/post/15/transcript>
2. Выскочков Л.В. Николай I. – М.: Мол. гвардия, 2006.
3. История уделов за столетие их существования. 1797–1897 гг. – Т. 1. – СПб., 1902.
4. Мякотин В.А. Крестьянское самоуправление в удельных имениях // Русское богатство. – 1903. – № 6. – С. 51–93.
5. ПСЗ. Собрание 1. – 1802–1803. – Т. XXVII. – СПб., 1830.
6. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 515. Ф. Департамента уделов.
7. РГИА. Ф. 1263. Ф. Комитета министров.
8. РГИА. Ф. 1285. Ф. Департамента государственного хозяйства МВД.

Д. В. Рыбин*

Кадровая политика министерства юстиции Российской империи в пореформенный период (1861–1904 гг.)

Автор анализирует эволюцию кадровой политики Министерства юстиции Российской империи после 1864 г., рассматривает уровень материального обеспечения и в целом условия службы в учреждениях юстиции в пореформенный период. Исследуется, как эти факторы повлияли на качественный состав сотрудников юстиции, а в конечном итоге на эффективность деятельности судебного ведомства.

The author analyzes evolution of the Ministry of Justice of the Russian Empire's manpower policy after 1864, expands upon the level of material maintenance and, as a whole, a condition of service in judicial institutions in the Post-reform period and examines the way they had affected the qualitative composition of judicial officers, and finally the effectiveness of judicial offices' performance.

Ключевые слова: кадровая политика; социальное обеспечение; материальное обеспечение; судебские чины; судебная кандидатура; количество и качество личного состава; условия службы; эффективность работы учреждений юстиции.

Key words: Manpower Policy; Social Security; Material Maintenance; Judicial Ranks; Judicial Nominee; Quantity and Quality of Staff; Conditions of Service; Judicial Institutions' Performance.

*У нас часто жалуются, что «нет людей»,
когда в сущности нет не людей,
а условий для их деятельности*

А. Ф. Кони

История Министерства юстиции Российской империи получила определенное освещение в отечественных исторических и историко-правовых исследованиях [3; 4; 8; 9; 16]. Вместе с тем все еще остаются отдельные аспекты данной темы, которые не привлекли должного внимания ученых. К такого рода аспектам относится кадровая политика Министерства юстиции Российской империи. В этой связи есть необходимость восполнить существующий пробел в изучении дореволюционной истории судебного ведомства.

* **Рыбин Данил Вячеславович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Северо-Западный (Санкт-Петербург) филиал Российской правовой академии Министерства юстиции России

Фактически сразу после министерской реформы и образования Министерства юстиции Российской империи остро встала проблема кадрового обеспечения данного ведомства. (В России министерская реформа организации высших органов государственного управления прошла в начале XIX в. Манифестом от 8 сентября 1802 г. «Об учреждении министерств» учреждались восемь первых министерств: военно-сухопутных дел, военно-морских сил, внутренних дел, иностранных дел, финансов, коммерции, народного просвещения и юстиции).

Министерство юстиции России на разных этапах истории отечественной государственности выполняло важнейшие функции государственного управления. В начале XIX столетия Министерство юстиции занималось управлением системой суда и прокуратуры (заведованием личным составом, учреждением и упразднением судов, надзором за их деятельностью и т. д.) [2, с. 80]. Сфера компетенции Министерства юстиции значительно расширилась после судебной реформы 1864 г., в 1870 г. в структуре министерства было создано Межевое управление, а с 1895 г. в состав Министерства юстиции вошло переведенное из Министерства внутренних дел Главное тюремное управление. Перед Министерством юстиции стояли важные государственные задачи, справиться с которыми можно было, имея квалифицированный кадровый корпус. Однако с первых лет существования Министерства юстиции кадровая проблема относилась к числу важнейших и трудно разрешимых.

Вопрос о количественном и качественном составе Министерства юстиции резко актуализировался в период подготовки и проведения судебной реформы 1864 г. Для должного понимания масштабов данной проблемы следует учитывать, что одновременно предстояло назначение 532 должностных лиц, в том числе 8 сенаторов, 50 председателей и их заместителей, 144 членов палат и окружных судов, 192 судебных следователей и 123 чинов прокурорского надзора [7, с. 14]. Как у сторонников, так и у противников судебной реформы были серьезные сомнения, что будут найдены подготовленные кандидаты для работы в новых судебных учреждениях. Например, участник крестьянской реформы и последовательный критик судебных уставов 1864 г. А.И. Кошелев так характеризовал сложившуюся ситуацию: «Право, славно: у нас будут, по щучьему велению и по нашему прошению, – и адвокаты, и председатели, способные вести судные дела и прения так, как того требует наука и практика. Знаете, без смеха нельзя читать этого прекрасного сочинения: хорошо, очень хорошо, а никуда не годится» [17, с. 8].

Составители судебных уставов хорошо понимали, что своеобразным «ключом» к успеху предстоящей реформы является подбор

квалифицированных кадров. Поэтому они предполагали обеспечить службу в судебном ведомстве такими условиями, которые привлекали бы на эту службу и удерживали бы на ней лиц, достойных звания судьи. Одним из наиболее существенных в числе этих условий должно было стать достаточное материальное обеспечение судебных деятелей как во время службы, так и после их выхода в отставку. Это хорошо понимал министр юстиции Д.Н. Замятнин, который в своей речи в Государственном совете подчеркивал, что если судебное ведомство не будет в состоянии привлечь и удержать способных и честных деятелей, то несменяемость судей принесет больше вреда, чем пользы [5, с. 244]. В этой связи было даже предложение на первые три года лишить судей несменяемости, чтобы так исправить неудачные назначения. Государственный совет решительно отклонил такую идею [8, с. 14].

Для подготовки кадрового резерва для судебного ведомства создатели судебных уставов 1964 г. учредили институт кандидатов на судебные должности. По мысли законодателя данному институту предстояло стать главнейшим источником, из которого должно было пополняться судебное сословие, школой, подготавливающей судебский корпус. Кандидатами на должность по судебному ведомству могли быть лица, получившие высшее юридическое образование. Кандидаты на судебные должности назначались министром юстиции, председателями общих судебных мест или обер-прокурорами кассационных департаментов Правительствующего Сената, они состояли при судебных местах и при прокурорском надзоре. Кандидаты на судебные должности считались состоящими на государственной службе, но жалованья не получали [13. Собр. 2. Т. XXXIX. Отд. 2. Ст. 407–419].

Кандидаты на судебные должности посещали судебные заседания по распоряжению и под наблюдением председателей судебных мест и лиц прокурорского надзора выполняли их поручения, могли при недостатке судебных следователей и в случае крайней необходимости командироваться для осуществления предварительного следствия и др. [13. Собр. 2. Т. XXXIX. Отд. 2. Ст. 407–419]. Из среды кандидатов должны были выходить судьи, следователи, прокуроры, секретари судебных мест и т. д.

Энергичную деятельность по увеличению окладов, штатов, подбору квалифицированного состава развернул министр юстиции Д.Н. Замятнин. Он посещал суды и лично знакомился с судебными деятелями как в Санкт-Петербурге, так и в других городах, собирал сведения об их нравственных и интеллектуальных качествах. Как позже отмечал А.Ф. Кони: «он (Д.Н. Замятнин) призвал действительно лучших людей и твердо проводил начало способности, впервые провозглашенное в Министерстве юстиции в замену старшинства в чине и (извините за резкость) в приобретении геморроя» [6, с. 49–50].

И действительно, при введении реформы 1864 г. судебное ведомство не испытывало недостатка в достойных деятелях. Люди образованные и талантливые стремились на службу в новые судебные учреждения [11, с. 70]. Это было связано с общественным почетом службы и материальным достатком, который она обеспечивала. Судебные уставы закрепили довольно высокие оклады судебным чинам: сенаторы кассационного департамента Сената получали 7 тыс., старший председатель судебной палаты – 6 тыс., председатель департамента судебной палаты – 5 тыс., председатель окружного суда – 4,5 тыс., заместитель председателя окружного суда – 3,5 тыс., член судебной палаты – 3,5 тыс., член окружного суда – 2,2 тыс., мировой судья, работающий в столицах (Санкт-Петербурге, Москве) – 2,2 тыс., мировой судья, работающий в прочих местах – 1,5 тыс. рублей ежегодно. Хорошее материальное содержание получили и другие деятели судебных учреждений – судебные следователи, канцелярские служащие (секретари судебных палат, окружных судов, помощники секретарей и др.) [13. Отд. 3. Приложения. Ст. 41475]. Такие данные позволили некоторым современным авторам утверждать, что судебные учреждения после реформы 1864 г. были высокооплачиваемым местом службы, отмечая при этом, что в 1890–1900 гг. годовое содержание председателя окружного суда составляло 4500–5000 руб., его заместители получали по 3000–3500 руб. в год, и что это было вдвое – вчетверо выше жалованья большинства их западноевропейских коллег и современников – французов, немцев, австрийцев, итальянцев [14, с. 36]. Однако, на наш взгляд, жалованье указанных судебских чиновников не может являться показателем материального благополучия всего судебного корпуса. Должности председателя окружного суда и его товарища (заместителя) – это должности, отягощенные еще административными функциями, и должности к тому же немногочисленные, поэтому жалованье и у них было выше, чем у рядового члена окружного суда. Так, например, в 1894 г. председателей окружных судов и их товарищей в Российской империи было 232, в то время как членов окружных судов – 803 чел. [11. Приложение, с. 59]. Жалованье же члена окружного суда было заметно меньше и составляло 2200 руб., у мирового судьи работающего в столицах (Санкт-Петербург, Москва) – 2200, в прочих местах – 1500 руб. в год [13. Собр. 2. Т. XXXIX. Отд. 3. Приложения. № 41475].

Учитывая все вышесказанное, сегодня, наверное, не следует идеализировать пореформенный суд Российской империи, а тем более распространять вывод о высоком достатке судебного корпуса на весь пореформенный период вплоть до 90-х гг. XIX столетия. (При этом, безусловно, не следует забывать о огромном прогрессивном значении судебной реформы 1864 г. для дореволюционной

России, особенно с учетом того, что с течением времени условия службы в учреждениях юстиции серьезным образом изменились). В связи с несоответствием штатов судебных мест размерам их делопроизводства служба в судах стала крайне тяжелой, требующей значительного напряжения сил и здоровья. К этому присоединилось плохое обеспечение бытовых условий и значительное ухудшение, в основном из-за роста цен, материального достатка судебных чиновников. Заработная плата была настолько незначительной, что представители некоторых должностей вынуждены были отказываться от удовлетворения самых насущных потребностей [11, с. 70]. Следствием такого положения дел стал, с одной стороны, высокий отток достойных и талантливых сотрудников учреждений юстиции на службу в другие ведомства (очень часто в Министерство финансов) и адвокатуру [1, с. 24], а с другой стороны, на судебные должности стали попадать случайные люди с невысокими интеллектуальными и нравственными качествами. В сущности, сбылись худшие опасения министра юстиции Д.Н. Замятнина, которые им высказывались еще в период подготовки судебной реформы. В частности, его беспокоил вопрос о соблюдении материального равновесия между судебными чинами и нарождавшейся адвокатурой. Он понимал, что если оклады судейского корпуса будут недостаточны, то большая часть одаренных и знающих судей уйдет в присяжные поверенные [5, с. 243–244].

Таким образом, отечественная юстиция в пореформенный период имела ряд серьезных проблем с личным составом и его социальным обеспечением, которые не могли не отразиться неблагоприятно на качестве работы судебного ведомства.

Одним из наиболее больных вопросов судебной жизни было положение судебной кандидатуры. Налицо была деградация института судебной кандидатуры, из рядов которой выходили деятели российского суда. Его характеризовали не иначе как «обделенный судьбой и забытый действительностью» [10, с. 1], находящийся в «патологическом состоянии» [10, с. 2]. Это было связано с тем, что материальное положение кандидатов на судебные должности было просто плачевно, они не получали жалованья и перебивались случайными заработками. Поэтому кандидаты на судебные должности, как правило, были полностью поглощены поиском средств к существованию, а не подготовкой себя к профессиональной деятельности. Правда, закон «О вознаграждении кандидатов на должности по судебному ведомству за труды их» от 8 апреля 1875 г. несколько облегчил их положение. В частности, по этому закону с 1 января 1876 г. в расходные сметы Министерства юстиции ежегодно вносилась особая статья, 68 тыс. 400 руб. на выдачу кандидатам пособий. Эта сумма ежегодно распределялась министерством между стар-

шими председателями и прокурорами судебных палат и председателями и прокурорами окружных судов, которые назначали из нее по своему усмотрению единовременные выплаты наиболее усердным и достойным кандидатам [13. Собр. 2. Т. L. Отд. 1. Ст. 54569]. Однако данная мера лишь только несколько облегчила положение небольшой части кандидатов, но не изменила его в лучшую сторону.

Острой проблемой российской юстиции были небольшие штаты судебных деятелей, которые не справлялись с постоянно возрасставшим числом дел в судах, отсюда такое негативное последствие, как медленность осуществления правосудия [1, с. 19]. Несмотря на то, что руководство Министерства юстиции постоянно ходатайствовало об увеличении штатов, в достаточной мере их не расширяли. Правда, в период распространения судебных уставов 1864 г. на территорию всей империи штаты были увеличены. (Распространение судебной реформы Александра II на всю Российскую империю затянулось на десятилетия. К 1894 г. (т. е. через 30 лет после издания Судебных уставов) 23 губернии и области, а именно северная, восточная и юго-восточная, остались при старом дореформенном суде (в том числе вся Сибирь и Туркестанский край). В 1890-е годы Министерство юстиции проводило большую работу по завершению судебной реформы, которая была закончена лишь в 1899 г.). Более того, в дополнение к этому с 1894 по 1904 г. были учреждены еще 494 должности судьи, 177 – следователей, 132 – прокурора и 345 – канцелярских сотрудников [1, с. 20]. Однако и эти меры не удовлетворяли потребности судебного ведомства.

Сложной проблемой была крайне небольшие заработная плата и пенсии судебных деятелей, поэтому положение многих сотрудников ведомства было в высшей степени тяжелым, а иногда прямо безвыходным. Министр юстиции Н.В. Муравьев в этой связи прямо писал, что: «Недостаточность получаемых ими окладов... может с течением времени угрожать успеху собственно судебной службе» [1, с. 20]. Справедливости ради нужно отметить, что предпринимались попытки частичного удовлетворения наиболее настоятельных и вопиющих нужд судебного ведомства. Так, законами 13 мая 1896 г. [13. Собр. 3. Т. XVI. Отд. 1. Ст. 12931] и 18 января 1899 г. [13. Т. XIX. Отд. 1. Ст. 16361] было увеличено содержание всем членам окружных судов в Санкт-Петербурге и Москве на 600 руб., а в прочих местностях – на 500 руб. в год; законами 12 февраля 1901 г. [13. Т. XXI. Отд. 1. Ст. 19684], 10 июня 1902 г. [13. Т. XXII. Отд. 1. Ст. 21636] и 3 марта 1903 г. [13. Т. XXIII. Отд. 1. Ст. 22596] улучшено и упорядочено квартирное довольствие судебных следователей, усилено содержание некоторым мировым судьям. Однако опять же следует подчеркнуть, что указанные меры не носили систематического характера и скорее напоминали «латание дыр» и поэтому не

обеспечивали достойного материального положения должностных лиц судебного ведомства.

Еще одной сложной проблемой, которая являлась прямым следствием предыдущих, был низкий качественный состав самого судейского корпуса и других чинов судебного ведомства. Из-за сложных бытовых и материальных условий службы из его рядов «вымывались» наиболее достойные, и зачастую в судебное ведомство попадали люди неспособные, нерадивые, не обладающие надлежащими нравственными качествами. В 1882 г. А.Ф. Кони так охарактеризовал эту ситуацию: «... явились на смену *судебным деятелям* современные *судебные чиновники*, со смелостью незнания, без "вчерашнего дня" и с аппетитами исключительно карьеристического свойства» [6, с. 50].

Документы свидетельствуют об очень сложном положении, касающемся морального облика судей, прокуроров, судебных следователей рассматриваемого периода. Наряду с квалифицированными и нравственно безупречными судебными деятелями в ряды сотрудников учреждений юстиции, к сожалению, зачастую попадали лица, которые вели нетрезвый образ жизни [15. Оп. 538. Д. 17. Л. 1–5], обладали невысокими нравственными и профессиональными качествами [15. Оп. 538. Д. 28. Л. 1–2], не владели научными знаниями в области юриспруденции [15. Оп. 538. Д. 74. Л. 18], были преклонного возраста и с расстроенным здоровьем, что затрудняло выполнение ими профессиональных обязанностей [15. Оп. 538. Д. 60. Л. 2; Д. 72, Л. 2]. В отношении некоторых судей и вообще возбуждались уголовные дела [15. Оп. 538. Д. 11. Л. 1–9].

Особенно сложной эта проблема была на окраинах Российской империи, куда, по понятным причинам, было мало желающих ехать работать. Так, например, во всеподданнейшем отчете за 1892 г. о состоянии Эриванской губернии губернатор отмечал неудовлетворительное состояние следственной части. Данный факт он связывал с тем, что Министерство юстиции назначает в их край либо людей молодых, не имеющих практической подготовки и жизненного опыта, либо людей, имеющих опыт практической деятельности, но в чем-либо провинившихся во внутренних губерниях [15. Оп. 539. Д. 14. Л. 7]. Этим самым губернатор явно намекал, что в окраинные губернии империи назначения по Министерству юстиции производились по остаточному принципу, а зачастую и вовсе в качестве своеобразного наказания. А ведь работа в национальных окраинах империи требовала особой ответственности и дополнительного напряжения сил. Судебным чиновникам приходилось выполнять свои профессиональные обязанности в непривычной обстановке, среди народа или даже народов, с обычаями и менталитетом которых они были либо плохо знакомы, либо незнакомы вообще. Большой проблемой являлся также языковой барьер, судебным чинам не вла-

деющим местным языком, в период проведения следственных действий и на судебных заседаниях приходилось пользоваться услугами переводчиков, которые не всегда удовлетворительно выполняли свою работу. В этих условиях, напротив, требовались опытные следователи и судьи.

Такое сложное положение с кадровым составом Министерства юстиции и его социальным обеспечением требовало энергичных мер по его оздоровлению. Поэтому Министерство стало корректировать кадровую политику, а параллельно разрабатывать комплекс мер по коренному улучшению кадрового состава ведомства. Однако бросается в глаза, что как в проводимых мероприятиях, так и в планах по преобразованию судебной части акцент был сделан на усиление административных рычагов влияния на судебных деятелей.

Законом от 20 мая 1885 г. был установлен особый порядок удаления судей от должности. Соответствующие полномочия были вверены образованному в составе Правительствующего сената особому Высшему дисциплинарному присутствию. Этот же закон усилил и расширил власть министра юстиции по надзору за судебными установлениями. В частности, за министром юстиции было закреплено право требовать от чинов судебного ведомства предоставления ему нужных сведений, письменных объяснений, а в необходимых случаях – также и являться с личным докладом, делать судебским чиновникам напоминания и давать указания или, когда это необходимо, привлекать их к ответственности [13. Собр. 3. Т. V. Ст. 2959].

В 1889 г. была ликвидирована мировая юстиция, за исключением столиц и Одессы, и передано ведение ранее подсудных ей дел в руки местных административных органов – земским начальникам, а в городах – назначаемым городским судьям [13. Собр. 3. Т. IX. Ст. 6196].

Важным документом для понимания кадровой политики министерства является доклад министра юстиции Н.В. Муравьева императору Николаю II от 7 апреля 1894 г. с изложением программы деятельности министерства по преобразованию судебной части. После одобрения этого документа Николаем II при Министерстве юстиции была создана комиссия для пересмотра законоположений по судебной части, получившая свое название по фамилии министра юстиции: «Муравьевская комиссия». Особенно интересной представляется возможность сравнить черновик доклада и его утвержденную копию, которые находятся в Российском государственном историческом архиве. С черновиком доклада, после того как он был отпечатан и перед тем как предоставить его императору, работал министр Н.В. Муравьев, который вносил в него многочисленные правки от руки. Данное обстоятельство позволяет исследователю более точно понять ход мысли министра и его аргументацию.

В этом докладе, в частности, министр высказал мысли и по улучшению личного состава учреждений юстиции. Отдельно Н.В. Муравьев выделил меры административного свойства, которые должны были проявиться в повседневных заботах Министерства юстиции в «очищении и освежении» судебного персонала, поднятии его умственного и нравственного уровня, создания правильной системы замещения судебных должностей, поддержании надлежащей дисциплины, установлении бдительного надзора за деятельностью судов посредством отчетности, ревизии их делопроизводства, запросов по производящимся в них делам, живого общения с судебными деятелями [15. Оп. 539. Д. 217. Л. 23].

Среди наиболее важных законодательных мер Н.В. Муравьев выделил: во-первых, изменение действующих правил о судебной несменяемости, которые, по его мнению, не отвечали условиям государственного устройства России и не давали высшей судебной администрации достаточных средств к устранению из судейской среды недостойных деятелей; во-вторых, предполагалось изыскание средств улучшить с наименьшим обременением казны материальное положение судебных чиновников, в особенности судей окружных судов и судебных палат, которые получали крайне скудное содержание [15. Оп. 539. Д. 217. Л. 24]. Причем последнего пункта изначально не было в докладе, и его министр добавил от руки на полях.

Таким образом, при внимательном рассмотрении комплекса мер, предлагаемых Н.В. Муравьевым для улучшения личного состава судебных мест, выделяются мероприятия административного свойства – поддержание дисциплины, установление надзора, отстранение от должности, расширение власти министра и др. Проект Муравьева еще больше сужал независимость судебной власти, судьи должны были превратиться в чиновников, проводящих и исполняющих самодержавную волю монарха.

Особо нужно отметить желание комиссии Н.В. Муравьева нанести решающий удар по принципу несменяемости судей. Ведь еще в 1885 г. был принят закон, по которому судьи могли быть уволены Сенатом за «предосудительные поступки вне службы» и т. п. Но комиссия Н.В. Муравьева посчитала, что и при действии этого закона правительство лишено достаточно сильных средств к удалению из судебного ведомства недостойных деятелей. И было предложено и вовсе отменить судейскую несменяемость. Уже современники весьма критично относились к подобным мерам. Например, И.В. Михайловский* по этому поводу писал, «что надо совсем превратить судей

* Михайловский Иосиф-Стефан Викентьевич (1865–1920 гг.) – дореволюционный судебный деятель, ученый-юрист, педагог. С.Ю. Витте характеризовал И.В. Михайловского как одного из наиболее даровитых, просвещенных и полезных представителей мирового института Томской губернии [15, Оп. 538. Д. 74. Л. 155].

в чиновников и ввести строгую субординацию, тогда, несомненно, будут и сильные средства и порядок всегда будет немедленно восстановлен. Одного только не будет – суда» [15. Оп. 538. Д. 74. Л. 13].

А вот о мероприятиях, которые бы создали надлежащие условия для привлечения и удержания в органах юстиции профессиональных и нравственно безупречных судебных деятелей, в проекте министра почти ничего не говорится. В то время как требовалось улучшить материальное обеспечение судебных чинов (через периодические прибавки к жалованью, уменьшение срока, необходимого для выхода на пенсию и увеличение самой пенсии), поднять их общественное положение, значительно повысить требования, касающиеся научной и практической подготовки судебных деятелей и др.

Еще более странным представляется установка министра на улучшение материального содержания судебных деятелей «с наименьшим обременением казны». (Еще раз отметим характерную особенность, что этот пункт попал в доклад министра Н.В. Муравьева в самый последний момент, он его внес от руки, работая уже с готовым отпечатанным тестом). Интересно, что такой подход существовал еще в дореформенной России. Так, уже в 1860 г. Министерство юстиции вынуждено было не рассматривать ходатайства судебных мест об усилении денежных средств или увеличении их штатов за счет сумм Государственного казначейства. Причиной тому были Высочайшие повеления о воспреещении министерству обращаться с представлениями о сверхсметных расходах, а также постоянные отказы Министерства финансов в новых расходах [12, с. 55]. Кстати, именно по этому пути пошло министерство в пореформенный период: в 1885 г. была образована эмеритальная касса*, а в 1895 г. благотворительное общество судебного ведомства, которые представляли собой факультативные институты социальной защиты сотрудников юстиции, фонды которых формировались из внебюджетных средств. В этой связи хотелось бы отметить, что с современных позиций очень странно выглядит государство, которое

* Эмеритура (лат. *emeritus*) – в дореволюционной России денежное пособие, специальная пенсия, которая выдавалась участникам так называемых эмеритальных касс, существовавших при военных и некоторых гражданских учреждениях. Средства эмеритальной кассы Министерства юстиции формировались главным образом путем вычетов в 4 % со всех получаемых членами кассы довольствий (жалованье, в т.ч. и добавочное, столовые и квартирные деньги). Участие в эмеритальной кассе почти для всех сотрудников учреждений юстиции было обязательным. Из средств кассы ее участникам и членам их семей выплачивались особые пенсии, сверхпричитающейся из казны

экономит средства на организацию суда и материальное обеспечение судебных деятелей*.

Таким образом, составители Судебных уставов 1864 г. исходили из того, что одним из ключевых оснований судебного устройства является должное материальное обеспечение судебных деятелей, и в первые годы реформы этот принцип был последовательно воплощен в жизнь, что позволило привлечь в учреждения юстиции достойных и талантливых сотрудников. Однако в пореформенный период наблюдается стремительное падение уровня материальной обеспеченности судебных чинов и ухудшение условий их службы, что стало одной из главных причин деградации личного состава судебного ведомства. По сути, в кадровой политике Министерства юстиции рассматриваемого периода произошел откат к действительности дореформенной России.

Для организации стабильного, надежного, профессионального кадрового состава Министерства юстиции необходим был эффективный механизм социальной поддержки судебных чинов, направленный на обеспечение защиты прав служащих, способствующий достойному уровню жизни сотрудников и членов их семей как во время прохождения службы, так и после выхода в отставку. К сожалению, на фоне отдельных усилий, по сути, самодеятельного порядка эффективный механизм социальной защиты создан не был. Возникли лишь факультативные способы социальной поддержки в виде эмеритальной кассы и благотворительного общества судебного ведомства, которые могли лишь несколько смягчить в целом очень скромное материальное положение сотрудников учреждений юстиции.

Возникшие проблемы с качеством личного состава учреждений юстиции правительство стало решать не с помощью соответствующих мер социальной защиты (на которую не выделялись средства), а через административный нажим на судебные чины. Это во многом предопределило, что проблема качества кадрового состава Министерства юстиции в дореволюционной России, по существу, осталась не решенной.

Список литературы

1. Всеподданнейший доклад министра юстиции, статс-секретаря Муравьева о деятельности Министерства юстиции за истекшее десятилетие (1894–1904 гг.). – СПб., 1904.

2. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. – Т. 2. Центральные государственные учреждения. Министерство внутренних дел. Министерство юстиции. Министерство финансов. Министерство торговли и промышленности. Государственный контроль. – СПб., 2001.

* По этому поводу, пожалуй, лучше всех высказался известный английский мыслитель И. Бентам: «Дешевый суд дорого стоит народу».

3. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1983.
4. Ефремова Н.Н. Министерство юстиции Российской империи 1802–1917 гг. Историко-правовое исследование. – М., 1983.
5. Кони А.Ф. Новые меха и новое вино (Из истории первых дней судебной реформы) // Собр. соч.: в 8 т. – М., 1967. – Т. 4.
6. Кони А.Ф. Письма 1868–1927 гг. // Собр. соч.: в 8 т. – М., 1969. – Т. 8.
7. Министерство юстиции (1802–1902) // Журн. Мин-ва юстиции. – 1903. – № 2.
8. Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902 гг. Исторический очерк. – СПб., 1902.
9. Министерство юстиции за 200 лет (1802–2002 гг.). Историко-правовой очерк / Редкол.: В.А. Аболенцев и др.; науч. ред. М.М. Рассолов, С.А. Батова. – М., 2002.
10. Муравьев Н.В. Кандидаты на судебные должности. Вопросы судоустройства и судебной политики. – М., 1886.
11. Общий обзор деятельности Министерства юстиции и Правительствующего Сената за царствование императора Александра III. – СПб., 1901.
12. Отчет Министерства юстиции за 1860 год. – СПб., 1862.
13. Полное собрание законов Российской империи.
14. Пейсиков В. Как становятся судьями: зарубежный опыт и российская действительность. Ч. 1. – Франция // Новая юстиция. Журн. судебных прецедентов. – 2008. – № 1.
15. Российский государственный исторический архив. Ф. 1405.
16. Тарасова Л.А. Министерство юстиции России: организация, структура, функции (XIX в.). – М., 2002.
17. Щегловитов И.Г. Влияние иностранных законодательств на составление судебных уставов 20 ноября 1864 года. – Пг., 1915.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(47)"1920/1930":002.2

ББК 63.211(2-2СПб)6

*И. Г. Алексеева**

Адресно-справочные книги «Весь Петроград – Ленинград» за 1920–1930-е годы как исторический источник

В статье рассматриваются адресно-справочные книги по Петрограду – Ленинграду, вышедшие в 1920–1930 гг. Дается общая характеристика данных справочников: анализируется их содержание и возможность использования в качестве исторических источников. Автор прослеживает, как отражались изменения социально-бытовых, политических, идеологических и экономических условий эпохи на страницах адресно-справочных книг.

The article deals with the address books on Petrograd – Leningrad, published in 1920-1930. The general characterization of these directories is given: the author analyzes their contents and possibility of use as historical sources. The author traces, how changing of social and domestic, political, ideological and economic conditions of the era were reflected in the pages of reference books.

Ключевые слова: Советская Россия, Петроград, Ленинград, исторический источник, справочник, указатель, адресно-справочные книги, достопримечательности, промышленность, транспорт, население.

Key words: Soviet Russia, Petrograd, Leningrad, historical source, reference-book, index, address books, sights, industry, transport, population.

Среди всего разнообразия информационных потоков, ориентирующих людей в окружающей действительности, помогающих взаимодействовать с другими гражданами, социальными институтами и органами государственной власти, адресно-справочные книги выступают источником ценных сведений, обобщенных, структурированных, подобранных и выстроенных в соответствии с принятой методологической концепцией, сложившейся в системе общественных отношений в конкретный временной отрезок. В этом заключается непреходящее практическое и историческое значение адресно-справочной литературы, которая равно актуальна как в начале XX в., так и в наши дни.

В данной статье предпринята попытка выяснить эволюцию адресно-справочных книг «Весь Петроград – Ленинград» в 1920–

* **Алексеева Ирина Геннадьевна**, аспирант кафедры исторического регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет

1930 гг. как наиболее доступного, объективного, стремящегося к полноте и всеохватности канала актуальной информации, характеризующего своими структурно-содержательными чертами чрезвычайно сложный и противоречивый период в истории России. Причины и закономерности трансформации справочников были обусловлены изменениями в общественно-политической жизни, они отражают те резкие повороты во внутренней политике, господствующей идеологии, режиме свободы слова, которые были присущи 1920-30 гг.

Адресно-справочные книги и путеводители 1920–30-х гг. служили средством удовлетворения информационных потребностей городского населения и иногородних приезжих. В них можно было почерпнуть множество данных самого разного характера: положение с жилищным фондом, описание промышленных предприятий города и учебных заведений, материалы по культурной жизни Петрограда-Ленинграда и т. д.

В 1920 и 1930-е гг. вышло всего 15 адресно-справочных книг: две книги «Весь Петроград» за 1922–1923 гг.; 12 книг «Весь Ленинград» за 1924–1935 гг.; одна книга «Ленинград» за 1939 г.

Первой в этом ряду стоит издание «Весь Петроград» за 1922 г., когда выпуск издававшегося до революции справочника был возобновлен после Гражданской войны. В период с 1918 по 1921 г. вследствие политических событий (насильственное укрепление новой власти, военные действия в окрестностях города), тяжелой и своеобразной экономической ситуации (политика военного коммунизма, голод, государственная монополия на торговлю и рекламу) и ряда других, частных причин (нехватка бумаги и т. д.) такой информационный продукт не привлекал издателей, поскольку не находил спроса среди горожан.

Ситуация изменилась с введением новой экономической политики, когда после отмены государственной монополии на торговлю, определенной либерализации общественной жизни и стабилизации в сфере производства и потребления наступил период не только промышленного, но и духовного подъема страны. Общие процессы затронули и область издательств, отразились на количественном росте (появление частных и кооперативных издательских фирм) и вызвали качественные изменения, отражавшие появившиеся (или возродившиеся) увлечения, запросы и потребности городской аудитории.

В 1922 г. издательство «Петроград», находившееся по адресу Литейный пр., 51 и «организованное группой ученых и литераторов», начало свою деятельность «с выпуска справочника "Весь Петроград"» [1, с. 332]. Приступая к работе, издательство отмечало такие трудности, как, например, отсутствие телефонного сообще-

ния, что «крайне затрудняет выпуск такого рода справочного издания» [14, с. 215–216]. Но тем не менее «необходимость справочника, содержащего различные сведения, на поиски которых нередко затрачиваются целые часы и дни, ясна для всякого» [14, с. 213–214], и книга вышла тиражом 8000 экземпляров.

Во вступительной статье говорилось, что данный справочник предназначается «прежде всего постоянному жителю Петрограда» [14, с. 213–214], чтобы тот мог «узнать, где помещается то или иное учреждение, кто стоит во главе его, как получить то или иное удостоверение, где находится ближайшая аптека, где проживает ближайший врач, как получить разрешение на открытие магазина, как зарегистрировать вновь возникшее кооперативное товарищество или кустарную мастерскую, каковы нормы тарифов в связи с новой экономической политикой и т. п.» [14, с. 213–214]. Справочник должен был помочь и «приезжему, которому нужно отыскать то или иное правительственное, промышленное или торговое учреждение, вообще ориентироваться в незнакомом ему городе» [14, с. 213–214]. Также обращалось внимание на необходимость справочника для любой организации, которой «приходится обращаться по различным делам в другие учреждения, и потому нужно знать, где отыскать нужное лицо, когда оно принимает по делам службы и т. п.» [14, с. 213–214].

Задача справочника определялась во вступительной статье от издательства и состояла в том, «чтобы дать каждому возможность быстро и легко найти необходимую ему справку, не тратя времени на поиски и не обращаясь в многочисленные учреждения, которые к тому же не всегда могут дать эту справку и вынуждены отсылать из одного места в другое» [14, с. 213–214].

Справочник содержал следующие разделы: объявления; от издательства; Петроград в цифрах; Смольный; Высшее административное учреждение; Военно-морские учреждения; районные учреждения; статистические учреждения; финансы, промышленность, торговля; консульства и иностранные представительства; Профессиональные организации; кустарная промышленность; кооперация потребительская; суд; медицинский указатель; культурно-просветительные учреждения; коммунальные учреждения и предприятия; печать; акты гражданского состояния; улицы и районы; почта, телеграф, телефон; железные дороги; транспортные учреждения; коннозаводство и спорт; учреждения, не вошедшие в предыдущие отделы; алфавитные указатели. Отдел «Петроград в цифрах» содержал краткий историко-статистический очерк о населении и промышленности Петрограда.

В книге имелся также табель-календарь на 1922 г. с указанием нерабочих и праздничных дней, что отсутствовало в последующих

справочниках «Весь Петроград» и «Весь Ленинград». Календарь этот является любопытным документом, ярко иллюстрирующим противоречивый и неоднозначный период нэпа. В нем соседствуют церковные и революционные праздники: Рождество, Крещение и Кровавое воскресенье; Благовещение, Пасха, Троица, Духов день, Преображение, Успение и Низвержение самодержавия, День Парижской коммуны, День пролетарской революции [14, с. 209–210]. В переходный период начала 1920-х гг. еще были актуальны прежние традиции дореволюционной России, и сохранение церковных праздников сосуществовало с расчленением церкви (на «обновленцев» и остальных служителей церкви), изъятием церковных ценностей и инспирированием процессов над служителями церкви. Только осенью 1922 г. Секретариатом ЦК РКП(б) был рассмотрен вопрос о создании комиссии по антирелигиозной пропаганде, а основные формы антирелигиозной работы сложились к 1923 г. Возможно поэтому в справочнике за 1922 г. календарь с указанием церковных праздников еще присутствует, а с 1923 г. он исчезает из справочных изданий.

Справочник «Весь Петроград» за 1922 г. состоял из двух частей. Вторая часть вышла намного меньшим тиражом – всего 2000 экземпляров. Видимо, редакция считала основной первую часть, которая и являлась, собственно, адресно-справочной книгой. А во второй части содержался адресный указатель и новые декреты и постановления, вышедшие за годы советской власти: Об имущественных правах граждан; Об адвокатуре и прокуратуре; О торговле; О домах, квартирах, мебели; О благоустройстве и общественной безопасности и др. [15].

Первая часть справочника включала 482 страницы, из них 164 (34 %) были отведены под рекламные объявления. Во второй же части из 240 страниц 72 страницы объявлений (30 % объема книги). Большое количество рекламы соответствует данному периоду, в этом можно увидеть отражение нэпа с его свободой частного предпринимательства.

Таким образом, рассмотрев всего один справочник, можно увидеть, как на его страницах отражается год окончания политики военного коммунизма и начала нэпа. Дальнейший выход справочника «Весь Петроград», а затем и «Весь Ленинград» связан уже с другим издательством – «Отдела Управления Петрогубисполкома», Пр. 25 Октября, 42» [16, с. А]. По всей видимости, советская власть, стремящаяся контролировать все сферы общественной жизни и, конечно, издательскую деятельность, решила не отдавать рынок справочной литературы частным и кооперативным издательствам. С этого времени адресно-справочные книги «Весь Петроград» выходят уже «в официальном издании» [10, с. А].

Справочник 1923 г. сильно изменился, начиная с формата и объема и заканчивая содержанием. Это еще раз подтверждает предположение, что особенности справочника «Весь Петроград» за 1922 г. являются следствием того переходного периода, когда частные издатели, взявшиеся за его выпуск, еще не отошли от традиций и канонов дореволюционных адресно-справочных книг. Интересно отметить, что в книге «Весь Петроград» за 1923 г. предыдущий справочник за 1922 г. даже не упоминается, и сама книга на 1923 г. в своем предисловии сравнивается именно с дореволюционными справочниками, создавая впечатление, что она издается впервые после революции и появилась на пустом месте.

Справочник «Весь Петроград» за 1923 г. стал больше предыдущего и по своему формату, и по объему – 1242 страницы вместо 722. Причем объявлений в процентном отношении стало меньше – 18 % (227 стр.). Можно констатировать, что количество информации в справочнике увеличилось, а характер ее представления стал более официальным и идеологически выдержанным. Тем обстоятельством, что справочник был выпущен государственным, а не частным издательством, объясняется, возможно, уменьшение объема рекламы. Зато «значительное внимание и место» уделяется отделу «Промышленность и торговля» «ввиду особого его значения» [16, с. А]. Тут можно вспомнить, что сам большевистский вождь В.И. Ленин считал печать важным орудием экономического воспитания масс, предлагал обосновывать с ее помощью основы и преимущества планового хозяйства.

Перед книгой «Весь Петроград» на 1923 г. стояла задача «дать населению возможно полный и точный справочник, представляющий картину современного Петрограда» [16, с. А]. Поставленной задаче соответствовала структура книги: справочник был разбит на 11 отделов, в которых систематизировались различные сведения о городе. Отделы эти сильно отличались друг от друга по объему, исходя из чего, можно судить о расстановке приоритетов. Первый отдел назывался «Петроград в 1922 году», и в нем приводились сведения о населении, санитарном состоянии Петрограда, торговле, промышленности – все это на 32 страницах. Следующий, самый крупный (114 стр.) отдел – «Советские учреждения», где указывались сведения о Советах депутатов (рабочих, крестьянских), Исполкоме, Учреждениях по иностранным делам, военных и военноморских учреждениях, финансах, земледелии, народном образовании, здравоохранении, юстиции, коммунальном хозяйстве, почте, телеграфе, телефоне, статистике и страховании и т. д. В третий по оглавлению и второй по величине (88 стр.) отдел «Промышленность и торговля» были включены торговый порт, таможня, кредитные учреждения, тресты, синдикаты, объединения, промышленные и тор-

говые предприятия. Небольшой отдел «Транспорт» содержал сведения о железнодорожном транспорте, трамвайных парках, автомобильных вокзалах и т. д. Следующий, еще меньший, отдел «Печать» рассказывал об издательствах, периодических изданиях. Шестой отдел «Театры и зрелища» занимал в справочнике всего пять страниц. В седьмой отдел «Общественные организации» были включены партийные организации, профессиональные союзы, кооперативные и спортивные объединения. Восьмой отдел – «Указатель лиц наиболее необходимых населению профессий» – включал информацию о врачах и защитниках по уголовным и гражданским делам. Любопытно, что начиная с 1924 г. к этому списку прибавились еще и маклеры Ленинградской биржи. Скорее всего, это также было отражением эпохи нэпа, ведь содержание справочника должно было отвечать запросам населения, начинавшего проявлять коммерческую и предпринимательскую активность.

В девятом отделе описывались «Достопримечательности Петрограда, имеющие архитектурно-художественное значение». В предисловии было сказано, что «достопримечательности Петрограда составляют его духовную ценность, его красоту, и они должны найти себе место в общей картине города» [16, с. А]. Впрочем, место это не такое уж и большое – семь страниц. В описании памятники делились на две группы: «А) Сооружения монументальные: 1) гражданские сооружения, 2) сооружения религиозного культа и Б) Памятники скульптурно-архитектурные, декоративного значения» [16, с. 284]. Десятый отдел давал «наиболее необходимые населению сведения правового характера». Как было сказано в предисловии, «последние два отдела отсутствовали в прежних дореволюционных справочниках» [16, с. 284]. Имеются в виду достопримечательности и сведения правового характера, причем если отдел достопримечательностей с 1923 г. прочно утвердился на страницах справочников, то правовой отдел больше на них не появлялся. Это исчезновение, возможно, связано с принятием в 1924 г. Конституции СССР. До этого момента в связи с переменами в государственном устройстве и приходом к власти нового правительства справочная информация правового характера действительно была необходима населению.

Наконец, в одиннадцатом отделе «Улицы и площади» содержались сведения о переименованных улицах и площадях Петрограда, о принадлежности улиц к районам города, данные по отделениям милиции и нарсуда с указанием их местонахождения на плане Петрограда, приложенного к книге. Также подчеркивалось, что «в соответствии с последним районированием Петрограда, "Весь Петроград" дает особо все необходимые сведения о границах, ули-

цах, административном и культурно-просветительном аппарате каждого района» [16, с. А].

Кроме этих сведений, прилагались данные о специалистах по профессиям и обширный указатель жителей Петрограда. В данном случае не обошлось без идеологической составляющей: «В дореволюционных справочниках в этот указатель попадало лишь привилегированное население (квартиронаниматели). Рабоче-крестьянская власть, выпуская справочник, впервые включила в него на основании материалов Центрального адресного бюро и квалифицированное рабочее население Петрограда» [16, с. А].

В предисловии подчеркивалось, что справочник по своей значимости «должен быть составлен так, чтобы в нем легко было найти все необходимые справки и сведения» [16, с. А]. Видимо, издатели посчитали, что структура справочника, выбранная в первый год его выпуска (в «Издании Отдела Управления Петрогубисполкома») наиболее соответствует данной цели, потому что в последующие годы структура книги менялась мало.

Из справочника «Весь Ленинград» за 1924 г. мы узнаем о востребованности издания: «Широкое распространение книги выпуска 1923 г. в Петрограде и спрос, предъявленный на нее в крупных центрах С.С.С.Р. и за границей, показали, насколько сильно ощущалась потребность в справочнике подобного типа» [10, с. А]. И справочник продолжал выходить, сохраняя прежние отделы, но в усовершенствованном виде.

В 1924 г. справочник «Весь Ленинград» был издан тем же, но переименованным органом: «Организационным Отделом Ленинградского Губисполкома». Это издательство выпустило и справочники «Весь Ленинград» на 1925, 1926 и 1927 гг.

В предисловии к справочнику «Весь Ленинград» на 1924 г. говорилось: «Распределение информационного материала по отделам выпуска книги на 1924 г. подверглось незначительным изменениям, но самые отделы переработаны, дополнены и обновлены текущими данными» [10, с. А]. При этом названия отделов и порядок их расположения остались прежними. В данном издании указатель жителей Ленинграда подвергся переработке: «Указатель жителей составлен на основании полученного редакцией материала от всякого рода организаций (совучреждений, профсоюзов, кооперативных, общественных и торгово-промышленных учреждений), домоуправлений и сообщений отдельных лиц о себе» [10, с. А].

В 1924 г. объем справочника несколько уменьшился – 922 страницы вместо 1242. Уменьшилось также, хотя и незначительно, количество объявлений – 145 страниц, или 16 %.

В 1925 г. все отделы книги были «переработаны, дополнены и обновлены текущими данными» [11, с. А]. Особо отмечалось, что

отдел «Художественно-исторические достопримечательности Ленинграда» «коренным образом переработан проф. В.Я. Курбатовым» [11, с. А]. Заключалась эта переработка в том, что вместо краткого вступительного слова была помещена развернутая статья, в которой приводилась периодизация строительства и искусства Ленинграда: «Строительство и искусство Ленинграда распадается на эпохи: 1) земцовскую от 1716 по 1742 г., 2) растрелиевскую от 1742 по 1766 г., 3) фельтено-баженовскую с 1766 по 1782 г., гваренгиеву* с 1782 по 1803 г., 5) захарово-воронихинскую с 1803 по 1818 г., 6) эпоху Росси с 1818 по 1835 г., 7) эпоху Штакеншнейдера и Брюллова с 1835 по 1860 г., 8) эпоху мещанского упадка 1860–1900 г., 9) эпоху националистических стремлений 1900–1918 г. и 10) эпоху послереволюционную» [11, с. 237]. На данном примере можно наблюдать, как постепенно усиливалась идеологическая выдержанность справочника – из носителя нейтрально-информационной функции он все больше превращался в элемент общей системы советской пропаганды и агитации, используемый властью при утверждении нового образа жизни, пересмотре истории, переоценке культурного наследия и т. д. При этом справочник 1925 г. сохранил свой объем приблизительно таким же, как и в предыдущий год (1082 стр.), однако число объявлений значительно уменьшилось – теперь оно составляло 10,5 % (114 страниц из 1082).

Адресная и справочная книга «Весь Ленинград» на 1926 г., вышедшая тиражом 10000 экз., состояла из двух частей, объединенных в одном переплете. Первая часть включала 11 отделов: к 10 описанным выше добавился новый отдел «Кредитные учреждения» [12, с. XIa]. Во второй части приводился алфавитный указатель жителей Ленинграда, их адресов, телефонов и занятий. В этом справочнике отсутствовало оглавление, и отделы были обозначены в тексте, а названия их перечислены в предисловии.

Справочник «Весь Ленинград» на 1927 г. не сильно отличался от своего предшественника, за исключением того, что «VIII отдел книги дает не только очерк художественно-исторических достопримечательностей г. Ленинграда, но и сведения об историко-революционном значении многих из них» [13, с. VII-a]. Это еще раз подтверждает тезис о нарастающем идеологическом давлении. Все больше внимания уделялось истории революционного движения, появилось больше указаний на памятники деятелям революции, очевиден нарастающий процесс появления новых памятников.

Справочник отражает постепенное сворачивание нэпа, которое началось со второй половины 1920-х гг. Об этом говорит резкое со-

* Орфография справочника оставлена без изменений

кращение количества объявлений на страницах адресно-справочной книги за 1927 г. – всего 60 страниц объявлений из 1138 – это около 5%, взамен прежних 30, 18, 15, 10 %. Налицо неуклонное уменьшение числа рекламных объявлений.

В 1928 г. справочник «Весь Ленинград и Ленинградская область» вышел как «Издание Отдела Ленинградского Областного Исполкома и Ленинградского Совета», причем адрес конторы остался прежним: пр. 25 Октября, 42. Поэтому можно предположить, что издательство было еще раз переименовано. Здесь же в последующие годы выходили справочники «Весь Ленинград и Ленинградская область» и «Весь Ленинград».

С 1928 г. в связи с образованием Ленинградской области и обращением Ленинграда в областной центр была реорганизована адресная и справочная книга «Весь Ленинград». Редакция отмечала: «В основу этой реорганизации положена задача дать справочный материал не только по Ленинграду как областному и окружному центру, но и по всем другим окружным городам области. В связи с этим означенная справочная книга вышла в свет под названием "Весь Ленинград и Ленинградская область" в двух частях» [7, с. IXа] тиражом 10000 экз. В первой части данного справочника был приведен подробный статистический обзор Ленинграда за прошедшие 10 лет советской власти. Количество объявлений продолжало уменьшаться – в 1928 г. они занимали всего 4,5 % в тексте справочника.

Адресно-справочная книга «Весь Ленинград и Ленинградская область» на 1928 г. информировала о том, что «За последние годы сооружен ряд новых памятников и восстановлено несколько старых сооружений. К новым памятникам относятся памятники Ленину у Финляндского вокзала, где от памятника проложена новая улица, и в саду у Смольного, поставлен памятник Плеханову у Технологического института, Володарскому – на месте его убийства, Лассалю – у здания б. Городской Думы» [7, с. 9.]. Памятники деятелям революционного движения и сочувствующим ему – это символы новой власти, носители ценностей, идеалов, способ пропаганды. Понятно, что именно им, а не старым памятникам, доставшимся от царской России, уделяли главное внимание советские справочники и путеводители.

В 1929 г. тираж справочника «Весь Ленинград и Ленинградская область» сократился вдвое: 5000 экз., зато «ввиду расширения справочного материала книга вышла в увеличенном против прежних выпусков объеме» [8, с. XI-а]. Объем этот составил 1404 стр. в первой части «Весь Ленинград». 90 стр., или 6,4 % места, справочника отведены под рекламные объявления. Отделы книги остались без изменений, только, как и предыдущих справочниках, были «переработаны и дополнены» [8, с. XI-а].

1930 г. вновь был ознаменован трудностями, связанными с выпуском справочника, как и в первый год его возобновления. Но сейчас на это были другие причины. Вот что говорилось в статье «От редакции»: «Выпуск книги «Весь Ленинград и Ленинградская область» на 1930 г. представлял исключительные затруднения вследствие происшедшей в последние месяцы реорганизации многих ленинградских учреждений и предприятий» [9, с. XIII-а]. Именно в это время сворачивается частное предпринимательство и частная инициатива, уменьшается их роль в жизни общества, что связано с постепенным отходом советского правительства от новой экономической политики. Тираж справочника не изменился с прошлого года. Можно отметить, что в справочнике за 1930 г. в отделе статистических сведений о Ленинграде присутствовал материал только о населении Ленинграда. Отдел, в котором описывались достопримечательности Ленинграда, был дополнен новым разделом: «Здания Ленинграда, имеющие историческое значение», который подразделялся на «Здания города Ленинграда, в которых жил Ленин» и «Здания Ленинграда, на которых укреплены памятные доски в память проживавших в них выдающихся людей».

С 1931 г. справочники «Весь Ленинград» и «Ленинградская область» выходили уже не одной книгой, а как два разных издания: «"Весь Ленинград" на 1931 г. выходит без второй части "Ленинградская область"». Справочник по районам Ленинградской области был выпущен нашим издательством в ноябре 1930 г. отдельным изданием и впредь будет регулярно каждый год выпускаться независимо от срока выхода книги "Весь Ленинград"» [2, с. VIIa]. Это не единственная перемена, которой подвергся справочник. В изданной в 1931 г. справочной книге «Весь Ленинград» были произведены «некоторые изменения и дополнения, как в содержании ее, так и в группировке материала» [2, с. VIIa]. При том, что отделы книги остались прежними, они были «не только заново переработаны на основании поступивших за последнее время в редакцию материалов, но и дополнены необходимыми данными (в отд. II, V, VI). Сделаны также изменения против прошлого года в расположении материала» [2, с. VIIa]. Надо отметить, что отдел II – это «Советские учреждения Ленинграда», отдел V – «Печать», и отдел VI – «Общественные организации». Дополнения, сделанные именно в этих отделах, говорят о том, что продолжился начавшийся в прошлом году процесс реорганизации многих учреждений в Ленинграде. Эту мысль подтверждает следующая пометка в предисловии к справочнику: «...выпуск книги совпал с реорганизацией некоторых учреждений...» [2, с. VIIa]. Изменения в системе госучреждений в 1930-е гг. ознаменовали складывание основ тоталитарного строя. Соответственно, ощущалось уже и давление идеологии.

В отделе «г. Ленинград» были помещены «сведения не только о населении города, как в прошлом году, но и ряд других сведений (климат, почва, территория, промышленность, грузооборот, здравоохранение, народное образование, коммунальное хозяйство, жилищное дело)» [2, с. VIIa]. Появление статистических данных свидетельствует о продолжении поиска оптимального облика и структуры справочника, а также о стабилизации большинства областей общественной жизни города. В отделе «Достопримечательности Ленинграда» была размещена статья, где анализировалась эволюция форм архитектуры Ленинграда под воздействием социально-экономических факторов, там же были приведены сведения о зданиях, связанных с историей революционного движения, акцент на которые увеличивался с каждым годом. В примечании к статье говорилось: «Настоящий очерк представляет попытку рассмотрения эволюции форм архитектуры г. Ленинграда в разрезе развития социально-экономических отношений» [2, с. 247]. Кроме того, скульптурно-архитектурные памятники с этого года подразделялись на «Памятники Революции» и «Памятники Дореволюционные».

В 1932 г. выход справочной книги «Весь Ленинград» запоздал, о чем сообщалось в предисловии. Связано это было с необходимостью «включить в справочный материал данные об изменениях, происшедших в связи с выделением Ленинграда в самостоятельную административно-хозяйственную единицу» [3, с. III]. Справочник 1932 г. довольно сильно отличался от своих предшественников. Во-первых, «X отдел книги о квартирных адресах и специальности врачей реорганизован, согласно указаний представителей общественности» [3, с. III.]. Во-вторых, отдел о промышленности Ленинграда был передвинут на одно из первых мест, что не удивительно, так как уже был взят курс на индустриализацию страны, и промышленности уделялось огромное внимание. В-третьих, «приведены подробные сведения о структуре и целевой установке ВУЗ'ов» [3, с. III]. При этом сами отделы остались прежними. Объем книги сократился до 772 страниц. Редакция, выпускавшая справочник, стремилась к этому и предприняла некоторые шаги с целью сокращения его объема. Для этого отдельно был выпущен адресный «Указатель жителей гор. Ленинграда» [3, с. III] и «ограничен поименный справочный материал о служебном персонале организаций» [3, с. III]. Интересно, что в данной справочной книге, несмотря на малый, по сравнению с ее предшественницами, объем, количество страниц с объявлениями увеличилось до 18 %. Скорее всего, это было связано с тем, что отдельно был выпущен адресный указатель жителей, в котором, как правило, объявлений не бывает. Следовательно, к 772 страницам справочника нужно добавить еще примерно 600 страниц, так как именно столько занимает обычно указатель жителей в справочной

книге. Тогда доля объявлений сразу уменьшится почти в два раза. И, наконец, «для облегчения пользования книгой по ее отделам последние отделены друг от друга папочными прокладками с обозначением отдела и краткого его содержания» [3, с. III]. Таким образом, справочная книга «Весь Ленинград» за 1932 г. была одновременно и похожа, и не похожа на предыдущие справочники. Несмотря на все новшества, тираж справочника продолжал снижаться. Если в 1931 г. он составил 5000 экз., то в 1932 г. и в последующие годы это количество уменьшилось до 4000 экз. И только в 1939 г. справочная книга «Ленинград» была выпущена тиражом 10000 экз.

В 1933 г. произошла «коренная перестройка многих ленинградских учреждений и организаций» [4, с. III], которая «чрезвычайно усложнила работу по редактированию XI издания книги "Весь Ленинград" и задержала выход его в свет» [4, с. III]. В книге отразились «не только произведенная в первой половине года реорганизация системы управления городским хозяйством, но и последние изменения в структуре ряда крупнейших органов – Управлений жел. дор. ЛСПО, Севзапсоюза и др.» [4, с. III]. В справочник вновь был введен адресный указатель жителей Ленинграда «в соответствии с многочисленными пожеланиями» [4, с. III]. Кроме того, увеличилось количество отделов. Появились такие отделы, как «партийные и профессиональные организации»; «городское хозяйство»; «сельскохозяйственные учреждения и организации»; «научные, учебные и политико-просветительные учреждения»; «здравоохранение». В предисловии подчеркивалось, что «весь материал наново переработан, при чем* в основу его распределения по отделам положен не ведомственный, а отраслевой принцип» [4, с. III]. В отделе «Достопримечательности г. Ленинграда» отсутствовала вступительная статья, как в предыдущих справочниках. Возможно, это объясняется тем, что авторы просто не решались писать в этом сложном жанре. Сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)» еще не был издан, единственно правильные трактовки исторических событий не были сформулированы, и ориентироваться было не на что, а рисковать и предлагать свои было бы неосторожно.

Кроме того, вместо подраздела «Здания Ленинграда, имеющие историческое значение», появился «Здания Ленинграда, имеющие историко-революционное значение». В этом подразделе «приводится 100 адресов, связанных с наиболее значительными событиями русской революции или с именами виднейших революционеров» [4, с. 465].

Несколько изменился справочник к 1934 г. Например, «в Отдел XIII "Проезды г. Ленинграда" впервые в данном издании внесены

* Сохранена орфография источника

подъездные пути к улицам города (указаны №№ трамваев и автобусов)» [5, с. III]. Достопримечательности города перечислены с кратким описанием их, но так же, как и в предыдущем справочнике, без вступительной статьи. Среди «зданий Ленинграда, имеющих историко-революционное значение», появились «Квартиры И.В. Сталина».

«Издание книги "Весь Ленинград" на 1935 год в структурном отношении построено на тех же принципах, что и издание 1934 г., т. е. сохранено то же количество отделов и порядок их размещения в книге» [6, с. V]. В первом отделе дан краткий исторический очерк от основания города. Особое внимание было уделено периоду после 1917 г. Отдел «Достопримечательности г. Ленинграда» не сильно изменился, но появилось следующее примечание: «перечень приводимых в этом отделе старинных сооружений и памятников составлен в соответствии со списком памятников, состоящих в ведении Бюро охраны и популяризации памятников революции и культуры» [6, с. 497].

С 1939 г., после трехлетнего перерыва, взамен книги «Весь Ленинград» начала выходить адресно-справочная книга «Ленинград». Ее выпускало «Газетно-журнальное и книжное издательство Ленинградского Совета РК и КД». Как говорилось в предисловии к справочнику, «структура книги несколько изменена: выделены в самостоятельные главы предприятия бытового обслуживания, предприятия общественного питания; введен новый отдел «Домовые хозяйства» [18, с. 3а]. Сократился объем книги (760 стр.), но при этом увеличилось количество отделов – теперь их стало 29. Увеличение количества отделов в книге произошло за счет дробления крупных отделов на более мелкие и выделения их в отдельные главы. В статье «От Издательства» приводились сведения, что «книга составлена на основе анкетных сведений, собранных во второй половине 1938 г., частично – в январе 1939 г.» [18, с. 3а]. Впервые были указаны фамилии людей, принимавших участие в составлении книги: «Н.В. Бондаренко, П.М. Быков, С.М. Гальнер и К.Э. Инзельберг» [18, с. 3а]. При этом были указаны главы книги, над которыми работал каждый из составителей. Коренным образом был переработан отдел «Достопримечательности Ленинграда».

В справочнике «Ленинград» за 1939 г. достопримечательности Ленинграда представлены в следующем порядке: «памятники и мемориальные доски, посвященные В.И. Ленину; памятники и мемориальные доски, посвященные революционным деятелям и революционным событиям; памятники деятелям науки и искусства; памятники, имеющие историческое и художественное значение; здания периода социалистического строительства; мосты; сады и парки; памятные места, связанные с жизнью выдающихся русских писателей, ученых, композиторов, артистов; памятники на кладбищах» [18, с. 503].

В 1939 г. история уже целиком пересмотрена и переписана. Ленин возводится чуть ли не в ранг святого: он был непогрешим, все знал, все предвидел, по его заветам предстояло жить. Так было легче претворять в жизнь культ личности Сталина, который выступал продолжателем дела и верным учеником Ленина. Понятно, что главное внимание уделялось именно ленинским местам. Это уже часть строительства целой и четко направленной идеологии.

Адресно-справочные книги «Весь Ленинград» как наиболее фундаментальные из справочных изданий часто были, как заметил А.Ю. Давыдов [17], основой для составления других путеводителей. На страницах адресно-справочных книг нашли отражение обстановка в городе на тот или иной момент времени, идеологические изменения и т.д. По справочникам и путеводителям хорошо прослеживается начало, расцвет и постепенное сворачивание новой экономической политики. Об этом можно судить, в частности, по количеству рекламных объявлений на страницах справочников, которые в начале 1920-х гг. составляли значительную долю общего объема, а ближе к концу 1920-х и в 1930-х гг. начали постепенно сокращаться.

На основании исследования, проведенного в работе, можно заключить, что адресно-справочные книги являются ценным источником по истории Петрограда–Ленинграда, так как в них собраны комплексные и разноплановые сведения о городе, всесторонне отражающие общую картину советской эпохи в 1920–1930-е гг.

Список литературы

1. Баренбаум И. Е., Костылева Н. А. Книжный Петербург – Ленинград. – Л., 1986.
2. Весь Ленинград. Адресная и справочная книга на 1931 год. – Л., 1931.
3. Весь Ленинград. Адресная и справочная книга. 1932. – Л., 1932.
4. Весь Ленинград. Адресная и справочная книга. 1933. – Л., 1933.
5. Весь Ленинград. Адресная и справочная книга. 1934. – Л., 1934.
6. Весь Ленинград. Адресная и справочная книга. 1935. – Л., 1935.
7. Весь Ленинград и Ленинградская область на 1928 год. Адресная и справочная книга. – Ч. 1. Весь Ленинград. – Л., 1928.
8. Весь Ленинград и Ленинградская область на 1929 год. Адресная и справочная книга. – Ч. 1. Весь Ленинград. – Л., 1929.
9. Весь Ленинград и Ленинградская область на 1930 год. Адресная и справочная книга. – Ч. 1. Весь Ленинград. – Л., 1930.
10. Весь Ленинград на 1924 г. Адресная и справочная книга г. Ленинграда. – Л., 1924.
11. Весь Ленинград на 1925 г. Адресная и справочная книга г. Ленинграда. – Л., 1925.
12. Весь Ленинград на 1926 год. Адресная и Справочная книга г. Ленинграда. – Л., 1926.
13. Весь Ленинград на 1927 год. Адресная и справочная книга г. Ленинграда. – Л., 1927.

14. Весь Петроград. 1922 / под ред. А. И. Гессена и Я. В. Лившица. – Пг., 1922.
15. Весь Петроград. 1922. – Ч. 2. Адресный указатель. Новые декреты и постановления. – Пг., 1922.
16. Весь Петроград на 1923 г. Адресная и справочная книга г. Петрограда. – Пг., 1923.
17. *Давыдов А. Ю.* О путеводителях как источнике по истории культурной жизни Ленинграда // Вспомогательные исторические дисциплины. – XXIV. – СПб., 1993. – С. 126–137.
18. Ленинград. Адресно-справочная книга. 1939. – Л., 1939.

УДК 94(47)"1921/1925"
ББК 63.211(2-2СПб)6

О. О. Зайцева*

Источники для изучения истории трудовых конфликтов в Советской России в 1921–1925 гг. (на материалах Петрограда, Ленинграда)

В статье анализируются источники для изучения истории трудовых конфликтов в Советской России в 1921–1925 гг. на материалах Петрограда, Ленинграда. Это – статистические источники, воспоминания участников конфликтов, периодическая печать. Автора интересуют причины, время, место и развитие трудовых конфликтов.

This article analyses the sources to study the history of labor conflicts in Soviet Russia in 1921-1925 based on the documental materials of Petrograd and Leningrad of Petrograd factory. It is statistical data, memoirs of conflict participants, press. The author is interested in origin, time, place and development of labor conflicts.

Ключевые слова: заработная плата, рабочие, завод, трудовые конфликты, требовать, беспорядки, источники.

Key words: Wage, workers, factory, labor conflicts, to claim, unrest, sources.

Проблема возникновения и разрешения трудовых конфликтов является одной из актуальных в историографии рабочего движения XX в. Анализ данного феномена общественных отношений предполагает обращение не только к истории, но и к психологии, социологии, праву.

Долгое время данная проблема не изучалась исследователями, и этот факт был обусловлен множеством причин. Одна из них заключается в том, что существенная часть источников, затрагиваю-

* **Зайцева Оксана Олеговна**, слушательница, Европейский университет в Санкт-Петербурге, аспирант, Санкт-Петербургский институт истории РАН

щих проблему трудовых конфликтов, находилась в партийных архивах и не была доступна большинству исследователей для всестороннего изучения и анализа. В опубликованных источниках во многих деталях затрагивался процесс развития промышленности в период осуществления новой экономической политики, но из таких сборников составителями нередко исключались документы, в которых имелись сюжеты, касавшиеся конфликтов между рабочими и представителями государственной власти [1; 11]. Необходимо подчеркнуть, что с начала 1990-х гг. начался процесс массовой публикации архивных документов, некоторая часть из которых затрагивала проблему трудовых конфликтов среди рабочих [2; 10]. Комплекс источников из фондов архивов Санкт-Петербурга, составленный и впервые опубликованный без оглядки на цензуру, можно встретить в приложениях к монографии С.В. Ярова [15; 16], в сборнике статей «Трудовые конфликты в советской России 1918–1929 гг.» [13].

Существенный массив источников еще и сегодня является неопубликованным. Прежде всего, это комплекс документов, отложенных в фондах Ленинградского губернского и областного совета профсоюзов, Ленинградского областного комитета профсоюзов рабочих химической промышленности, кожевенного производства, рабочих полиграфического производства, находящийся на хранении в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГАСПб). Следует подчеркнуть, что неопубликованные документы по данной теме содержатся также в фондах Ленинградского губернского областного совета профсоюзов, райкомов партии различных районов Петрограда, Ленинградского губкома (ЦГАИПД СПб), Народного комиссариата внутренних дел РСФСР, ВЦСПС, СНК РСФСР (ГАРФ), ЦК РКП (б)/ ВКП (б), ЦКК РКП (б)/ ВКП (б) (РГАСПИ).

Архивные материалы, содержащие информацию о трудовых конфликтах, можно разделить на отчетно-информационные, организационно-распорядительные и нормативные. К первой категории относятся документы РКП (б): протоколы коллективов РКП (б), сводки, отчеты, доклады, статистические сведения. Среди сводок довольно часто можно обнаружить сводки Петрогубпрофсовета о положении на фабриках и заводах, политсводки революционных троек различных районов Петрограда, сводки коллектива РКП (б) заводов о настроениях рабочих, сводки информационного подотдела районов РКП (б), сводки общего политического состояния различных районов Петрограда, сводки информационного отдела секретной особой части политического подотдела ОГПУ, сводки орготдела Петрогубпрофсовета. Данный вид документов позволяет проанализировать способы выражения рабочими своего несогласия с некоторыми аспектами правительственной политики на государст-

венных и на частных предприятиях. Отчетливо отражены открытые формы протеста рабочих («волынки», забастовки), причины конфликтов (малые объемы пайка хлеба, реакция на события в Кронштадте), способы ликвидации конфликтов. Например, в сводке информационного подотдела Василеостровского райкома РКП (б) за 24 февраля – 5 апреля 1921 г. о волынке на Балтийском заводе мы узнаем, что основное требование рабочих заключалось в «освобождении арестованных и созыве общего собрания» [7, с. 249]. Как правило, в сводках информация передается коротко и сжато, отсутствует подробное описание мелких деталей происхождения конфликта. Авторы сводок фиксируют лишь голые факты событий.

Трудовые конфликты возникали на государственных и частных предприятиях между рабочими и представителями администрации завода, между руководителями организации профсоюзов и оппозиционными рабочими. К сожалению, условия возникновения и разрешения скрытых конфликтов, как правило, в документах не фиксировались.

Нередки были случаи, когда работа на фабриках останавливалась без определенных причин, и какие-либо требования не выдвигались. Например, из политсводки Штаба внутренней обороны Петрограда в марте 1921 г. выясняется, что на заводе «Артур Коппель» работы были остановлены без предупреждения, и мотивы своих действий рабочие не комментировали. Подобное поведение они объясняли тем, что «нигде не работают». На фабрике «Скорострел» производство было внезапно остановлено, и рабочие «не собираясь, начали читать газеты» [6, с. 30]. На Балтийском заводе похожая картина наблюдалась в марте 1921 г., когда рабочие «вышли на работу, не раздевались и, не предъявив никаких требований, разошлись» [8, с. 28].

Не менее информативными являются отчеты о настроении рабочих, о мерах, принятых для предупреждения и разрешения конфликтов. Среди них можно отметить информационные отчеты райкомов РКП (б), отчеты тарифно-экономического отдела губпрофсовета. Отчеты помогают выявить отношения рабочих к Советской власти, профсоюзам, к мастерам, к администрации завода, к «спецам». Данные документы позволяют сравнить поведение партийных и беспартийных рабочих, определить, какие явления в профессиональной деятельности рабочего имели для них наибольшую ценность, проследить, какие трудности возникали при заключении трудовых договоров.

Нередко недовольство рабочих вызывала деятельность администрации заводов. Например, на Балтийском заводе на собрании организаторов цехов в феврале 1921 г. отмечалось «халатное от-

ношение заведующих мастерскими к работе, кумовство, поощрение лентяев» [13, с. 103].

Общие количественные сведения о численности, видах, причинах, участниках конфликтов отражают статистические материалы. К ним можно отнести статистические сведения Ленинградского губернского совета профсоюзов о количестве забастовок, об их причинах и результатах, данные о прогулах рабочих, сведения отдела статистики труда Петроградского губернского отдела профсоюзов о конфликтах и забастовках в Петрограде. Данный вид источников позволяет проследить динамику забастовок на предприятиях различных отраслей промышленности и оценить их последствия. Последние отражены в виде числа потерянных рабочих дней и в процентном отношении степени удовлетворения требований рабочих. Кроме того, в статистических документах отражена динамика процессов возникновения и разрешения конфликтов на государственных и частных предприятиях. Причины разногласий, их количество и предприятия, на которых они возникали, подробно зафиксированы в делопроизводстве государственных органов по примирительному разрешению трудовых споров. При анализе данных документов можно выяснить, что на частных предприятиях разногласия между администрацией и рабочими случались реже, чем на государственных. Безусловно, следует принимать во внимание, что доля государственных предприятий была значительно больше частных. При изучении статистических материалов можно заметить, что большинство конфликтов в апреле – августе 1922 г. возникали на предприятиях обрабатывающей промышленности, меньше всего – в добывающей промышленности [14]. Можно предположить, что наличие меньшего числа разногласий на частных предприятиях было вызвано более быстрым процессом заключения коллективных договоров, в которых проговаривались все требования к условиям труда и заработной платы рабочих.

Следует отметить, что статистические материалы не всегда являются достоверным источником, и к их данным нужно относиться весьма осторожно. Сведения, отраженные в этих документах, как правило, имеют ряд погрешностей, часто они могут не соответствовать действительности.

К организационно-распорядительным документам можно отнести доклады, протоколы, докладные записки. Необходимо выделить доклады чрезвычайного уполномоченного СТО по топливу на заседании Петросовета, информационные доклады райкомов РКП (б) об отношении рабочих к пересмотру расценок оплаты труда, перезаключению коллективных договоров. Эти источники позволяют проанализировать характер конфликтов, способы предупреждения возникновения беспорядков, сравнить реакцию рабочих различных

предприятий на введение новой формы оплаты труда – сдельщины, на заключение коллективных договоров и других мер, осуществляемых администрацией завода.

Например, на Арсенальном механическом заводе рабочие требовали выдать ударный паёк до объявления об этом в газете и увеличить, а не ограничивать сдельную заработную плату. Следует уточнить, что в 1920 г. было введено дифференцированное снабжение по трем основным категориям: рабочие физического труда, рабочие умственного труда (служащие) и лица, занятые в частном секторе. Первая категория имела право на получение самого большого набора продуктов. В начале 1921 г. начался осуществляться постепенный переход большинства предприятий на хозрасчет. Централизованное снабжение оставалось только у заводов, которые играли первостепенную роль в развитии государственной промышленности (как правило, это были предприятия металлопромышленности). В связи с этим возникала потребность изменить порядок начисления заработной платы. Большинство рабочих переходили на «сдельщину», которая предполагала зависимость заработной платы от непосредственного количества произведенной продукции. В связи с этим информационные документы нельзя рассматривать в отрыве от экономического контекста, исходя только из самого содержания документов.

Не менее ценными являются протоколы фабрично-заводских собраний. Вопросы, касавшиеся конфликтов на различных предприятиях, освещены в протоколах общих собраний рабочих и служащих различных заводов, протоколах совещаний при технико-экономическом отделе Петрогубпрофсовета, протоколах делегатских собраний заводов. В них отражены основные проблемы, существовавшие на предприятиях Петрограда, методы их преодоления. Наибольший интерес представляют приведенные самими рабочими объяснения причин их несогласия с политикой, проводимой на заводах и фабриках, и их предложения по урегулированию конфликтов. Следует подчеркнуть, что основное содержание протоколов было обусловлено регламентом проведения собраний, поэтому вся информация об обсуждаемых вопросах похожа на схему и отражена довольно кратко, четко и неэмоционально. Нельзя не обратить внимание на то, что интерпретация событий представлена в данных документах не самими участниками совещания, а посредством записи стенографиста, поэтому нужно принимать во внимание и определенную субъективность документа. Более подробное изложение событий о причинах, мерах регулирования и разрешения конфликтов можно встретить в докладных записках партийных комитетов различного уровня. Подобные источники показывают отношение рабочих к различным проблемам, возникшим на заводах и фабриках.

Наибольший интерес представляют вкрапления в них цитат, извлеченных из высказываний самих рабочих, с характерной для них лексикой. Необходимо помнить, что данные цитаты подобраны так, чтобы подтвердить слова автора докладной записки, поэтому к ним стоит относиться предельно осторожно. Протоколы и постановления фабрично-заводских собраний как источники для изучения политических настроений жителей Петрограда в 1918–1923 гг. проанализированы в работе С.В. Ярова [17, с. 45–79].

При изучении темы трудовых конфликтов следует обратить внимание на документы высших и местных органов власти. К общегосударственным можно отнести Кодекс законов о труде 1922 г., постановления Совета Труда и Оборона, декреты и положения Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета Народных Комиссаров и других общереспубликанских органов, регулирующих трудовые отношения, о коллективных договорах, примирительных камерах и третейских судах. Отличительная черта местных нормативных документов заключается в копировании нормативных документов вышестоящих центральных органов. Они представляют собой инструкции и постановления различных местных органов власти, регулирующих определенные стороны трудовых отношений. Например, информация о критериях выявления и задержания трудовых дезертиров находится в инструкции Петроградской губернской комиссии по борьбе с дезертирством [5, с. 45].

Сведения о конфликтах также содержатся в дневниках и воспоминаниях. Наибольший интерес вызывают воспоминания рабочих. Подобные источники отличаются детальностью изложения мелких явлений и фактов, что невольно заставляет ощутить те переживания, которые испытывали сами участники событий. В воспоминаниях можно встретить информацию о причинах, последствиях конфликтов, способах их протекания и преодоления. Подобный вид источников позволяет сравнить восприятие аналогичных событий разными сторонами участников конфликтов, чтобы определить, чем они были вызваны.

Например, М.Г. Федоров в своих воспоминаниях отмечает, что на Александровском заводе в 1921 г. перед мятежом начали предъявляться требования о предоставлении обуви, продовольствия, затрагивались вопросы, касавшиеся заработной платы. Постепенно начали обсуждаться вопросы об Учредительном собрании, хотя «последнее звучало очень слабо» [4, с. 227].

Важным источником для изучения предложенной мною темы является периодическая печать. Она представлена, прежде всего, всевозможными листовками, газетами и журналами. Наибольший интерес для изучения данной темы представляют газеты «Труд», «Красная газета», «Петроградская (Ленинградская) правда», «Ма-

ховик». Они очень часто содержат информацию о случаях забастовок или других формах конфликтов среди рабочих различных отраслей промышленности и транспорта, причинах их возникновения. Нередко в статьях, опубликованных в периодической печати Петрограда, предлагались способы реорганизации государственного аппарата, способствующие ликвидации бюрократизма в работе.

Например, С. Зорин в своей статье советовал: «На каждой фабрике, на каждом заводе существует профсоюз и его органы в лице фабкомов, завкомов, уполномоченных и т. д. Почему бы им не уполномочить какое-либо лицо на ведение работы по выдаче справок, по приему заявлений, по истребованию разных документов для работающих в данном предприятии рабочих и работниц. Потерял, скажем, Иван трудовую карточку – зачем ему стоять два дня в очереди и терять еще заработок, а республике терять два дня его труда, когда доверенное лицо от фабкома или завкома может новую карточку для него истребовать... А таких карточек ведь каждый день десятки и сотни!» [3].

Как правило, такого рода предложения и рекомендации встречаются редко, так как большинство статей отражали преимущественно официальную точку зрения. В публикациях также часто присутствовали сообщения о награждениях рабочих, которые не нарушали трудовую дисциплину.

Важным обстоятельством при изучении трудовых конфликтов в Советской России является разделение некоторых газетных сообщений, касающихся проблем рабочих, по отраслям производства. Например, встречаются сообщения о печатниках, химиках, металлистах, текстильщиках. Например, в статье «Петроградской правды» сообщается о том, что директор химического завода ущемляет права неквалифицированных рабочих, отдавая обувь, предназначенную для всех трудящихся завода, химикам. Таким образом, недовольство проявляется в том, что химики «являются в глазах директора аристократией завода, прочая же публика рассматривается им как чернотелые чернорабочие» [9]. Главная же причина недовольства заключалась в нежелании кого-либо позаботиться об улучшении условий труда рабочих вредного производства. Подобный метод передачи информации позволяет нам понять трудности, которые возникали у рабочих различных отраслей промышленности, более глубоко проанализировать их положение в данной отрасли, чтобы понять специфику их работы.

Необходимо отметить, что сами факты существования конфликтов на предприятии должны были свидетельствовать о плохой работе профсоюза и фабричных комитетов, которые должны были в кратчайшие сроки решать все вопросы, касавшиеся защиты прав рабочего на предприятии. В некоторых сообщениях поэтому нали-

чие конфликтов трактуется как «временное настроение, которое справедливо вызывается всякою задержкою в выплате заработной платы» [12]. Довольно часто в публикациях речь идет об эффективной работе членов фабричных комитетов как одного из государственных партийных органов по защите прав рабочих. Например, основная цель статьи о рабочих-печатниках, опубликованной в «Петроградской правде», заключалась в освещении продуктивной работы фабричных комитетов и профсоюзов по добыче финансов и продуктов для поддержки рабочих [12].

Следует подчеркнуть, что пресса – источник специфический и ненадежный. Часто информация в ней имеет вторичный характер, так как все материалы до публикации могли быть подвергнуты исправлениям партийными работниками. Особую ценность здесь имеют факты, отраженные в сообщениях, а не их трактовка. Негативная информация о забастовках и выступлениях часто приводилась для того, чтобы посредством уничижительных комментариев публицистов дискредитировать независимое рабочее движение и не допустить роста стачечной активности.

Не менее интересным источником являются различные листовки. Они, как правило, имели антиправительственную направленность и поэтому распространялись тайно. К ним можно отнести листовки, обращенные к рабочим заводов с призывами поддержать Кронштадтское восстание, первомайские листовки меньшевиков, анархистов-коммунистов. Данные документы помогают понять, какие явления вызывали протест у оппозиционных организаций и какое влияние листовки могли иметь на рабочих. Некоторые требования, предъявляемые забастовщиками, были сходны с теми призывами, которые содержались в листовках. Так, например, отмечалось недовольство рабочих из-за массового ареста и увольнения некоторых из трудившихся на фабриках и заводах, участвовавших в забастовках, из-за ареста участников Кронштадтского выступления, из-за увольнения женщин и детей и т. д.

Список литературы

1. Восстановление промышленности Ленинграда (1921–1924 гг.). – Т. 1. – Л., 1963.
2. «Горячешный и триумфальный город». Петроград: от «военного коммунизма» к НЭПу: Документы и материалы. – СПб., 2000.
3. Зорин С. К поднятию производительности и уменьшению волокиты // Петроградская правда. – 1921. – 14 янв.
4. Из воспоминания М. Г. Федорова о работе комиссаром Финляндского участка Николаевской железной дороги и Александровского завода в 1920–1921 гг. от 6 июля 1922 г. // Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест. – СПб., 2000.

5. Из инструкции Петрогубкомдезертир (Петроградская губернская комиссия по борьбе с дезертирством) для лиц, производящих облаву на труддезертиров от 3 января 1921г. // «Горячешный и триумфальный город». Петроград: от «военного коммунизма» к НЭПу: Документы и материалы. – СПб., 2000.

6. Из политсводки Штаба Внутренней обороны о настроениях рабочих от 8 марта 1921г. // «Горячешный и триумфальный город». Петроград: от «военного коммунизма» к НЭПу: Документы и материалы. – СПб., 2000.

7. Из сводки Информационного подотдела Васильевского райкома РКП(б) за 24 февраля – 5 апреля 1921 г. о волынке на Балтийском заводе // Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест. – СПб., 2000.

8. Из сводки Петрогубпрофсовета (Петроградского губернского Совета профессиональных союзов) о положении дел по отдельным Союзам с второго по третье марта от 3 марта 1921 г. // Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917-1929. Экономические конфликты и политический протест. – СПб., 2000.

9. Нечто о прошлогоднем снеге (Опытный химический на Ватном ос.) // Петроградская правда. – 1922. – 20 июля.

10. Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест. – СПб., 2000.

11. Профсоюзы СССР: Документы и материалы: в 4 т. – Т. 2. Профсоюзы в период построения социализма в СССР. Октябрь 1917–1937 гг. – М., 1963.

12. Среди рабочих-печатников // Петроградская правда. – 1922. – 20 июля.

13. Трудовые конфликты в советской России 1918–1929 гг. – М., 1998.

14. Число конфликтов и участников их за апрель-август 1922 г. // ЦГА СПб. Ф. 6267. Оп.42. Д. 32. Л. 22.

15. Яров С.В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. – СПб., 1999.

16. Яров С.В. Источники для изучения психологии российского общества XX века. – СПб., 2003;

17. Яров С.В. Источники по истории политического протеста в Советской России в 1918–1923 гг. – СПб., 2001.

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

УДК 94(47)"19":323.23
ББК 63.211(2)6

*М. А. Липянина**

«Обязательства и обязанности агитатора». 1918 г.

Публикуемые ниже «Обязательства и обязанности агитатора» являются инструкцией для агитаторов, направляемых агитационным отделом Петроградского комитета РКП (б) в провинцию в 1918 г. Данный документ важен для понимания представлений большевистской власти о месте крестьянства в формирующемся советском обществе.

Published below the "Obligations and responsibilities of the agitator" is an instruction for agitators sent in the province by propaganda department of the Petrograd Committee of the RCP (b) in 1918. This document is important for understanding the ideas of the Bolshevik government of the place of the peasantry in the emerging Soviet society.

Ключевые слова: Советская Россия, экономика, политика, агитатор, крестьяне, большевики, земля, реквизиции, разверстка, комиссар.

Key words: Soviet Russia, economy, politics, agitator, the peasants, the Bolsheviks, the land, requisition, allotment, Commissioner.

Публикуемые ниже «Обязательства и обязанности агитатора» представляют собой важный источник для изучения форм и методов идеологического воздействия на крестьян в 1918 г. Советское государство на всем протяжении своего существования подвергало своих граждан постоянной идеологической обработке. Политизированные ритуалы, призванные внедрить догматы марксистско-ленинского учения в сознание, сопровождали советского гражданина в течение всей сознательной жизни. Формирование идеологической машины советского государства началось с первых дней его существования. Основы методов агитационного и пропагандистского воздействия на население, доказавшие свою эффективность в XX в., были заложены в первые годы существования большевистской власти.

Для более подробного рассмотрения конкретных мероприятий советской власти в области агитации и пропаганды на ранней ста-

* Липянина Марина Алексеевна, слушательница, Европейский Университет в Санкт-Петербурге

дии развития советского общества обратимся к «Обязательствам и обязанностям агитатора». Они были рекомендованы в 1918 г. отделом агитации и пропаганды Петроградского комитета РКП(б) идеологическим работникам, посылаемым из столицы в провинцию.

Данный документ должен был регламентировать деятельность агитаторов, направляемых из столицы в уезды и волости северозападных губерний. Он состоит из пяти основных разделов: «памятка агитатора», «обязанности агитатора», «план работы агитатора Ц.И.К.», «обязанности руководителя группы», «общие положения для руководства агитаторам и пропагандистам». Последний, в свою очередь, делится на следующие подразделы: «забастовки», «по вопросу о злоупотреблению властью (Комиссародержавие)», «при обсуждении продовольственного вопроса».

В первой, «преамбульной», части этого документа даются общие рекомендации о том, с помощью каких методов необходимо найти общий язык с населением, среди которого предстоит вести «агитационную работу». В этом разделе постулируются цели, которые ставит агитационный отдел перед агитатором, кроме того, он содержит практические советы по проведению агитационного выступления.

Следует более подробно остановиться на рекомендациях, призванных помочь агитатору удержать внимание аудитории во время проведения митинга. Во-первых, наиболее логичным и очевидным психологическим приемом мимикрии чужеродного социального элемента (агитатора) в однородном социальном пространстве (крестьянском сообществе) является перенимание привычных для последних форм передачи информации: «говори простыми и народными словами». Вторым, не менее очевидным психологическим приемом, является убежденность агитатора в произносимых им с трибуны словах: «Говори живо, и только о том, что сам хорошо понял и в чем убежден. Только тогда тебе поверят». Не менее полезным является рекомендация о сохранении хладнокровия как гарантии успеха во время выступления: «Владей всегда собой, будь тверд и спокоен, – тогда ты будешь держать слушателей в своих руках».

«Памятка...» рекомендует агитатору внимательно следить за состоянием аудитории, тщательно избегая «всем надоевших митинговых фраз», а также чересчур громкой или утомительно длинной речи. Следующий, не лишенный практического смысла, совет «всюду находи себе друзей и завербовывай их в ряды коммунистов», подтверждает и без того очевидный факт отсутствия поддержки большевистской программы среди большей части крестьянского населения в этот период.

«Памятка...» написана живым языком, сравнительно свободным от бюрократических штампов, она содержит в себе практиче-

ские советы, что, несомненно, указывает на наличие опыта устных выступлений. Документ устанавливает четкие ограничения власти агитатора в провинции, куда он посылается для ведения пропагандистской деятельности: «Ты – не начальство, не власть, а лишь более сознательный из своих товарищей. Помни, что ты вышел из их же рядов». Тем самым четко фиксируется еще один прием, который поможет улучшить контакты с теми, на кого направлено идеологическое воздействие. Это отсутствие высокомерия, заносчивости, представление себя как простого человека, доступного для многих людей.

Второй раздел этого документа – «Обязанности агитатора» – является собой яркий образец директивного языка нарождающейся советской бюрократической системы. Вместе с тем остается неясным, какие конкретные действия должно включать в себя «всяческое содействие» распространению резолюций крестьянских съездов.

Кроме этого, в обязанности агитатора вменялось «уведомлять Ц.И.К. еженедельно о своем местопребывании и представлять два раза в неделю ... отчет о своей деятельности», что, учитывая разрыв связей между столицей и провинцией в условиях разрухи Гражданской войны, убедительно свидетельствует об оторванности власть имущих от реальной жизни и их стремлении ориентироваться на идеальные установки, а не на реальную ситуацию.

В третьем разделе этого документа – «План работы агитатора Ц.И.К.» – даются подробные разъяснения о посылке и организации работы агитаторов в провинции. Характерной чертой советской бюрократической системы в целом и данной организации в частности, даже на ранней стадии формирования советского общества, является назначаемость ответственных руководителей: «Агитаторы делятся на губернские группы, каждая из которых имеет ответственного руководителя, назначаемого агитационным Отделом, и поддерживает связь между всеми своими членами, действуя организованно и согласованно в пределах своей губернии».

Второй пункт содержит в себе очевидное противоречие, так как рекомендует действовать «организованно и согласованно в пределах одной губернии». Выполнить это требование было заведомо невозможно, если принять во внимание «распыление» агитаторов по уездам и учитывая слабость контактов между ними.

Показательно, что в данном разделе, как и в предыдущем, сообщением агитаторов с мест придается не меньшее значение, чем профильной деятельности агитатора.

Раздел «Обязанности руководителя группы», написанный характерным для советского бюрократического аппарата в этот период директивно-демагогическим стилем, содержит в себе перечень

обязанностей руководителя группы агитаторов. С учетом перманентных перебоев в работе транспорта и почты, связанных с разрухой, вызванной Гражданской войной, делавших невозможным постоянное сообщение между городом и деревней, эти требования представляются невыполнимыми. И несмотря на это в конечном счете вся ответственность за деятельность агитатора в провинции возлагалась на ответственного руководителя.

Наибольший интерес представляет для нас раздел «Общие положения для руководства агитаторам и пропагандистам», так как он содержит практические советы по организации и проведению агитационной работы и является отражением понимания реального положения вещей в деревне и опыта предыдущей работы агитаторов.

Язык, которым написаны «Общие положения для руководства...», разительно отличается от того, которым написаны предыдущие разделы, так как отражает рекомендации и указания, основанные на анализе практического опыта, а не теоретических умозаключений.

В наставлении о «разборке текущего момента» явственно прослеживаются наиболее острые для крестьян вопросы, адекватно ответить на которые власть не могла: почему живем так плохо? И когда же начнем жить хорошо? При решении этой проблем крайне непопулярным приемом признается очевидная ложь: «Не скрывать "что есть". О всех отрицательных сторонах нашего строя говорить самому и возражать по существу, ничего не затушевывая». Однако вполне допустимой считается ложь неочевидная: «всегда подчеркивайте временный характер невзгод, и как можно чаще и обстоятельнее говорите о будущем социалистическом строе». В этом же разделе открыто признается необходимость и оправданность насилия как неизбежного следствия Гражданской войны: «Не возмущайтесь жестокими способами борьбы противников. Это есть лицемерие. Мы сами прибегаем к таким же способам».

Стачкам на производстве посвящен отдельный подраздел, что говорит о немалой их актуальности для большевистской власти в этот период. Этот подраздел обосновывает тезис о неизбежности признания любой стачки политической акцией и необходимости борьбы с ней. Кроме этого, в данном подразделе объясняются основные принципы плановой экономики, отступлением от которых является стачка, трактуемая как политическое преступление.

В подразделе «По вопросу о злоупотреблении властью (Комиссародержавие)» содержатся сведения о злоупотреблениях властью уполномоченными большевистской власти на местах, так называемом «комиссародержавии». Виновными в злоупотреблениях властью признавались «чиновники старого правительства, пробравшиеся в наши ряды», либо же «бывшие рабы, никогда не помышлявшие о

возможности борьбы со старым порядком». Таким образом, рекомендовалось внушить крестьянам мнение о том, что основным виновником как «комиссарства» вообще, так и «комиссародержавия» в частности, являлся «старый режим»: «Необходимость в комиссарах есть тоже наследие прошлого». Актуальность этой проблемы для советской власти была настолько велика, что потребовала дополнительных разъяснений: «Борьба же с комиссарством вообще есть просто неприятие Советских общественных отношений, регулируемых комиссарами, которые становятся самим народом – в лице Советов».

Не менее значимым, чем все вышеперечисленные, является в этот период продовольственный вопрос. Одним из основных аргументов при обсуждении проблемы нехватки продовольствия было указание на всеобщность для Европы экономического и продовольственного кризиса. В этот период на первое место по значимости в продовольственном вопросе выходит «мешочнический» аспект, что также находит свое отражение в этом документе: «Мешочники достают продукты преступным путем, так как купить при всеобщем учете и национализации нельзя. Может ли какая-нибудь власть допустить заведомое преступление».

Рассмотренный нами документ является источником по истории формирования агитационно-пропагандистского аппарата на ранних стадиях развития советского общества. Он освещает права и обязанности агитаторов, действовавших в провинции от лица советской власти. Кроме этого, на основании внимательного прочтения «Обязательств...» можно выявить основные механизмы «идеологической обработки» крестьянского населения и идеологические схемы для ведения полемики с политическими противниками. Наконец, рассмотренный нами документ позволяет выяснить наиболее актуальные для советского правительства в этот период вопросы.

Документ публикуется по подлинному экземпляру (машинопись), сохранившемуся в фонде агитационного отдела Петроградского комитета РКП(б) в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф.1. Оп.1. Д. 173.

Обязательства и обязанности агитатора. 1918 г.

Памятка агитатора

Агитатор

1) Помни, ты отдал себя ВЕЛИКОМУ ДЕЛУ: сеять в души трудящихся семя коммунизма. Ты его выполнишь, только отдав ему все свои силы и время.

2) Помни, ты хочешь учить других, – учись же, не покладая рук сам. Мы живем в дни мировой революции, когда события происходят друг за другом с быстротой молнии – следи же за ними и разбирайся в них.

3) Только практика и работа над собой научит тебя хорошо говорить и передавать свои познания другим. Начни с кучки, кончи тысячной толпой.

4) Никогда не выступай, не подготовившись к теме. Посмотри материалы по данному вопросу в газете, брошюре, книге. Выступай всегда с конспектом в руках.

5) Выступай, продумавши тему, а не только нахватавшись фраз в газете или брошюре. Говори живо, и только о том, что сам хорошо понял и в чем убежден. Только тогда тебе поверят.

6) Когда говоришь, помни твердо свою тему и не отходи от нее далеко. Имей при себе конспект и если забыл мысль, не стесняйся, посмотри в него и продолжай. Это лучше, чем ты, забыв свой план, будешь говорить то, что попадет на язык.

7) Говори простыми народными словами, забыв об иностранных, которые ты выучил в книге.

8) Приводи в своей речи побольше примеров, фактов, поменьше употребляй общих, ничего не говорящих и всем надоевших митинговых фраз.

9) Внимательно прислушивайся и присматривайся к слушателям. Если перестают тебя слушать, это значит надо изменить свою речь, привести яркий пример, сообщить факт.

10) Никогда не говори слишком долго, – это утомляет.

11) Не кричи. Соизмеряй свой голос с количеством слушателей. Крикливый голос быстро утомляет и неприятно действует на слух. Привыкай владеть своим голосом.

12) Лозунги бросай только тогда, когда слушатели захвачены.

13) Окончив доклад, после маленького перерыва, заведи на тему доклада беседу. Предложи слушателям задавать вопросы, сам спроси их о чем-нибудь на тему. Пусть задают вопросы по очереди, не допускай, чтобы беседа превратилась в галдеж. Будь спокоен.

14) Не прерывай спрашивающего, дай ему высказаться, внимательно следи за ним, обдумай и дай исчерпывающий ответ. Если не знаешь, что ответить, скажи, что ответишь завтра; никогда не отговаривайся пустыми фразами.

15) Уходи тогда, когда слушатели удовлетворены беседой. Если они чем-то взволнованы, успокой их и уйди их другом.

16) Учись управлять массой. Не давай ей увлечь себя. Это можно достигнуть самодисциплиной и хладнокровием. Владей всегда собой, будь тверд и спокоен, – тогда ты будешь держать слушателей в своих руках.

17) Всюду находи себе друзей и завербовывай их в ряды коммунистов.

18) Помни, Ты – не начальство, не власть, а лишь более сознательный из своих товарищей. Помни, что ты вышел из их же рядов.

19) АГИТАТОР. Тебе Коммунистическая партия и русская революция поручили великое дело – строить революционную трудовую республику. Ты обязан быть создателем, творцом.

Обязанности агитатора

1) На обязанности агитатора, направляемого Ц.И.К. в провинцию, лежит работа по упрочнению Советской власти на местах, всемерное содействие организации трудового крестьянства, пропаганде идей трудовой революции и освещение текущих событий с точки зрения Ц.И.К. Советов.

2) В основу своей деятельности организатор-агитатор кладет постановления и резолюции 2-го и 3-го Всероссийского съезда Советов крестьянских, раб. и солд. депутатов и строго придерживается в каждом данном вопросе платформы Ц.И.К.

3) Агитатор-организатор должен употребить все усилия на то, чтобы пробуждать в крестьянстве сознание необходимости чисто классовой организации, указывая на гибельность для дела революции допущения к власти элементов буржуазных и полубуржуазных и соглашательски разделяя ту роль, какую эти играли до октябрьского переворота в деле разрушения революции и дезорганизации трудовых масс.

4) Агитатор-организатор должен всячески содействовать распространению напечатанных решений и резолюций 2-го и 3-го Всероссийского съезда издаваемых при Ц.И.К. Советов крестьянских деп. «Полос трудового крестьянства», а также остальной литературы, издаваемой Ц.И.К.

5) Для проверки правильности своих действий и избежания расхождения с линией поведения уездного, губернского и Всероссийского Совета кр. деп. организатор-агитатор должен иметь непрерывную связь с последними путем переписки, посылки резолюций, наказов, ходяков, запросов и т. д.

6) Делегат обязан уведомлять Ц.И.К. еженедельно о своем местопребывании и предоставлять два раза в неделю ... отчет о своей деятельности.

7) По миновании срока командировки агитатор обязан вернуться в Петроград для предоставления отчета в своей деятельности и подробного доклада о положении дня на месте. В случае невозможности своевременного возвращения организатор-агитатор испрашивает у Ц.И.К. письменного продления срока командировки.

План работы агитатора Ц.И.К.

1) Агитаторы-организаторы командированы АГИТАЦИОННЫМ ОТДЕЛОМ в те местности, в которых по имеющимся у отдела сведениям слабо организована крестьянская и рабочая масса.

2) Агитаторы делятся на губернские группы, каждая из которых имеет ответственного руководителя, назначаемого агитационным отделом, и поддерживает связь между всеми своими членами, действуя организованно и согласованно в пределах своей губернии.

3) Губернская группа разбивается по одному на уезд и приступает к своей работе.

4) Уездный агитатор-организатор направляется по соглашению с остальными членами своей группы в уездный город, по прибытии в который является в Совет раб. сол. деп., где выясняет его состав и политическую платформу, т. е. стоит ли данный Совет на платформе Ц.И.К. – вся власть советам или в нем господствуют соглашательские элементы, стоящие за поддержку бывшего Учредительного Собрания, о чем немедленно делает доклад Ц.И.Комитету.

5) Если окажется, что уездный Совет стоит на платформе Ц.И.К. агитатор-организатор делает Совету доклад о возложенных на него поручениях и выясняет, как обстоит дело организации волостных Советов крестьянских деп. в уезде: имеются ли волостные Советы ...

6) Агитатор-организатор направляет свои главные усилия в те места, где слаба советская власть и ведет постоянную агитационную и организационную работу согласно изложенному в инструкции плану, извещая о своих продвижениях как Ц.И.К., так и руководителю группы.

Обязанности руководителя группы

1) Руководитель группы обязан иметь постоянные общения со всеми членами своей группы, точно зная местонахождение каждого.

2) Руководитель распределяет силы своей группы по уездам и губерниям.

3) Руководитель дает своим тов. советы и указания в случаях затруднительных для последних, и являются ответственными за работу перед Ц.И.К.

Общее положение для руководства агитаторам и пропагандистам

Каждый агитатор (и далее каждый член партии) должен считать своей обязанностью вести пропаганду коммунистических идей не только на официальных митингах, но всюду, где он встречается с враждебным мнением (на трамваях, в очередях)...

При разборке текущего момента и злободневных вопросах всегда подчеркивать временный характер наших невзгод и как можно чаще и обстоятельнее говорить о будущем социалистическом строе,

который наступит после нашей победы над контрреволюцией и над нашей собственной дезорганизованностью.

Не скрывать, «что есть». О всех отрицательных сторонах нашего строя говорить самому и возражать по существу, ничего не затушевывая.

Не возмущаться жестокими способами борьбы противников. Это есть лицемерие. Мы сами прибегаем к таким способам. Указывать на них лишь в том случае, если нас будут упрекать в жестокости...

Выслушивать противника, как бы нелепо было его мнение. Это дает возможность выявить наружу те предрассудки, которые открыты в массе, а следовательно, возможность борьбы с ними.

Отвечать противнику по существу, не терроризируя его Гороховой и пр.

В случаях явно клеветнических, как это недавно было с клеветой о расстрелах на заводах, настоятельно требовать у Общего Собрания посылки делегации для расследования вопроса на месте.

Забастовки

1. Забастовки как оружие борьбы при капиталистическом строе. Забастовка экономическая имеет целью нанести материальный вред отдельному предпринимателю, забастовкой политической дезорганизуется данный политический строй.

2. Наша борьба двоякого характера: мы разрушаем старое и создаем новые формы жизни.

3. Забастовки принадлежат к разрушительным методам борьбы.

4. При диктатуре пролетариата отдельные предприниматели уничтожаются и экономическая стачка теряет свое значение, всякая забастовка носит политический характер.

Политический строй мы всячески стремимся укрепить. Допустимы ли в таком случае стачки. Мы ведь не стремимся к восстановлению капиталистического строя. Стачками дезорганизуется Советская власть, как таковая независимо от носителей этой власти.

5. Преданные делу товарищи постараются устранить дефекты в управлении и без стачки. В случае злостности с их стороны, стачки лишь играют им на руку. С ними надо бороться иными способами.

6. При социалистическом строе стачки совершенно недопустимы. Это есть нарушение организации производства.

7. При полной организации производства должно быть высчитано точно, сколько каких предметов должно быть изготовлено обществом в течение года при наличности данных средств для этого. Сколько нужно сырья в год. Должен быть организован тонкий аппарат распределения. Стачка, даже на один день, нарушает общий план и является преступлением против общества.

По вопросу о злоупотреблении властью (комиссародержавие)

1. Указывать, что злоупотребление властью есть наследие старого режима, когда все общество делилось на угнетателей и угнетенных. Это воспитало рабские привычки.

2. Пользуются своей властью во вред Советской республике либо чиновники старого правительства, пробравшиеся в наши ряды, либо бывшие рабы, никогда не помышлявшие о возможности борьбы со старым порядком. Надо их разоблачать.

3. Борьба же с комиссарством вообще есть просто неприятие советских общественных отношений, регулируемых комиссарами, которые становятся самим народом – в лице Советов.

4. Комиссары нужны только для переходного времени. Возможно, постепенное освобождение от комиссаров, по мере роста внутренней дисциплины в наших рядах. Необходимость в комиссарах есть тоже наследие прошлого.

5. Дисциплина же вообще нужна. Невозможно предоставить каждому отдельному лицу устраиваться совершенно независимо от других членов данного общества. Это приведет к развалу всего общества, что понятно каждому.

6. Необходимо выявить коллективную волю данной общественной организации, и каждый отдельный член должен подчиняться этому.

7. Пока теперь общество вручает надзор за проведением выработанных мероприятий комиссарам.

8. Если общество будет состоять из лиц, строго следящих за тем, чтобы не нарушать общественных норм и в выработке которых они сами принимают участие, никаких комиссаров не нужно будет.

9. Борьба с комиссародержавием возможно именно в направлении уважения к принятым постановлениям и самодисциплины.

При обсуждении продовольственного вопроса

1. Указывать на продовольственный кризис и в западноевропейских странах; тоже и относительно транспортной разрухи, несмотря на то, что производительные силы там гораздо более развиты.

...

4. Наш транспорт не допускает свободной торговли. Перевозка продуктов носила бы случайный характер, навезли бы много предметов, не столь необходимых, а нам трудно доставить даже предметы первой необходимости. Что касается общей суммы, то всякому понятно, как можно больше провезти – мешками или вагонами...

...

6. Нужно объединенными силами всех вести борьбу с дезорганизацией производства, с хищениями при перевозке и распределении, с собственной недисциплинированностью. Вот верный путь к победе в экономической области.

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

УДК 94(47)"17":355.23
ББК 63.3(2)511-8

В. Н. Бенда*

Роль Я. В. Брюса в развитии инженерно-артиллерийских школ в первой четверти XVIII в.

В статье идет речь о процессе создания и деятельности военно-специальных учебных заведений (Московская инженерно-артиллерийская и инженерная школы, Санкт-Петербургская артиллерийская и инженерная школы), организованных в начале XVIII в. для подготовки национальных командных кадров для специального рода. На основе изучения архивных и других документов автор смог проанализировать социальный состав учащихся Московской инженерно-артиллерийской школы, динамику совершенствования учебного процесса в этих и других военно-специальных школах. Характеризуется организаторская деятельность Якова Вилимовича Брюса, направленная на создание системы подготовки инженерных и артиллерийских кадров для русской армии в первой четверти XVIII в.

In clause there is a speech about process of creation and activity of military-special educational institutions (the Moscow engineering-artillery and engineering school, the Санкт-Petersburg artillery and engineering school) for preparation of the national command staff for a special arm of the service – artilleries, to the considered{examined} period. Jacob Vilimovicha Bruce's directed on creation of system of preparation of the engineering and artillery staff for Russian army in the first quarter of XVIII century the organizing activity is characterized

Ключевые слова: первая четверть XVIII в., Я.В. Брюс, артиллерийские и инженерные кадры, артиллерийские военные школы, инженерные военные школы, структура школ, социальный состав школьников.

Key words: the first quarter of XVIII century, J.V.Brjus, the artillery and engineering staff, artillery military schools, engineering military schools, structure of schools, a social composition of schoolboys.

Личности Якова Вилимовича Брюса (1669–1735) исследована в большом количестве исторической литературы [2; 3; 4; 6; 7; 8; 15; 16]. К числу наиболее крупных исследований, прежде всего, следует

* **Бенда Владимир Николаевич**, кандидат исторических наук, доцент, доцент военной кафедры Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

отнести, ставшим классическим труд М.Д. Хмырова «Главные начальники русской артиллерии: Второй генерал-фельдцейхмейстер граф Яков Вилимович Брюс (1704–1726)» [17, № 2, с. 81–136; № 3. с.153–194; № 4. с. 249–291].

В данной статье предполагается введение в научный оборот новых документов и материалов, которые расширят и дополнят уже опубликованные сведения о личности самого Я.В. Брюса и его вкладе в развитие инженерно-артиллерийских школ и организацию их к концу первой четверти XVIII в. Автор не ставит перед собой цели дать подробное исследование историографии по данной теме, тем более что им это уже было сделано [5, с. 72–75], и истории инженерно-артиллерийских школ и ограничивается задачей рассмотрения некоторых вопросов, связанных с выяснением той роли, которую Я.В. Брюс сыграл в организации подготовки национальных артиллерийских и инженерных кадров для русской армии в первой четверти XVIII в.

Я.В. Брюс начал военную службу в 1686 г. в звании прапорщика, участвовал в Крымских (1687, 1689 гг.) походах князя Голицына. В 1695 г. Я.В. Брюс уже в чине капитана принимал участие в 1-м Азовском походе, в котором руководил инженерными работами. Он также принимал участие и во 2-м Азовском походе (1696 г.) и за отличия 19 июля 1696 г. был произведен в полковники [12, с. 220]. В конце 1697 г. в составе великого посольства Я.В. Брюс выехал за границу. В январе 1698 г. Брюс вместе с Петром I отплыл из Амстердама в Лондон, где слушал лекции по математике, посещал обсерваторию, изучал монетное дело в Туре [12, с. 220].

По возвращении в Россию Я.В. Брюс принял активное участие в создании новой русской армии. В июне 1700 г. он получил чин генерал-майора. В 1701–1704 гг. возглавлял Новгородский приказ и являлся губернатором Новгорода, командовал гарнизоном и участвовал в военных действиях. В 1702 г. руководил артиллерией в ходе осады Нотебурга, в мае 1703 г. опять же в качестве командующего артиллерией принимал участие во взятии крепости Ниеншанца, а в 1704 г. принимал участие в штурме и взятии Нарвы.

В 1704 г. Я.В. Брюс был назначен исполняющим должность главы Приказа артиллерии и генерал-фельдцейхмейстера, так как эта должность продолжала сохраняться за Александром Арчиловичем царевичем Имеретинским (1674–1711 гг.), который был первым русским генерал-фельдцейхмейстером вплоть до своей смерти 3 февраля 1711 г. (хотя и находился после битвы под Нарвой в плену) [11. с.12–13].

Установить точную дату назначения Я.В. Брюса исполняющим обязанности генерал-фельдцейхмейстера не удалось, хотя русский писатель и историк М.Д. Хмыров считал, что это произошло во вре-

мя ноябрьского посещения Петром I Нарвы. Первые распоряжения Я.В. Брюса относительно артиллерийского обеспечения армии относятся к середине ноября 1704 г. [17, № 2, с. 81–136]. Все указы Петра этого периода, касающиеся артиллерии, обычно начинались словами: «...Генерал-фельдцейхмейстеру царевичу Александру Арчиловичу да генерал-майору и губернатору Я.В. Брюсу с товарищи...» [1. Д. 10. Л. 534, 570 и др.].

Основанием для организации одной из первых военно-специальных школ – инженерно-артиллерийской – послужил именной указ Петра от 10 января 1701 г., которым было «...велено на новом Пушечном дворе построить деревянные школы и в тех школах учить пушкарских и иных посторонних чинов детей их словесной и письменной грамоте и цыфири и иной инженерным наукам» [1. Д. 4. Л. 894].

В 1703 г. в руководстве Приказом артиллерии произошли изменения. За казнокрадство А.А. Винус, который после смерти в феврале 1700 г. воеводы Пушкарского приказа боярина А.С. Шеина и пленения под Нарвой первого русского генерал-фельдцейхмейстера Александра Арчиловича был поставлен во главе Приказа артиллерии в звания «надзирателя артиллерии», впал в опалу и был отстранен от руководства Приказом артиллерии, а затем и Сибирским приказом. Исполняющим обязанности начальника артиллерии Петр I назначил генерал-майора Я.В. Брюса. Став новым куратором инженерно-артиллерийской школы, Брюс активно начал вникать в положение дел, сложившееся в школе к этому моменту, и предпринял первые шаги по внесению изменений в учебные программы и деятельность самой школы. К моменту начала руководства школой Брюсом в 1704 г. в ней было 300 учеников [1. Д. 4. Л. 897 об.].

Одним из таких первых шагов было внесение изменений в учебную программу «инженерной школы» и начало подготовки минеров-подкопщиков.

В письме Н.П. Павлову, старшему дьяку Приказа артиллерии, от 24 июля 1705 г. по этому поводу говорится так «...подкопного дела мастера Питера Петерсона... отпускать в тое землю (Голландскую) не доведется, потому что он швед и взят полоном. И ты прикажи ему для науки дать, выбрав из школьников человек 10, которые изучены доброй науке. И вели ему тех школьников учить подкопному делу, чему он сам умеет. А когда он тех учеников изучит, тогда, смотря по делу, и прибавка жалованья ему будет» [1. Д. 6. Л. 548–548 об.]. Школьники, изучавшие подкопное дело, должны были основательно изучить долговременную фортификацию и соответствующие тому времени способы («манеры») атаки крепостей.

Можно предположить, что с этого момента было положено начало подготовки специалистов-минеров для минерной роты артил-

лерийского полка. В последующем дело подготовки минеров было возложено на минерного капитана Жерарда Тириона, переведенного в Приказ артиллерии 17 октября 1706 г. В его команду было набрано 50 грамотных солдат различных полков, которые назывались «минерными учениками» [1. Д. 37. Л. 847; Д. 47. Л. 296, 391; Д. 7. Л. 662].

Пожалуй, одной из главных проблем, негативно сказывающейся на деятельности школы, было отсутствие определенной штатной суммы денег на её содержание, на выплату жалования преподавателям, на еду и одежду ученикам, а также отсутствие определенного источника финансирования. Из анализа переписки Я.В. Брюса с разными лицами видно, что «финансовой» проблемой он занимался на протяжении всей своей деятельности, будучи генерал-фельдцейхмейстером. В январе 1706 г. он писал Павлову: «А о даче школьным ученикам кормовой дачи, из которого приказу деньги имать, о том докладывай князя Федора Юрьевича (Ромодановского – В.Б.), чтоб он доложил царскому Величеству» [2, с. 89]. Но, видимо, вопрос с денежными выплатами не был решен, потому что 11 мая 1706 г. в письме Я.В. Брюса к Павлову снова поднимается та же тема: «О даче школьным ученикам из которого приказу кормовые деньги им имать мочно б, доложить князя Федора Юрьевича, а буде по се число не определено, о том ко мне отпиши» [2, с. 106].

В вопросах назначения окладов денежного жалования преподавателям школы Я.В. Брюс всегда проявлял принципиальность и размеры оклада устанавливал в зависимости от уровня подготовки самого преподавателя и его отношения к учебному процессу. Вместо Спиридона Печорина, о котором речь пойдет ниже, учителем «цыфирной» школы был назначен один из лучших учеников верхней «инженерной» школы семнадцатилетний пушкарский сын Михаил Борисов. Павлов писал Брюсу: «...а вместо Спиридона Печюрина нижней школы учеников приказал учить верхней школы ученику Михаилу Борисову для того, что по свидетельству той науки он Михайло достоин...» [1. Д. 9. Л. 378–378 об.], на что Брюс ответил следующим образом: «Верхней школы ученику Михайлу Борисову, который учит в Нижней школе, об окладе ... оному надлежит мне видеть о том свидетельство, совершенно ль он науку знает, чего он должен. Прикажи (имеется в виду Н.П. Павлов – В.Б.) ево Шпарейтеру посвидетельствовать и ко мне о том отписать» [3, с. 56]. Капитан Шпарейтер, освидетельствовав знания Борисова, сообщил Брюсу, что Борисов «...в арифметике навывчен, артиллерийскую науку знает довольно, учителем быть и учить ребят может» [1. Д. 32. Л. 213]. Только после этого в апреле 1707 г. Брюс дал указание Павлову: «Верхней школы ученику Михаилу Борисову вели оклад учинить на год 12 рублей» [1. Д. 33. Л. 742].

Многочисленные исследованные нами документы позволяют сделать вывод о том, что Я.В. Брюс, решая разнообразные проблемы, возникавшие в ходе руководства и обеспечения финансирования деятельности инженерно-артиллерийской школы, организуя ее учебный процесс, придавал огромное значение вопросам поддержания дисциплины как среди преподавателей, так и среди учеников школы, прибегая иногда к крайним мерам. Приведем несколько показательных примеров.

Один из преподавателей школы, некто Печорин, был склонен к пьянству. По этому поводу Павлов получил от Брюса следующие указания: «Ты ж писал, что цифирной науки учитель Печорин бывает непрестанно во пьянстве и в школу приходит изретка, и бит батоги, а от пьянства не лишится. И ты ево вели, *сковав, держать в школе непрестанно* (курсив наш – В.Б.), чтоб в ученье учеников остановки не было» [1. Д. 9. Л. 430].

Основной дисциплинарной проблемой среди учеников школы было бегство учащихся. Как показывает «подробная роспись школьным ученикам», на 20 сентября 1706 г. 57 чел. самостоятельно бросили учебу, из них: записались в солдаты и матросы – 5, в математическую школу – 1, «бежали и безвестно пропали» – 35, да «явились в неизвестных (т. е. записались, но на занятия не явились – В.Б.) и пропали безвестно» – 16. Таким образом, из 300 школьников, набранных в школу на 1 апреля 1704 г., оставили учебу и бежали свыше 1/6 части. В последующие года бегство учеников из школы, несмотря на грозившие суровые наказания, не прекратилось. Так, например, в именном списке школьников на 5 декабря 1711 г. числилось из 28 учеников Словесной школы беглых 6 чел.; из 29 учеников арифметической школы – беглых 4 чел.; из 24 учеников артиллерийской школы – беглых 3 чел. [1. Д. 7. Л. 155–157 об.]

Это явление объяснялось, с одной стороны, огромными трудностями учебы и самого процесса овладения знаниями, с другой – плохим материальным положением и относительно слабым контролем за жизнью школьников. Поскольку бегство было распространенным явлением не только в инженерно-артиллерийской, но и в математико-навигационной школе, то Петр I не мог не обратить внимания на это явление и принимал самые решительные меры по пресечению этого зла. В своих указах Петр требовал применять самые суровые меры наказания, вплоть до направления на каторжные работы, в отношении тех школьников, которые уклоняются от учебы. Эти указы Петра объявлялись и ученикам инженерно-артиллерийской школы, и на их основании Брюс пытался бороться с бегством школьников путем сыска их и сурового наказания. В письме Н.П. Павлову в августе 1707 г. он требовал: «...из Словесной школы ученики, ...записались в солдаты. И оных вели сыскать и,

учиняя им наказанье, отдать по прежнему в науку, чтоб другим не повадно так делать» [1. Д. 9. Л. 449].

Длительное отсутствие личного надзора самого Брюса за деятельностью школы не могло не отразиться отрицательно на ее состоянии и материальном положении учащихся. Указания и распоряжения в отношении школы, которые он давал в своих письмах из действующей армии, не всегда точно и своевременно выполнялись на месте, старший дьяк Приказа артиллерии Н. Павлов, занятый текущими делами и выполнением разнообразных распоряжений Брюса по обеспечению полевой артиллерии, мало уделял внимания школе и вмешивался в ее жизнь только в случае особых событий. Чаще всего он уклонялся от самостоятельного решения даже мелких школьных вопросов и, сообщая о них Брюсу, ждал его определения.

В этом отношении типичен один пример. Минуя Приказ артиллерии, Брюсу поступила жалоба от учителя геометрии и фортификации (учителя инженерной школы Петерсона – В.Б.) на «...Тимофея Кудрявцева (выражаясь современным языком – завхоз), что тому учителю он, Тимофей, чернил и бумаги не дает. И было однова, что недели с три от того никакова ученья не было. И школу, где худые места, починивать не велит. И за тем в учении тех учеников чинится остановка немалая. ... И тебе велеть Кудрявцеву у хоромного строения все худые места починивать. Також для учения оных учеников чернил и бумаги давать неотложно, чтоб за тем во учении остановки никакой не было ж» [1. Д. 9. Л. 449]. Но в этом письме Павлову, написанном Брюсом 13 июня 1706 г. в Гомеле, заслуживает внимания одна из фраз, позволяющая нам предположить, что у Я.В. Брюса возникла мысль назначить прямого начальника школы, способного решить многие проблемы на месте без вмешательства Брюса. «И надлежало бы тебе самому над школою присматривать, чтоб мне таких бездельных доук не было» [1. Д. 9. Л. 430]. Забегая вперед, скажем, что лишь в 1717 г. официально был назначен начальником школы капитан А. Брунц.

Обеспечение соответствующего тому времени уровня подготовки артиллерийских и инженерных офицеров, бомбардиров, пушкарей, мастеров и других специалистов для технического и боевого обслуживания артиллерии – одна из первостепенных задач в деятельности инженерно-артиллерийской школы, и Я.В. Брюс никогда не ослабевал контроля за уровнем подготовки такого рода специалистов. Когда возникла реальная опасность вторжения шведской армии в пределы Русского государства в 1706–1707 гг., перед Брюсом остро встала проблема комплектования действующей армии грамотными и знающими специалистами артиллерийского и инженерного дела. И Брюс со свойственной ему энергией взялся за ре-

шение этой проблемы. «Которые ученики выйдут из науки у Грана, и ты, о науке их взяв у мастера скаску, буде они подлинно изучены, и тех учеников присылай ко мне *немедленно* (курсив наш – В.Б.) [2, с. 138]. «Школьных учеников, которые в ученье у инженера Грана, взять у него ведомость, которые выучились размерам и чертежам пушечным и мортирным, також и станкам ко оным, высылай в поход которые в двадцать лет, а ниже, не высылай. Которые ниже 20 лет, а оному научены отдай их Шперрейтору в лабораторию, тоже которые у Шперрейтора оному выучились, но тому ж их высылатъ в поход» [3, с. 96].

Заботой Я.В. Брюса была не только подготовка необходимых инженерно-артиллерийских кадров, но и обучение «мастеровых людей», обладающих знаниями в области изготовления «артиллерийских припасов». С этой целью Брюс приказывал Павлову: «Тимофею Кудрявцеву прикажи, чтоб выбрать из школьных учеников робят добрых, человек с десять, которые в учении плохи, и отдать для учения в науку столярному и токарному делу» [2, с. 119].

Предметом его особой заботы была верхняя «инженерная школа», в которой школьники получали знания по геометрии, тригонометрии, артиллерии и фортификации. Именно в этой школе формировались военно-теоретические знания и взгляды будущих инженерно-артиллерийских специалистов. Документы свидетельствуют о том, что Я.В. Брюс постоянно уделял внимание совершенствованию ее учебной программы и заботился о том, чтобы учащиеся этой школы получили не только необходимые теоретические знания, но и прошли практику на полигоне, в лаборатории и на Московском пушечном дворе.

Давая указание Павлову о выборе шести школьников верхней школы, «изучивших геометрию и фортификацию», и направлении их в лабораторию к капитану Шпаррейтеру, Брюс определил и программу их дальнейшей учебы, чтобы «...он тех учеников изучил подлинно своему делу чему он сам в артиллерных делах научен...не только чертежи всякие, но и пушечной стрельбе и бомбам надлежит быть бросания» [1. Д. 9. Л. 427–428].

В связи с введением в русской артиллерии единой шкалы калибров и изменения меры веса, Брюс немедленно дал указание Павлову сообщить учителю верхней школы, чтобы «...в школе у Петра Грана при учении начертания мортир и гаубицов употреблял меру английского фута...а каменного веса меру оставил бы» [1. Д. 6. Л. 635].

Осуществив перевод на русский язык, а затем и издание, присланной ему в 1707 г. Петром I книги «о употреблении циркуля и линейки», Брюс, очевидно, решил внести изменения в существовавшую учебную программу школы и составил новую программу по геометрии.

Среди писем и бумаг Я.В. Брюса за 1709 г. нам удалось найти черновой набросок программы по геометрии, написанной его рукою и состоящий из следующих 20 пунктов: «точка; линия; параллельные прямые; параллельные кривые; угол начертить; прямой угол начертить из середины линии; тако ж по конец линии; из точки сверх линии; как начертить прямоугольной; как иные начертить; как квадрат начертить; параллелограмм; как ромбус; как ромбоидес; трапециум; линию делить параллелам; делить линию треугольником; цыркули делить обычай; по треугольнику; еще иным способом как написано в книжке употребление цыркуля и линейки» [1. Д. 39. Л. 165 об.].

Как показывает содержание этого наброска, программа состояла из пунктов, относящихся более к практике геометрического черчения, в результате чего учащиеся должны были в совершенстве овладеть навыками пользования математическим инструментарием.

Отметим, что в 1707 г. Я.В. Брюсом также была переведена на русский язык еще одна книга, которую он сам в письме к Петру I назвал «книга Бухнерова». Эта книга была напечатана в Москве в августе 1711 г. под названием «Учение и практика артиллерии или внятное описание в нынешнем времени употребляющиеся артиллерии, купно с иными новыми и во практике основанными маниры, ко вящему научению все предложено надобнейших чертежей. Изъяснено Курфирста Саксонского артиллерии порутчиком Иоанном Зигмунтом Бухнером» [3, с. 207]. Эта книга использовалась в качестве учебного пособия не только в инженерно-артиллерийской школе, но и в других военно-учебных заведениях, действовавших на тот момент и созданных позже.

Брюс нетерпимо относился к существовавшей у администрации Приказа артиллерии практики отрыва больших групп школьников от учебы и возложения на них различного рода служебных поручений. В его переписке с Н. Павловым и Е. Зыбиным неоднократно встречаются требования о запрещении посылать школьников в качестве сопровождающих партии рекрутов, артиллерийских припасов, денежной казны, лошадей и пр. «Школьников артиллерийских с Москвы в деревни отнюдь не отпускать, – писал Брюс Е. Зыбину, – и за припасами впредь никуда не посылать, понеже оные на Москве определены быть ради учения, а не посылок» [1. Д. 217. Л. 33–33 об.]. Сообщая московскому коменданту Измайлову, что отправленные артиллерийские припасы из Москвы «до Новгорода не доведены и брошены...и ямщики побежали, а посланных с Москвы провожатых школьников и подъячих перебили», Брюс в конце пишет: «а школьников было и посылать не надлежало понеже они тому незаобычные люди и оставлены учиться а не за припасами ездить» [1. Д. 180. Л. 94].

Предметом особой заботы Я.В. Брюса было увеличение контингента учащихся школы и изменение социального состава школьников за счет большего приема дворянских недорослей. Как известно, Петровские указы 1701 г. об учреждении в Москве одновременно инженерно-артиллерийской и математико- навигацкой школ широко открыли двери для образования детям всех сословий. В развитии русского светского образования это было закономерным явлением, поскольку дворянских недорослей приходилось привлекать к учебе в новых учебных заведениях «с великим принуждением».

Исходя из политики сосредоточения всех командных высот в государстве в руках господствующего дворянского класса, Петр принимал самые энергичные и решительные меры к тому, чтобы дать образование в первую очередь дворянским недорослям и тем самым подготовить их для несения службы в рядах руководящей военной и гражданской администрации. Усилия Петра привели к тому, что в сознании дворянства происходил перелом, и уже к концу первого десятилетия XVIII в. наметилась склонность к получению образования как необходимого условия для успешного прохождения последующей службы.

Я.В. Брюс верно и последовательно проводил эту политику Петра и стремился к тому, чтобы и среди школьников инженерно-артиллерийской школы было больше детей дворян. Давая указания Е. Зыбину о наборе новых учеников, Брюс в июле 1711 г. в своем письме к нему требовал «как ни есть добиваться, чтоб из дворянских детей для науки в нашу школу записывались» [1. Д. 131. Л. 343].

О социальном составе учащихся инженерно-артиллерийской школы дает представление табл. 1 [1. Д. 7. Л. 155–157 об.]:

Таблица 1

Социальный состав учащихся
инженерно-артиллерийской школы

Школы	Дворянские	Пушкарские	Воротников	Посадские	Подъездные	Солдатские	Боярские	Церковных	Всего
Словесная	12	4	-	5	3	3	-	1	28
Арифметическая	13	10	1	4	-	3	1	-	32
Артиллерийская	6	18	-	-	-	-	-	-	24
Итого	31	32	1	9	3	6	1	1	84

Однако в дальнейших распоряжениях Брюса по вопросу о том, кого принимать в школу, мы наталкиваемся на явное противоречие. Когда Е. Зыбин в апреле 1714 г. сообщил ему о том, что «...приходят для записи в артиллерийскую школу из небогатых дворянских детей и оных в артиллерию принимать или нет...», Брюс ответил: «...в школу из дворянских детей до указа не принимать» [1. Д. 164. Л. 26 об., 27об.].

Анализ документов дает возможность объяснить это противоречие и, по существу, снять его. Для этого необходимо еще раз вернуться к структуре инженерно-артиллерийской школы. Ее нижние отделения – «словесную» и «цыфирную» школы – Брюс всегда рассматривал как необходимую, но недостаточную ступень для подготовки грамотных нижних чинов артиллерии, которых явно не хватало в тот момент, и мастеровых людей. И действительно, основная масса учеников этих школ не доходила до верхней «инженерной» школы. Значительная часть их после прохождения учебных программ «словесной» и «цифирной» школ направлялась на службу в походную полевую и гарнизонную артиллерию бомбардирами и гобоистами. Только в апреле 1713 г. в артиллерийский полк были направлены 11 школьников «геометрической науки» [1. Д. 154. Л. 81, 88]. В письме Н. Павлову в декабре 1708 г. Брюс писал: «...вышлите сюда из школьных артиллерийских учеников 2-х человек лет 15 в гобоисты, которые до большой науки быть неудобны...» [1. Д. 38. Л. 807].

С весны 1714 г., находясь постоянно в С.-Петербурге, Брюс неоднократно докладывал интересующемуся ходом школьного образования Петру о состоянии и нуждах Московской инженерно-артиллерийской школы и заручился его согласием на увеличение числа школьников в ней. В письме Е. Зыбину 14 января 1716 г. он писал: «Его царское величество по именному своему великого государя указу вчерашнего дня указал дабы во Артиллерийской школе учеников в науке артиллерийской было большей и того ради прикажите еще на Конюшенном дворе светлицы две к нынешним школам приделать и школьников набрать по прежним указам из пушкарских, из воротничих, извозчых детей, также из вольных набирать же кроме шляхтичей и из холопей не принимать и учить их велеть цыфири и потом чертежам артиллерийским и сколько набрано будет о том ко мне писать и ныне пришлите имянной список всем обретающимся школьникам в науке артиллерийской и кто что учит и из каких чинов и что кому дается жалованья о том в том списке означить имянно и впредь по вся месяцы присылать ко мне...» [1. Д. 196. Л. 80].

Как видно из этого распоряжения Я.В. Брюса, речь шла об укомплектовании «словесной» и «цыфирной» школ новыми учениками из числа детей пушкарей, воротников, артиллерийских извоз-

чиков, а также из других вольных чинов людей, за исключением детей дворян и крепостных, или, как писал Брюс, «из холопей». Когда в июле 1717 г. Е. Зыбин сообщил ему в Петербург, что «...ныне многие разных чинов людей дети бьют челом для учения в словесную и цифирную школу, а имянно: подъячество, солдатские и посадские и задворные конюхов дети из иных чинов и каких чинов в артиллерийскую школу принимать...» [1. Д. 217. Л. 197], Брюс еще раз разъяснил, что «...во артиллерийскую словесную и цифирную школу подъячих и солдатских детей велите принимать, а шляхетских, конюшенного чину и посадских не принимать до указу» [1. Д. 217. Л. 203].

Успешно решив вопросы увеличения контингента учащихся школы и изменения социального состава школьников, Я.В. Брюс в этот период принимал и другие меры, направленные на благоустройство школы, улучшение учебного процесса, укрепление дисциплины школьников и усиления контроля за их учебой и поведением.

В мае 1717 г. Я.В. Брюс назначил капитана А. Брунца начальником Московской артиллерийской школы, о чем сообщил для ведома Е. Зыбину. «... Всех артиллерийских школьников, – писал Брюс, – нынешней к вам отсылки и прежних такожде и пушкарских детей и прочих артиллерийских служителей которые в артиллерийских школах обретаются определил я ведать и в ученье надзирать капитану Брунцу и вам о сем быть известну и тех школьников без ведома ево вам не брать и никуда не посылать» [1. Д. 217. Л. 150 об.]. Сам факт введения должности начальника Артиллерийской школы является весьма примечательным.

На основании опыта 16-летнего существования школы и руководства ею, Я.В. Брюс убедился, что администрация Приказа артиллерии, даже в лице такого опытного и знающего в делах артиллерии человека, каким был обер-комиссар подполковник Е.П. Зыбин, не в состоянии осуществлять достаточно квалифицированный и неослабный контроль за учебным процессом и всей деятельностью школы. Назначением на эту должность по совместительству начальника артиллерийской лаборатории капитана Андрея Брунца Брюс решил важную задачу в области организации руководящей администрации школы. В руках последнего было отныне сосредоточено общее руководство как за теоретической, так и за практической подготовкой школьников.

В связи с ростом числа учащихся в школе, особенно в ее «цифирном» и «верхнем» классах, встал вопрос об увеличении штата преподавателей математического цикла. В январе 1717 г. в Московскую школу был направлен учителем арифметики, геометрии и тригонометрии певчий комнаты царицы Прасковьи Федоровны Игнатий Побегалов. В ноябре 1717 г. в школу прибыл еще один учитель

предметов математического цикла. Это был подьячий ближней канцелярии Петр Зиновьевич Мартов, который именным указом Петра I назначался в артиллерию, «...ради учения артиллерийских учеников математической науке» [1. Д. 212. Л. 93]. Очевидно, Мартов был человеком незаурядным, хорошо образованным в области техники и математики, известным Петру по каким-то предложениям и табелям поданным на его имя еще в 1709 г. 26 ноября 1717 г. Сенат рассмотрел, эти предложения Мартова и постановил «...оставя с них в Ближней канцелярии копии отослать в Артиллерийскую канцелярию к геверал-фельдцейхмейстеру и кавалеру Якову Вилимовичу...» для окончательного определения [1. Д. 202. Л. 391–392]. Очевидно, предложения Мартова носили какой-то технический характер, поскольку они были направлены на заключение к Я.В. Брюсу. К сожалению, в документах не удалось обнаружить ни содержания этих предложений, ни ссылок на их последующую судьбу.

Нами уже отмечалось, что Я.В. Брюс принимал самые активные меры и к тому, чтобы в низших «словесной» и «цыфирной» школах продолжали обучаться дети пушкарей, имея в виду подготовку из них грамотных канониров артиллерии и мастеровых Приказа артиллерии. Тяга к учебе детей этой категории была очень большой. Об этом красноречиво свидетельствует письмо Ефима Зыбина, написанное им в декабре 1718 г. Брюсу: «По указу вашего превосходительства велено для учения в артиллерийскую школу набирать из пушкарских детей и учить их цифири и протчим наукам (курсив наш – В.Б.) и из оных пушкарских детей в науках обретается 24 человека. А ныне непрестанно просят пушкарские дети из малолетних чтоб их записывать в словесную и протчие науки (курсив наш – В.Б.) и того ради прошу...определить указом к помянутому числу из артиллерийских пушкарских детей в школу принимать ли» [1. Д. 232. Л. 239-239 об.]. В январе 1719 г. Брюс еще раз подтвердил: «...пушкарских детей в школу принимать» [1. Д. 240. Л. 11, 12, 20].

Можно предположить, что к 1719 г. Московская инженерно-артиллерийская школа была вполне благоустроенным учебным заведением. Она помещалась в новых, приспособленных помещениях, располагала необходимым штатом вполне квалифицированных учителей. В школе был налажен учебный процесс. К середине 1719 г. в ней обучалось 107 учеников.

О структуре школы и социальном составе учащихся наглядное представление дает табл. 2, которая составлена автором на основании «Именного списка артиллерии генерального и Полкового штаба обер- и унтер-офицеров, рядовых, инженерной школы, находящимся в С.-Петербурге и в Москве».

Наименования отделений или классов также даны в соответствии с указанным «Именным списком» [1. Д. 230. Л. 483 об.-493].

Структура и социальный состав учащихся
Московской инженерно-артиллерийской школы

Отделения или классы	Сыновья								Всего уча- щихся
	Дворян	Пушкарей	Подъячес- ких	Посадских	Солдат	Монастыр- ских	Аптекарьских	Иностранцев	
В артиллерийской науке	20	3	-	-	3	-	-	-	26
В геометрической науке	11	6	1	-	1	-	-	1	20
В арифметической науке	19	7	4	2	2	-	1	2	37
В письменной и словесной науке	-	19	-	1	1	1	-	2	24
ИТОГО	50	35	5	3	7	1	1	5	107

Как видно из табл. 2, в 1719 г. дворянские школьники составляли около 50 % всего состава учащихся инженерно-артиллерийской школы, причем на отделениях, где изучались предметы математического цикла, число их превышало 50 %, а в верхней артиллерийской школе они уже составляли подавляющее большинство. Следующими за ними по числу мест шли дети пушкарей.

Цифры, указанные в табл. 2, требуют некоторых уточнений. Например, в число 20 дворянских детей, обучавшихся артиллерийской науке (2-я строка, 2-й столбец табл. 2) входило 16 чел., присланных из школы математико-навигационных наук и Морской академии в 1714–1717 гг. А в число 11 дворянских детей, обучающихся геометрической науке (3-я строка, 2-й столбец), входило 10 чел., присланных из Морской академии и школы математико-навигационных наук в 1716 г. Также в число дворянских детей, обучающихся арифметической науке (4-я строка, 2-й столбец), входило 17 чел., присланных из Морской академии и школы математико-навигационных наук в 1717–1718 гг. Как видно из табл. 2, на завершающем этапе обучения, т. е. в «верхней» артиллерийской школе, к концу 1719 г. больше обучалось дворянских недорослей, чем детей других сословий.

Общеизвестно, что концу второго десятилетия XVIII в. перенесение столицы российского государства из Москвы в Петербург практически было завершено. В 1713 г. в Петербург полностью переехал двор, в конце 1713 г. сюда был переведен правительствующий Сенат, в 1718 г. завершил переезд из Москвы и дипломатический корпус.

С момента основания и успешного строительства литейного двора, или Арсенала и Пороховых заводов, центр артиллерийского производства постепенно все более перемещался из Москвы в Петербург. Хотя Приказ артиллерии все еще продолжал функционировать в Москве, руководящая роль в делах управления артиллерией все более сосредотачивалась в руках С.-Петербургской артиллерийской канцелярии. С 1714 г. в Петербурге постоянно, за исключением служебных командировок, находился и сам генерал-фельдцейхмстер Я.В. Брюс, здесь располагалась и большая часть артиллерийского полка во главе с генерал-майором И. Гинтером.

Перенесение в Петербург основной базы артиллерийского и порохового производства и самого руководства Артиллерийским ведомством, наличие здесь квалифицированных кадров артиллерийских и инженерных специалистов создало благоприятные условия для организации в новой столице второго центра инженерно-артиллерийского образования, базой для организации которого в Петербурге в конце 20-х гг. XVIII в. стала С.-Петербургская артиллерийская лаборатория, или «лабораторный дом», которую длительное время возглавлял образованный и опытный специалист в области артиллерии и инженерного дела подполковник Матвей Витвер [1. Д. 230. Л. 116, 124, 164–166, 171].

В 1721 г. Высочайшим именованным указом от 13 марта в Санкт-Петербурге была основана особая школа на 30 человек при С.-Петербургском лабораторном доме, в которой обучались состоящие на службе артиллеристы [10, с. 8]. Программа их обучения включала арифметику, геометрию, тригонометрию и все, что касается артиллерии.

К 1723 г. в С.-Петербурге успешно осуществляла свою деятельность инженерная школа, с которой слилась существовавшая с 1712 г. Московская инженерная школа. Во исполнение Указа Петра I генерал-фельдцейхмейстеру Брюсу («Для учения инженеров и мейстеров надлежит, кроме бумаги, на земле практиковать, ... для чего удобна старая крепость Канецкая...») [10, с. 4] в школе был организован не только теоретический курс подготовки инженеров, но и практический для закрепления теории.

В конце 20-х гг. XVIII в. в России произошли перемены в системе государственного управления. Опираясь на положительный опыт европейских государств, в которых существовала более совершенная по сравнению с приказной коллегиальная форма управления, Петр I решил ввести такую же форму управления и в России. Высочайший указ от 22 декабря 1718 г. утверждал, что «...в Приказах судьи делали, что хотели в Коллегиях же президент без своих товарищев ничего учинить не может...» [13].

Берг- и мануфактур-коллегию, ведавшую горной промышленностью, мануфактурами и т. д., возглавил Я.В. Брюс, оставаясь при этом в должности генерал-фельдцеймейстера. Формирование совершенно новых по сфере деятельности ведомств естественно расширило круг вопросов и практических дел, которые находились в ведении Я.В. Брюса, что, разумеется, не способствовало оперативности решения некоторых из них. Об этом как раз и свидетельствует одно из писем Президента берг- и мануфактур-коллегий Я.В. Брюса в Сенат о невозможности сбора им документов для начала деятельности коллегий из-за отлучки «к другим делам» [14. Д. 14. Л. 73]. Преобразования коснулись и артиллерийского ведомства, напрямую затронув систему центрального артиллерийского управления. В хронологических рамках нашей статьи, посвященной учреждениям управления артиллерийскими делами, они известны под следующими наименованиями: Приказ артиллерии (26 июня 1701 г. – 23 мая 1720 г.), Санкт-Петербургская артиллерийская канцелярия [47] (18 февраля 1714 г. – 23 мая 1720 г.), Главная артиллерия (23 мая 1720 г. – 29 июня 1729 г.). В 1723 г. был разработан «Регламент о должности Главной артиллерии», в соответствии с которым ликвидировались Петербургская артиллерийская канцелярия и Московский приказ артиллерии, а при Главной артиллерии учреждалась Главная артиллерийская канцелярия [9, с. 49]. В ведении Главной артиллерийской канцелярии находились: личный состав артиллерии, артиллерийские и инженерные школы, инженеры и прочее.

Несмотря на загруженность другими делами по организации принципиально нового органа военного управления – Главной артиллерийской канцелярии, сочетавшей в себе функции руководства в вопросах боевого применения артиллерии, артиллерийского снабжения и подготовки инженерно-артиллерийских кадров, Я.В. Брюс не ослаблял контроля за деятельностью военных школ и организацией учебного процесса в них.

18 января 1722 г. Брюс сложил с себя полномочия президента мануфактур-коллегии и всецело занялся делами берг-коллегии и артиллерии. В письме из Москвы в С.-Петербург генерал-майору Гинтеру от 29 марта 1722 г. он давал указания относительно денежного жалования учителю Санкт-Петербургской артиллерийской школы Петру Мартову: «... на нынешний 1722 год ...по пяти рублей и девяносто четыре копейки не менять...» [1. Д. 30. Л. 27]. В другом письме от 12 мая 1722 г. на имя генерал-майоров Гинтера и де Кулона, начинавшегося так: «Благородныя господа генерал-майоры...» [1. Д. 30. Л. 47], Брюс уточнял оклады денежного содержания артиллерийским школьникам в С.-Петербурге. Опять же в письме «Благородным господам-генералам...» от 18 мая 1722 г. он

давал выяснить причины, почему ученики, которые были отданы для обучения к инструментальным мастерам, по их свидетельству, «...оныя науки и по се время не изучены... Ваше благородие, извольте приказать взять у оных учеников сказку, чего ради они по се время не обучились тоим наукам, а мастерам их велить подписаться для чего они их не выучили...» [1. Д. 30. Л. 51]. Интересовался Я.В. Брюс не только школьными делами, но и вопросом дисциплины в школах «...команды генерал-майора господина де Кулона кондуктора Никиту Садовского, который... без ведома командирского отлучился и многое время был несыскан... одного кондуктора сыскать...» [1. Д. 30. Л. 96].

В 1722 г. с целью упорядочения артиллерийского образования был разработан новый штат артиллерийских школ, в соответствии с которым Московская артиллерийская школа являлась уже подготовительной. В ней школьники изучали только общеобразовательные дисциплины, после завершения обучения в Московской артиллерийской школе учеников переводили в Петербургскую, где они изучали только артиллерийское дело [9, с. 64]. Я.В. Брюс с присущей ему педантичностью и вниманием осуществлял контроль за переводом школьников из Москвы в С.-Петербург, требуя предоставления ему списков школьников Московской артиллерийской школы, оправляемых в С.-Петербург. В архивных материалах мы нашли один из таких списков, из 43 «...школьных учеников которых в прошлом году послали в Санкт-Петербург из Московской артиллерийской школы», представленный Я.В. Брюсу в октябре 1722 г. [1. Д. 30. Л. 125].

После смерти Петра I и во время царствования Екатерины I, Я.В. Брюс 30 августа 1725 г. был награжден орденом Александра Невского. Но постепенно его тайные и явные недоброжелатели с помощью интриг стали отодвигать Брюса от системы государственного управления. При учреждении 8 февраля 1726 г. верховного тайного совета, образованного из шести сподвижников Петра I, составлявших вместе с Брюсом ближайшее его окружение, последний в состав членов совета не был включен. В поданой императрице записке («Записки о состоянии России»), П.И. Ягужинский указал в статье о генерал-фельдцейхмейстере Я.В. Брюсе, что «...немалый апартамент в государстве артиллерия, и генерал-фельдцейхмейстер уже весьма ослабел» [12, с. 221]. Самолюбивый Брюс немедленно же подал в отставку. 4 июня 1726 г., Я.В. Брюс был произведен в генерал-фельдмаршалы и уволен от службы. После своей отставки через

несколько дней он выехал из Санкт-Петербурга и поселился в своем поместье Глинках недалеко от Москвы.

Таким образом, как генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс много сделал для развития инженерно-артиллерийских школ в первой четверти XVIII в. Он внес достойный вклад в процесс подготовки военных артиллерийских и инженерных кадров для русской армии на этапе становления и развития системы их подготовки, не только как ее организатор, но и как видный государственный, военный, политический деятель, дипломат и ученый, артиллерист и инженер, как автор, переводчик и редактор многих научных книг по математике, военному делу, географии и астрономии, необходимых для обеспечения учебного процесса в артиллерийских и инженерных школах.

Обширные теоретические знания, особенно в области математики, пристальное знакомство с материальной частью артиллерии в Вулическом арсенале в Лондоне в 1698 г., а также длительный боевой опыт позволили Я.В. Брюсу осуществить глубокие преобразования как в области артиллерии, так и в организации подготовки артиллерийских военно-инженерных кадров.

Под руководством Приказа артиллерии, преобразованного в 1720 г. в Главную артиллерию, объединялось не только артиллерийское, но и специальное инженерное образование. Несомненно, можно констатировать, что подготовка артиллерийских и инженерных кадров в отечественных военных школах, организованная под руководством генерал-фельдцейхместера Я.В. Брюса, самого просвещенного и образованного из всех сподвижников Петра, позволила уже в 20-х гг. XVIII в. ограничить приглашение на службу иностранных артиллерийских и инженерных офицеров. Это стало возможным в том числе благодаря деятельности генерал-фельдцейхмейстера Я.В. Брюса. И, наконец, первые артиллерийские и инженерные школы, становление и развитие которых прошло под эгидой Я.В. Брюса, положили начало формированию русской национальной военной школы нового времени.

Список литературы

1. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 1.
2. Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. – Т. 2. – СПб.-Щелково, 2005.
3. Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. – Т. 3. – СПб.-Щелково, 2006.

4. Бантыш-Каменский Д.Н. 8-й генерал-фельдмаршал граф Яков Вилимович Брюс // Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. – Ч. I. – М., 1991. – С. 147-153.
5. Бенда В.Н. Создание и деятельность артиллерийских школ в России (конец XVII века – 1725 год): дис... канд. ист. наук. – СПб.: ЛГУ им. А.С.Пушкина, 2004.
6. Библиотека Я. В. Брюса: Каталог / сост. Е.А. Савельева. – Л., 1989.
7. Ефимов С.В., Маковская Л.К. В ожидании шведского нашествия. Начальник русской артиллерии Я.В. Брюс в 1707 г. // Сб. исслед. и материалов Военно-истор. музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Вып. VIII. – СПб., 2006.
8. Забелин И.Е. Библиотека и кабинет графа Я. В. Брюса // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. С. Тихонравовым. – Т. I. – М., 1859.
9. История Отечественной артиллерии. – Т. 1. – Кн. 2. – М., 1960.
10. Ломан Н.Л. Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса. – СПб., 1862.
11. Махнач В. Великая Грузия, присягнувшая России на Коране и Евангелии // Аргументы недели. – 2007. – № 34 (68).
12. Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. – СПб., 1995.
13. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. первое (ПСЗ). – Т. V. – СПб., 1830. – №. 3261.
14. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп.1. Кн.42.
15. Синдеев В.В., Ерофеева А.Ф. Усадьба Глинки и ее владелец // Памятники Отечества. – 1989. – № 2.
16. Хлебников Л.М. «Русский Фауст» // Вопр. истории. – 1965. – № 12.
17. Хмыров М.Д. Главные начальники русской артиллерии: Второй генерал-фельдцейхмейстер Яков Вилимович Брюс (1704–1726) // Артиллерийский журнал. – 1866. – № 2, 3, 4.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ

УДК 94(47)"18/19":347.64
ББК 63.3(2)531-282.2

*В. Н. Заколотная**

Организация и функционирование крестьянской опеки над сиротами в России во второй половине XIX – начале XX в.

В статье дается характеристика института крестьянской опеки над сиротами, существовавшего в России во второй половине XIX в. Особое внимание уделяется роли и влиянию общины.

The article characterizes the state of peasant custody over the orphans, which existed in the second part half of the XIX-th century. The article pays special attention to the role and influence of the community.

Ключевые слова: Россия, опека, сиротство, несовершеннолетние, имущество, община.

Key words: Russia, custody, orphanage, the adolescent, property, community.

Во второй половине XIX – начале XX в. в России возникли особые исторические условия, обострившие проблему сиротства. Одной из важнейших причин этого стало разрушение патриархальных устоев российского общества, массовый «исход» крестьян в города.

Традиционный уклад Российского общества до начала реформ середины XIX в. обусловил формирование достаточно устойчивых и развитых институтов опеки и попечительства, основанных на сословном принципе. Эти институты отдельно были установлены законом для дворянства, купечества и крестьянской общины. В то же время фактически до начала реформ институты опеки и попечительства не требовали подробной законодательной регламентации, поскольку основывались на традиции и сложившихся этических принципах патриархального общества.

Э.Ф. Шамсумова отмечает исторически сложившуюся к началу исследуемого периода «слабость государственного начала России, которая, с одной стороны, мешала формированию определенных юридических форм, правовых основ общества и правовой культуры

* **Заколотная Вера Никифоровна**, аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

в целом, ибо патриархальный уклад государственности порождал и соответствующие типы нормативного регулирования общественных отношений: традиционные (обычаи, передаваемые изустно, через поведенческие акты), морально-религиозные и патриархально-семейные, хотя при этом уже существовали письменные юридические тексты» [19, с. 43]. Недаром, даже в XIX в. помещика и всякого начальника крестьяне называли отцом (в том же ряду «царь-батюшка»), а себя – его детьми [9, с. 15].

К началу исследуемого периода русское общество было пронизано кровно-родственными, патриархальными понятиями и представлениями, что сильно препятствовало развитию правовой культуры и, в частности, установлению правовой регламентации общественного призрения за самыми слабозащищенными членами общества – детьми-сиротами. Кровно-родственные отношения, патриархально-семейная стихия и мировосприятие широко распространены в более крупных общностях, чем семья и община. И, вероятно, в таком обществе менее всего можно ожидать развития правовых начал.

Слабая российская государственность возлагала многие фискальные, судебные и иные функции на мир, общину, что позволяло последней длительный период времени и с большей для себя эффективностью препятствовать выделению из общины человека как личности (индивидуальности), а это потребовало бы уже правовых регуляторов и способствовало бы быстрому развитию правовой культуры [6, с. 283].

Функция социальной защиты своих членов традиционно была для сельской общины одной из важнейших. Можно согласиться с В.Б. Безгиным, который отмечал, что «Крестьянская опека над сиротами основывалась как на проявлении традиций христианского милосердия, так и на действии правовых обычаев русской деревни» [2, с. 68]. В Общем положении о крестьянах вопрос об опеке разрешался на основе норм обычного права. В нем, в частности, говорилось о том, что «в назначении опекунов и попечителей, в проверке их действий и во всех всего рода делах крестьяне руководствуются местными своими обычаями» [10, с. 40].

Следует отметить, что крестьянские обычаи в области призрения «сырых и убогих» отличались завидным единообразием. Опека над детьми в деревне устанавливалась в случаях смерти одного или обоих родителей, а также в случае их умопомешательства или неизвестного отсутствия [11, с. 271]. Юрист М.И. Зарудный, изучавший правовые воззрения русских крестьян второй половины XIX в., в своем исследовании писал, что «опекун назначается обыкновенно сельским сходом. За управление имуществом никакого вознаграждения не получается» [8, с. 101].

Существование в русской деревне обычая опеки подтверждается документами сенатской комиссии по преобразованию волостных судов, собравшей обширный фактический материал, характеризовавший состояние крестьянского правосудия в начале 70-х гг. XIX в. [18]. В заключении комиссии по результатам обследования волостей Тамбовской губернии утверждалось, что «для заведывания имуществом малолетних сирот общество выбирает опекуна» [18. Т. 1, с. 12, 85, 95, 102, 425].

Аналогичные сведения о крестьянской опеке содержатся в материалах Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. В корреспонденциях сельских жителей, датированных концом 90-х гг. XIX в., сообщалось, что «мир обязательно заботится об устройстве малолетних сирот» (Костромская губерния); «община в отношении сирот принимает самое деятельное участие» (Калужская губерния); «опека устраивается с целью прокормить опекаемого до совершеннолетия и сохранить его имущество» (Вологодская губерния) [11, с. 30; 13, с. 160].

Назначение опекунов являлось исключительной прерогативой сельского схода. По утверждению В.В. Тенишева, «мир всевластен в отношении назначения опекунов: он имеет право отстранить от опеки не только близких родственников, но даже и мать, он может аннулировать завещательное распоряжение, касающееся опеки» [17, с. 133].

Установление опеки над детьми, оставшимися без попечения родителей, чаще всего осуществлялось в русской деревне посредством составления общественного приговора. «Назначение опеки и попечительства над сиротами делается сельским сходом, миром, без соблюдения формальностей» [15, с. 104] – к такому выводу пришел Е.Т. Соловьев, автор очерков народного юридического быта. Вместе с тем, по мнению юриста Н. Бржеского, в ряде волостей Пензенской, Саратовской, Тамбовской губерний опекуновое управление не устанавливалось. В таких волостях сирот вместе с имуществом разбирали родственники, и о дальнейшей судьбе этих сирот ничего не было известно [3, с. 11]. В деревнях же Вологодчины на сельском сходе, собираемом для выбора опекуна, составлялся приговор, который вносился в особую «приговорную книгу», хранящуюся у сельского старосты [13, с. 160]. Составление именно письменного решения об установлении опеки было в большей мере характерным для крестьянского быта второй половины XIX в.

Право первой очереди предоставлялось матери, которая считалась «естественной опекуной» [12, с. 64]. Так, при назначении опеки в селах Тамбовской губернии «после смерти

домохозяйина опекуной обыкновенно назначалась его вдова, если она женщина хорошего поведения и рачительна к хозяйству» [14, с. 85]. Но в случае ее неблаговидного поведения или недоверия общества к ней приставляли дополнительно опекуна часто из родственников мужа, а иногда и совершенно постороннего человека. Так, в с. Рождествене Пошехонского уезда Ярославской губернии после смерти крестьянина Н. сход назначил опекуном его сыну Ивану родного дядю, так как вдова покойного «отличалась свои легким разгульным поведением» [12, с. 64].

В ряде сел по местному обычаю вдова при повторном замужестве и переходе на жительство в чужой двор утрачивала право опеки [13, с. 377]. Если мать брала мужа себе в дом, то опекуном мог стать отчим, но лишь в том случае, если был достойным человеком и перед всем сходом давал обещание заботиться о детях жены [16]. Таким образом, благочестивая репутация опекуна выступала главным критерием в решении вопроса установления опеки. В этом наглядно проявлялось действие нормы обычного права – решать «глядя по человеку».

Опекуны назначались из числа родственников, преимущественно близких, связанных с малолетними сиротами не только кровной связью, но и хозяйственными интересами [11, с. 30; 12, с. 64]. По сообщению Н. Козлова, корреспондента Этнографического бюро, из села Архангельского Кромского уезда Орловской губернии «опекуны назначаются преимущественно из своих односельчан либо родственников, либо из-за отсутствия таковых – соседей, или просто из благонадежных однообщественников». Выбор опекуна производился на сходе, и решение об этом оформлялось мирским приговором, который представлялся на утверждение земскому начальнику [17, с. 148]. После выбора или назначения опекуна на сходе староста с вновь избранным и с понятыми из крестьян описывал имущество и опись эту вносил в отдельную книгу, называемую опекуной [13, с. 160].

Если после смерти родителей в крестьянском дворе оставалось движимое имущество, то оно продавалось, а вырученные средства отдавались в волостное правление. Оттуда деньги выдавались желающим в ссуду под проценты с условием одного поручительства на каждые 10 руб. [18. Т. 1, с. 12, 15, 35, 85]. По завершении опеки денежные средства и проценты по ним возвращались опекаемому. Земельный надел сиротского двора сдавался миром в аренду желающим общинникам за уплату податей.

Материальное обеспечение сироты являлось главной заботой односельчан. Круглые сироты проживали у своих родственников, которые в случае отсутствия дохода с имущества опекаемого содержали их на свои средства. При таком способе опеки мир

никаких письменных актов не составлял [15, с. 104]. Существование обычая попечительства без наследства трактовалось некоторыми исследователями обычного права как отсутствие опеки у крестьян [2, с. 70].

В судьбе ребенка, оставшегося без попечения родителей, принимала участие вся община. В том случае, если сирота не имел имущества, ему избирали воспитателя, который о нем заботится «до тех пор, пока он не сможет пропитываться именем Христовым» [7, с. 58]. Если родственники не были в состоянии содержать сирот, то их раздавали по состоятельным дворам. Иногда прокормление сироты брало на себя общество в целом, как это было в ряде мест Орловской губернии. В этом случае сиротский надел отходил к общине, а сам опекаемый переходил из двора во двор поочередно, получая необходимое содержание из мирских сумм [17, с. 147]. В Костромской губернии бедные сироты кормились по дворам поочередно. «Отчего для Бога не покормить», – говорили местные крестьяне [11, с. 30]. В Ярославской губернии сироты воспитывались за мирской счет. В деревне Остееве Ростовского уезда после смерти вдовы грудной ребенок был отдан в семью, где хозяйка недавно родила. Воспитывался он в этой семье до 9 лет, а потом был отдан в подпаски. Мир платил за воспитание ребенка 3 руб. 50 коп. в месяц [12, с. 275–276]. По достижении 12 лет общество отдавало деревенских сирот «в люди»: мальчиков в пастухи, девочек в «пестуны», где они уже сами зарабатывали себя на хлеб [13, с. 160].

По обычному праву опека прекращалась в случае смерти подопечного или по достижении им совершеннолетия. Срок окончания опеки зависел от местных традиций. Возраст снятия опеки по документам колебался от 18 до 25 лет [11, с. 271; 13, с. 228, 356, 377]. Обычно опеку снимали по достижении 18 лет. В Орловской губернии за совершеннолетний возраст был принят 21 год, до исполнения которого опекаемый не имел права распоряжаться деньгами и оформлять нотариальные сделки [17, с. 158, 159]. Также опека всегда прекращалась с женитьбой или замужеством. Снятие опеки и передача опекаемым их имущества производились при участии и по приговору сельского схода, назначающего обыкновенно тем же приговором по просьбе и указанию несовершеннолетних и попечителя, который является ответственным перед обществом за заключаемые несовершеннолетним юридические сделки [13. Т. 4, с. 68].

Как правило, опекуны за свою деятельность никакого вознаграждения не получали [12. Т. 2, с. 275; 13. Т. 5, с. 275]. По суждению русских крестьян, «опекунство – дело Божье, усердие к сиротам», «братъ что-либо от сирот грех», «опека служба, а не

труд» [17, с. 152]. «По народным воззрениям, пользоваться прибытком от имущества малолетних или приплодом от скота опекун не имел права... Доходы должны идти на нужды малолетних сирот» [13. Т. 5. Ч. 4, с. 525]. Опекун не мог распоряжаться вверенным ему имуществом, а только пользоваться. По сообщению корреспондента Этнографического бюро, опекун не получал за управление имуществом «никакого вознаграждения, только благодарность общества и сирот» [1. Д. 1161. Л. 6]. Опекун не мог наследовать имущество опекаемого. В случае смерти малолетних, если не было законных наследников, имущество их считалось выморочным и поступало в продажу [11, с. 301].

Контроль над действием опекуна возлагался на старост и старшин. Опекун должен был периодически отчитываться перед сходом об исполнении своих обязанностей [13. Т. 5. Ч. 1, с. 479], но на практике сельский мир не всегда уделял должное внимание защите интересов сирот. Часто на руки опекуну выдавали особую книжку, в которую он записывал приход и расход по имуществу опекаемого. Один или два раза в год опекун представлял письменный, а если неграмотный, то устный отчет сельскому сходу. Сельский староста с участием волостного писаря проводил ревизию имущества согласно описи. В случае обнаруженной растраты опекун должен был возместить ущерб из собственного имущества, что осуществлялось в большинстве случаев в форме судебного иска. В ряде мест, например в Болховском уезде Орловской губернии, за растрату имущества сироты опекун по приговору сельского схода мог быть подвергнут наказанию в виде ареста [17, с. 157]. Помимо всего этого, опекун, ненадлежащим образом исполнявший свои обязанности, приговором сельского схода устранился и заменялся другим. Так поступали в селах Курской губернии [17, с. 157].

Внимание к положению сельских сирот усилилось с введения института земских начальников, так как в их обязанности входил контроль над системой крестьянской опеки. В деревнях Нижегородской губернии «в случае злоупотребления со стороны опекуна земский начальник производил дознание, отстранял опекуна от должности и предавал его суду общим судебным местам» [13. Т. 4, с. 337].

В конце XIX в. вопросами заботы о сиротах в крестьянских общинах заинтересовалось Частное этнографическое бюро князя В.Н. Тенишева [4]. Крестьянин Новгородской губернии, отвечавший на вопросник, разосланный бюро, так описывал цели опеки: «Присмотреть за ребятишками, а то, пожалуй, избалуются, что и в пастухи не годны будут. Креститься и молиться некому научить будет, а матюгаться и похабные песни петь сами спознают. ...И настоящий

хозяин есть над именишкой, так и то трудно уберечь. А ну-ка, оставь сиротское без призору, так, пока малыш-то растет, ничего и не будет, не к чему станет и гнезда прививать. Ну, а как назначишь, значит, опеку, тогда все... Хоть всего не убережешь, а все что-нибудь да останется. Выйдут ребята путевые, глядишь, и есть к чему пристать» [4, с. 10].

Корреспонденты из Орловской губернии называли опеку честью, оказываемой избираемому, и если от этой чести отказывались, «то и против воли могли назначить». В других губерниях отмечали, что «ежели кто не хочет, то мир не может принудить» к опеке, которую здесь называли «карой небесной за грехи». Однако тут же добавляли, что «всегда находятся добрые люди, которые приютят у себя малолетних, если бы даже у них не осталось никакого имущества» [4, с. 11].

Как справедливо отмечает И. Соловьева, «участь детей как удовлетворительная, сносная или даже хорошая описывалась там, где была сильная, дружная община. Сила общества проявлялась в подчинении членов общины решениям схода. Крепкая община тотчас убирала негодного опекуна, слабая предпочитала жить по поговорке «моя изба с краю», и даже, видя тяжелую участь сироты у нерадивого опекуна, не вмешивалась, уповая на то, что «Бог-то видит, кто кого обидит». В таких случаях участь сирот была незавидна» [5, с. 52].

Порядок сельской опеки сложился исторически, являлся проявлением общинной традиции русской деревни и основывался на нормах обычного права. Принимая опеку, крестьяне руководствовались мотивами: религиозными – проявление христианского милосердия, этическими – желание достойно выглядеть в глазах «мира», экономическими – стремление получить в хозяйстве дополнительные рабочие руки. Добросовестное исполнение опекуном своих обязанностей достигалось контролем со стороны должностных лиц сельского самоуправления и силой общественного мнения.

В то же время разрушение патриархальных устоев русского общества, вызванное реформами середины XIX в. и общим развитием индустриализации страны, отрицательно сказалось на состоянии проблемы сиротства в российском обществе. Крестьянское сословие составляло большинство населения Российской империи, а в пореформенное время стало составлять и большинство населения городов. Понятно, что переехавшие в город на постоянное место жительства крестьяне не могли перенести с собой из общины все ее обычаи, в том числе и обычные правила об опеке сирот, которые мы исследовали в настоящей статье. То есть крестьянские сироты в городе, не имея четко регламентированной законом защи-

ты со стороны государства, лишались и обычной социальной защиты, которой подлежали сироты в сельской местности.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. возникли особые исторические условия, обострившие проблему сиротства. Одной из важнейших причин стало разрушение патриархальных устоев российского общества, массовый «исход» крестьян в города. Контингент детей-сирот в это время характеризовался размытостью социальных границ, неоднородностью состава, наличием особой психологической установки противопоставления себя обществу.

Список литературы

1. Архив Российского этнографического музея. Санкт-Петербург (АРЭМ). Ф. 7. Оп. 2.
2. Безгин В.Б. Опекунство малолетних и сирот в русском селе (вторая половина XIX века) // Юридич. мир. – 2009. – № 2.
3. Бржецкий Н. Очерки юридического быта крестьян. – СПб., 1902.
4. Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева. – СПб., 1993.
5. Соловьева И. Крестьянские сироты XIX века // Равновесие. – 2003. – № 12.
6. Греков Б.Д. Крестьянство на Руси с древнейших времен до XVII в. – Кн. 1. – М.: София, 1952.
7. Ефименко П.С. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. – Кн. 1. – Архангельск, 1869.
8. Зарудный М.И. Законы и жизнь. Итоги исследования крестьянских судов. – СПб., 1874.
9. Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России // Наш умственный строй. – М.: История отечества, 1989.
10. Российское законодательство X–XX веков. – М.: Правоведение, 1989. – Т. 7.
11. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. – СПб.: Деловая полиграфия, 2004. – Т. 1.
12. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. – СПб.: Деловая полиграфия, 2006. – Т. 2.
13. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. – СПб.: Деловая полиграфия, 2007. – Т. 5.
14. Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 г. – Тамбов, 1903.
15. Соловьев Е.Т. Гражданское право. Очерки народного юридического быта. – Казань, 1888.
16. Соловьева И. Крестьянские сироты XIX века. URL: <http://vstreacha.glasnet.ru> (дата обращения 11.03.2008)
17. Тенишев В.В. Административное право русского крестьянства. – СПб., 1908. – С. 133.
18. Труды комиссии по преобразованию волостных судов (словесные опросы крестьян, письменные отзывы различных мест и лиц и решения волостных судов, съездов мировых посредников и губернских по делам присутствий). – Т. 1–9. – СПб., 1873–1874.
19. Шамсумова Э.Ф. Русский менталитет в формировании правовых начал // История государства и права. – 2009. – № 4.

А. А. Голубев*

Исторические вехи принятия решения о строительстве Мурманской железной дороги

На необходимость развития транспортной связи Олонецкой губернии и Кольского полуострова со столицей указывали учёные, специалисты и политические деятели. От осознания потребности и необходимости в сооружении железнодорожной линии до принятия решения о ее строительстве на практике проходит длительное время. В процессе обоснования решения о строительстве Мурманской железной дороги была доказана важность ее в развитии транспортной инфраструктуры региона и обеспечении его связи с центральными территориями страны. В процессе дискуссий нашло отражение значение магистрали для социально-экономического развития всего северного края, а также выбор направления дороги для соединения столицы Санкт-Петербурга с незамерзающими гаванями Кольского полуострова.

Scientists, specialists and politicians pointed to the necessity of the development of transport communication between the Olonets region and Kolskij peninsula. Long time is passing from realizing the demand and the necessity of building the railway to taking the decision about its construction on practice. The importance of Murmansk railway in developing transport infrastructure of the region and guaranteeing its connection with central territories of the country was proved in the process of foundation its construction. The significance of the main road for social-economical development of the northern region and the choice of the road direction for connecting the capital – St. Petersburg with the unfreezing harbors of the Kolskij peninsula were resulted in the process of discussions.

Ключевые слова: губерния; земство; геополитические интересы; «Государева дорога»; комбинированные водные, водно-шоссейные и железнодорожные пути; изыскания; «восточный проект»; Мурманская железная дорога.

Key words: province; zemstvo; geopolitical interests; “The Sovereign Road”; combine water, water-highways and railways; researches; “The Eastern Project”; Murmansk Railway.

С учетом масштабов территории России, ее геополитического положения, базовых социально-экономических и военно-стратегических интересов железные дороги стали главным видом транспорта, на котором на протяжении многих десятилетий лежала основная нагрузка, связанная с грузовыми и пассажирскими перевозками. И в современной России большая часть грузов и значи-

* **Голубев Александр Анатольевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Петербургский государственный университет путей сообщения, директор Петрозаводского филиала

тельная часть пассажиров перемещается по железным дорогам. Из всех видов сообщений железнодорожный транспорт занимает приоритетное место.

Одним из исторических периодов развития России, когда железнодорожное строительство приобрело ключевое значение, стала последняя треть XIX в. – начало XX в. Потребности экономики в развитых путях сообщения хорошо осознавались в правительстве и на местном уровне. На всех уровнях присутствовало понимание необходимости расширения сети путей сообщения как исходя из гигантских масштабов страны, так и в соответствии с решением задач освоения природных ресурсов. Поэтому строительство железных дорог, бесперебойное функционирование железнодорожного хозяйства было предметом внимания всего общества.

Передовая общественность и предприниматели понимали назревшую необходимость развития путей сообщения в Северо-Западном регионе. Это было обусловлено необходимостью обеспечения устойчивой связи с побережьем Белого и Баренцева морей. Возникла настоятельная потребность искать новые всесезонные пути перемещения все возрастающих в тот период потоков людей и грузов. Значение железных дорог особенно важно для северо-западных территорий, изобилующих природными богатствами.

От осознания потребности и необходимости в сооружении железнодорожной линии до принятия решения о ее строительстве проходит длительное время. Принятие решения о строительстве железной дороги связано с различными факторами, которые определяются: государственными, геополитическими, военно-стратегическими интересами с учетом конкретной международной ситуации на том или ином этапе исторического развития; социальными и экономическими интересами, потребностями основных социальных слоев, государственных и негосударственных структур, различных отраслей национального хозяйства, а также регионов и отдельных местностей; внутренними проблемами железнодорожной отрасли.

Развитие железнодорожного строительства исходит из такой возможности, как наличие денежных средств, включает решения по выбору направления дороги, проведение изыскательных работ и технических расчетов. Решение вопроса о начале строительства Мурманской магистрали, важной в стратегическом и социально-экономическом отношении железнодорожной линии, зависело от конкретной исторической обстановки, от материальных, финансовых и людских ресурсов. Важным фактором, обусловившим строительство Великого северного пути, была необходимость выхода к незамерзающему побережью Баренцева моря.

На богатства Олонецкого края в XVIII в. обратил внимание Петр I. По его указам происходило строительство пушечных заводов, основывались новые поселки и города. Среди таких населенных пунктов была и Петровская слобода, позднее город Петрозаводск. Петр I был инициатором постройки в этом крае сухопутной дороги, протяженностью 170 км для соединения Белого моря с Онежским озером, получившей название «Государевой дороги». По ней в августе 1702 г. от деревни Нюхчи на Белом море до города Повенца на Онежском озере были волоком перетащены два фрегата «Курьер» и «Святой Дух», построенные на деньги Г.Д. Строганова. Фрегаты приняли участие в сражениях, развернувшихся на Ладожском озере и реке Неве во время Северной войны.

На необходимость транспортной связи Олонецкой губернии и Кольского полуострова со столицей государства указывали учёные, специалисты и политические деятели конца XVIII в. Важность развития путей сообщения на северо-западе обосновывал академик Российской Академии наук Н.Я. Озерецковский. Он отмечал, что «Положение ... Олонецкого наместничества городов, весьма выгодно для внутренней и заграничной торговли...». Однако дорогами «край сей весьма недостаточен», что и тормозит развитие этого региона, и жители «сколь много терпят нужды» [8, с. 118–120]. Эти факты свидетельствуют о стратегической ценности Северо-Западного региона для осуществления внешнеполитических планов России, а также интересах экономического развития территорий Олонецкой губернии.

К середине XIX в., когда в России развернулось строительство железных дорог, вопрос о сооружении железнодорожной линии на Европейском севере Российской империи поднимался в статьях и письмах члена Русского географического общества И.С. Полякова. Обосновывая необходимость строительства железной дороги, он особо отмечал, что: «олонецкая губерния по самому своему физико-географическому характеру давала своим обитателям мало возможностей самостоятельно и быстро развиваться; то, что при более густом населении служило бы источником богатства, составляет теперь препятствие для развития; обширные расстояния, обилие вод и болот, густые леса, холмы и горы, скрывающие в себе известные минеральные богатства, всё это теперь больше разъединяет людей и изолирует их, отстраняя возможность лёгких сообщений между ними» [9, с. 95].

В 70-е г. XIX в. появились первые проекты железных дорог на северо-западе России. Общественность широко обсуждала необходимость для региона и всей страны железнодорожной линии от Москвы и Санкт-Петербурга до центра Олонецкой губернии и далее до Беломорского побережья. Дискуссии, в которых участвовали все

слои российского общества, разворачивались на страницах газет и журналов того времени. В процессе обсуждения необходимость строительства железной дороги принималась, как аксиома, так как важность постоянно действующей транспортной артерии на севере была очевидной. Важным в дискуссиях был вопрос, как с наименьшими затратами соединить железнодорожной линией Северо-запад со столицей и, что строить: железную дорогу или использовать водные, или комбинированные водно-шоссейные и железнодорожные пути. В проектах предлагались различные варианты строительства.

Первым был проект Вытегорско-Онежской железной дороги длиной 357 км, связывавшей Белое море с Мариинской водной системой. По «Высочайшему указу» от 4 ноября 1871 г. права на изыскания этой линии были предоставлены крестьянину Архангельской губернии Василию Воробьеву. Однако развития данный проект не получил, так как не удалось изыскать средства на его осуществление. Одновременно статский советник Больман представил проект устройства конножелезнодорожного пути от города Повенца на северном берегу Онежского озера, до города Кемь на побережье Белого моря. Данный проект в перспективе предусматривал продление линии до Баренцева моря, но так же не был реализован.

Во второй половине XIX в. железнодорожное строительство развивалось невиданными темпами, не имевшими аналогов в истории России. Причиной этому стал закончившийся промышленный переворот и бурное развитие промышленности. В 1866–1875 гг. на строительство железных дорог страны было затрачено 1,3 млрд руб. К началу 80-х гг. XIX в. железнодорожная сеть России составила 23 тыс. км, охватив 45 % территории ее Европейской части. В этот период вновь был поднят вопрос строительства железнодорожной линии к Мурману.

Сооружение железной дороги к незамерзающим гаваням Кольского полуострова и соединение их с Санкт-Петербургом стало особенно актуальным. Император Александр III обратил внимание на представленный в 1889 г. доклад Олонецкого вице-губернатора Конкевича, предполагавший устройство военно-морской базы в одной из незамерзающих гаваней Мурманского побережья Баренцева моря и возведения к ней железной дороги. Император распорядился провести исследования некоторых заливов и бухт Мурмана. Для этой цели на Мурманское побережье были командированы представители государственных ведомств. Министр финансов С.Ю. Витте, побывав на Мурманском побережье и изучив его гавани, представил подробный доклад императору Александру III по вопросу о необходимости сооружения железной дороги, что обеспечивало бы строительство океанского порта.

Вопрос о строительстве железной дороги на Мурман обсуждался в 1894 г. «Комиссией по проведению железных дорог на севере России» под председательством товарища министра путей сообщения, почетного академика российской Академии наук инженер-генерала Н.П. Петрова. В очередной раз, обосновывая необходимость магистрали, комиссия акцентировала внимание на стратегической важности как военного порта на Мурмане, так и железной дороги, которая могла связать Мурманское побережье Баренцева моря с центром России. Конечным пунктом дороги комиссией была выбрана Екатерининская гавань. Однако комиссия высказалась за преждевременность реализации такого амбиционного проекта. Она исходила из того, что это «...потребовало бы от государства огромных денежных затрат». [6, с. 15]. Однако, несмотря на недооценку перспектив развития северного края в результате строительства железнодорожной магистрали до Мурмана, комиссия указала на необходимость расширения внешнеторговых связей через северные порты и защиты государственных интересов в данном регионе. Затягивание строительства важной для России железнодорожной линии на север можно объяснить лишь сложной финансовой ситуацией, в которой находилась страна.

Проблемы развития железнодорожных путей сообщения активно обсуждались на местах: в Петербургской, Олонецкой и Архангельской губерниях. Городские думы и губернские земские собрания, обсуждая этот важный для развития севера вопрос, приняли ряд решений. При Петербургской городской думе в 1894 г. была создана особая комиссия по делу соединения железнодорожной линией Санкт-Петербурга с Мурманом. В феврале 1894 г. председатель этой комиссии обратился к Олонецкому губернатору М.Д. Демидову с просьбой о предоставлении конкретных материалов и данных для проведения железной дороги от Санкт-Петербурга до Кемь. Олонецкий губернатор, в свою очередь, созвал совещательную комиссию по вопросу строительства железной дороги на Мурман, которая отметила, что «при современном развитии коммерческой и промышленной деятельности во внутренних губерниях России, обуславливаемой быстрым распространением железных дорог, выдвинутый ныне на очередь вопрос о проведении железной дороги от Петербурга до Кемь через Лодейное Поле и Петрозаводск составляет жизненное значение для нужд всего северного края...» [3, с. 98–109]. Комиссия указала также на возможность положительного решения многих внешнеторговых проблем, связанных с отсутствием постоянно действующего пути, соединявшего незамерзающее в зимнее время побережье Мурмана с центром России и Финляндией.

Олонецкое губернское земское собрание 18 января 1895 г., заслушав доклад совещательной комиссии, приняло решение ходатайствовать перед правительством о проведении железной дороги Санкт-Петербург – Кемь через Петрозаводск. Совместное заседание Комитета министров и департамента государственной экономики Государственного Совета, состоявшееся 2 мая 1895 г., рассмотрело этот вопрос. По предложению министра финансов графа С.Ю. Витте; министра путей сообщения князя М.И. Хилкова было принято решение провести изыскания для строительства железнодорожной линии на Мурман. Эта задача возлагалась на Министров финансов и путей сообщения. Уже летом 1895 г. министр путей сообщения М.И. Хилков, проезжая через Петрозаводск, объявил руководству Олонецкой губернии о «Высочайшем» разрешении на проведение железной дороги через Петрозаводск на Мурман [11, с. 3]. В этом же году были проведены изыскания от Колпино до Петрозаводска. Протяженность исследуемого пути составило 357 вёрст. Общий расход по сооружению дороги был определён в 12 млн руб. Однако реальных мер по строительству железной дороги принято не было.

Местные органы власти проявили настойчивость в решении вопроса о строительстве железной дороги. Взяв инициативу в свои руки, Олонецкое губернское земское собрание 8 января 1897 г. вновь поставило вопрос о возбуждении ходатайства о сооружении железной дороги Санкт-Петербург – Петрозаводск. Ходатайство Олонецкого губернского земства за № 648 18 февраля 1897 г. было направлено министру путей сообщения [7. Оп. 1. Д. 2310. Л. 9–10].

В ответ на ходатайство товарищ министра путей сообщения генерал-лейтенант Н.П. Петров письмом от 5 марта 1897 г. за № 4168 сообщал, что министр финансов не находит возможным приступить в ближайшее время к осуществлению строительства данной линии за счет средств казны, а на сооружение же её частными предпринимателями на тот момент не имелось предложений. Это сообщение было заслушано на заседании губернского земского собрания 25 января 1898 г. [2, с. 12]. Департамент железных дорог отношением № 3375 от 21 февраля уведомил губернское руководство, что вопрос о строительстве железной дороги Санкт-Петербург – Кемь не закрыт и предполагается строить её в ближайшем будущем. Несмотря на повторное ходатайство Олонецкого губернского земского собрания от 29 января 1899 г. строительство железной дороги не было начато [7. Оп. 1. Д. 2310. Л. 8–9].

На развитие железной сети в 1899 г. правительство выделило специальный кредит в 24,8 млн. руб. «на сооружение других дорог кроме уже финансируемых». На строительство дороги Санкт-Петербург – Кемь денег не хватило, так как в первую очередь было решено строить железнодорожные линии Вологда – Архангельск,

Пермь – Котлас и др. В этой связи Олонецкое губернское земство 17 марта 1899 г. получило отказ на выделение средств для строительства железнодорожной линии до Кеми [5, с. 18].

В начале XX в. сменился внешнеполитический курс России. Ряд международных договоров сблизили Россию с Францией и Англией. Торговые соглашения, а далее вхождение в военно-политический альянс против Германии, заставили российское правительство искать новые транспортные пути к потенциальным союзникам. В этом поиске приходилось учитывать позиции Германского флота в Балтийском море и Турецкого в Черном море. Актуальность развития северо-западных российских территорий и строительства новых торговых и особенно военных портов возросла. Этим объясняется усиление интереса к вопросу проведения железнодорожной линии на север.

Председатель Олонецкой земской управы В.В. Савельев вынес на чрезвычайное губернское земское собрание 1901 г. вопрос о строительстве железной дороги до Петрозаводска от одной из станций Вятской линии на правом берегу реки Волхов. Это было выгодно для казны, так как треть железной дороги Санкт-Петербург – Петрозаводск совмещалась с линией Санкт-Петербург – Вятка. На основании доклада В.В. Савельева 31 мая 1901 г. Олонецкое губернское земство возобновило ходатайства перед министрами путей сообщения, финансов и внутренних дел о строительстве железной дороги до Петрозаводска [4, с. 10].

В двух ответах из департамента железных дорог от 30 июля 1901 г. за № 411 и от 28 августа 1901 г. за № 452 сообщалось, что некоторые из предложений Олонецкого губернского земства рассмотрены и утверждены [7. Оп. 1. Д. 2310. Л. 11–12]. Эти письма дали надежду на положительное решение затянувшегося вопроса строительства железнодорожной линии по территории Олонецкой губернии.

В адрес Олонецкого губернатора 14 июня 1902 г. от министра внутренних дел поступила телеграмма следующего содержания: «Государь Император соизволил повелеть объявить Вашему превосходительству, что 10 июня Его Величеству благоудобно было высочайше повелеть приступить к сооружению в 1903 г., распоряжением казны, железной дороги, долженствующей соединить Санкт-Петербург с Петрозаводском». По смете Министерства путей сообщения на 1903 г. на строительство было выделено 6,5 млн руб. Это позволило летом 1903 г. начать изыскания, которые были продолжены в 1904 г. В смету чрезвычайных расходов Министерства путей сообщения на этот год был включён кредит на 4,5 млн руб. для начала работ по строительству железной дороги Санкт-Петербург – Петрозаводск со сроком окончания к 1 октября 1906 г.

Поскольку средств для развертывания строительных работ было явно недостаточно, то на местах земские органы Санкт-Петербургской, Олонецкой и Архангельской губерний, Санкт-Петербургская и Тихвинская городские думы, а также комиссия «О северных железнодорожных и водных путях и о торговле Санкт-Петербургского порта» и Комиссия о новых железных дорогах при Министерстве путей сообщения обосновали свой отказ начинать строительство дороговизной сооружения железных дорог.

Начавшаяся Русско-японская война, ухудшение экономического положения негативно сказались и на развитии железнодорожного транспорта. Почти все дороги перешли в разряд убыточных. Правительство столкнулось с финансовыми трудностями. В этой ситуации было решено перенести сроки строительства ряда железных дорог. На совещании по вопросу развития железнодорожного транспорта России под председательством императора Николая II, которое состоялось 14 июля 1904 г., в отношении строительства железной дороги до Петрозаводска и далее на север было принято решение «...не приступать к сооружению данной линии, оставив вопрос о времени приступа к сооружению этой дороги открытым ввиду выяснившихся уже точных сведений о невыгодности сооружения этой дороги в экономическом отношении и неизбежного ухудшения общего итога эксплуатации железной дороги на сумму до 700 тысяч рублей в год» [7. Оп. 1. Д. 2310. Л. 15].

Окончание Русско-японской войны не стало поворотным пунктом в разрешении этой проблемы, так как Первая русская революция 1905–1907 гг. и последовавший экономический кризис отодвинули сроки строительства Мурманской железной дороги еще на несколько лет.

Несмотря на воздействие внешних факторов, тормозящих решение вопроса о строительстве железной дороги по территории Олонецкой губернии и Кольского полуострова, Олонецкое губернское земство проявляло настойчивость и продолжало работу по решению данного вопроса. На чрезвычайном губернском земском собрании 3 марта 1908 г. был заслушан доклад губернской комиссии по строительству Олонецкой железной дороги. По результатам работы комиссии в Департамент железнодорожных дел было направлено очередное ходатайство. Однако в ответе от 10 мая 1908 г. за № 4710 содержался отказ. Основой для отказа в строительстве данной магистрали являлась экономическая неразвитость региона и недостаточные людские ресурсы, необходимые для возведения дороги и эксплуатации [7. Оп. 1. Д. 2310. Л. 1–15].

К 1909 г. обстановка в стране стабилизировалась. Необходимость постройки Мурманской железной дороги и ее значение для жизнедеятельности страны становилось все более очевидным. И

вновь встал вопрос строительства железной дороги от Санкт-Петербурга на север. Опережая центральные органы власти, органы земского управления губерний, на которых планировалось строительство железной дороги, провели ряд исследований, в которых был дан объективный расчёт влияния железнодорожной линии на экономику края. Земство Олонецкой губернии в 1909 г. создало специальную комиссию во главе с Л.К. Чермаком и ассигновало 15 тыс. руб. на исследование района проектируемой дороги. Подробные результаты экономического обследования края были в 1910 г. опубликованы в Санкт-Петербурге в «Материалах по статистико-экономическому описанию Олонецкого края» [7. Оп. 1. Д. 2310. Л. 16–17]. Доказывая необходимость постройки железнодорожного пути в данном регионе, группа Л.К. Чермака провела исследование перспективного грузооборота дороги до 1919 г. [12, с. 39–42]. В ходе исследования была проведена доработка применительно к новым условиям исследований, проведенных в 1901–1904 гг. Направление линии определялось близ водных транспортных путей с целью повышения эффективности строительных работ и удешевления сооружения магистрали, это позволяло бы быстрее строить дорогу и осуществлять комбинированную транспортировку грузов в район Мурмана и обратно.

Под председательством действительного статского советника А.Е. Струве в Санкт-Петербурге в мае 1910 г. была образована межведомственная комиссия по железнодорожным изысканиям. На заседании 16 апреля 1911 г. эта комиссия заслушала доклад Л.Е. Лебедева о проекте сооружения железнодорожной линии вдоль северной части Мариинской водной системы от Дубовиков к Петрозаводску. На основе исследований, проведённых Олонецкой губернской комиссией под руководством Л.К. Чермака, было решено: «...признать проектируемую линию Дубовики – Петрозаводск по какому бы направлению ни прошла таковая...» [1, с. 299–301]. Это решение межведомственной комиссии только подтвердило ранее выдвигаемые идеи, но не определило приоритетного направления строительства. Отсутствие чёткого решения о направлении строительства железной линии обусловило в дальнейшем конкурентную борьбу среди частных предпринимателей, пожелавших начать строительство.

До 1909 г. не находилось частных лиц, заинтересованных взять на себя расходы по строительству этой важной для северо-запада России транспортной артерии. За период же с 1909 по 1913 г. в Министерство путей сообщения заявки на строительство железной линии до Петрозаводска за счет частных инвестиций были представлены рядом предпринимателей: инженерами Ф.А. Наумом, В.А. Барри, В.А. Саханским и М.А. Токарским, инженером путей

сообщения Н.Б. Емельяновым, статскими советниками В.В. Савельевым и В.В. Хвоцинским [10. Оп. 2. Д. 299. Оп. 2. Д. 299. Л. 161–179]. Представленные предпринимателями проекты были переданы на рассмотрение Комиссии о новых железных дорогах, заседания которой начались 15 февраля 1911 г. под председательством директора департамента железнодорожных дел Н.Е. Гиацинтова. Комиссия состояла из представителей девяти министерств в количестве двадцати трех человек. На заседаниях присутствовали также представители заинтересованных губернских и уездных земских управ, Государственной и Санкт-Петербургской городской дум, лесного департамента, лесопромышленники, металл заводчики Северного и Прибалтийских регионов. Олонецкую губернию представляли: вице-губернатор Т.А. Липинский, председатель губернской земской управы Н.А. Ратьков, председатель Олонецкой уездной земской управы А.А. Николаев и Петрозаводский городской голова В.Д. Лысанов. После обсуждения различных мнений о строительстве железной дороги председательствующий директор департамента железнодорожных дел Н.Е. Гиацинтов поставил вопрос на голосование. 13 голосами против 10 комиссия высказалась за возведение железной дороги до Петрозаводска средствами частного акционерного общества.

Завершение работ по проектированию железной дороги от Петрозаводска на север приобрело большое значение. Особая комиссия для всестороннего исследования железнодорожного дела в России под председательством Н.П. Петрова высказалась за немедленное строительство Мурманской железнодорожной магистрали. Строительство железной дороги до Мурманска было включено в государственный план по развитию железнодорожного транспорта России на 1912–1917 гг. Ведомство путей сообщения 16 октября 1914 г. рассмотрело вопрос о безотлагательном сооружении этого железнодорожного пути. В Совет министров было направлено представление об ассигновании 20,6 млн руб. на проведение работ по строительству участка железнодорожной линии Петрозаводск – Сорокская бухта. Император Николай II 1 января 1915 г. утвердил постановление Совета министров о сооружении за счет государственных средств железнодорожной линии Петрозаводск – Сорокская бухта с дальнейшим продлением ее до Мурманского побережья Баренцева моря.

На протяжении длительного периода принятия решения о строительстве Мурманской железной дороги была обоснована важность ее в развитии транспортной инфраструктуры региона и обеспечении его связи с центральными территориями страны. В процессе дискуссий нашло отражение значение магистрали для социально-экономического развития всего северного края, а также

выбор направления дороги для соединения столицы – Санкт-Петербурга – с незамерзающими гаванями Кольского полуострова. Положительным было привлечение ученых и специалистов к разработке проектов, а также общественности к обсуждению проблем строительства. В ходе обсуждения решались вопросы формирования в регионе транспортного комплекса, включающего в себя железную дорогу, водные и шоссейные пути сообщения.

При решении вопроса о строительстве дороги учитывались военно-стратегические, социально-экономические факторы, территориальное расположение и интересы района строительства дороги. Большинство лиц, принимавших участие в разработке и обсуждении проектов, исходило из того, что строительство Мурманской железной дороги является общенациональной проблемой. Среди всех выдвигавшихся проектов более перспективным оказался так называемый «восточный проект», который стал основой для возведения Мурманской железной дороги, протяженность которой составляет от Санкт-Петербурга до Мурманска 1448 км.

Список литературы

1. Бюллетень Межведомственной комиссии. – СПб., 1911. – № 8–9.
2. Журналы Олонецкого губернского земского собрания и доклады управы XXXI очередной сессии с 15 января по 1 февраля 1898 г. – Петрозаводск, 1898. – С. 57.;
3. Журналы Олонецкого губернского земского собрания чрезвычайных сессий 23 июля, 24 июля 1894 г. и очередной сессии 14 января 1895 года. – Петрозаводск, 1895.
4. Журналы Олонецкого губернского земского собрания сессий чрезвычайной 31 мая и 1 июня 1901 года и XXXV очередной с 29 ноября по 15 декабря 1901 года. – Петрозаводск, 1902.
5. Записка о проведении железной дороги С.-Петербург – Петрозаводск – Кемь. – Петрозаводск, 1899.
6. Мурманская железная дорога. Краткий очерк постройки железной дороги на Мурман с описанием ее района. – Петроград. 1916.
7. Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 1952.
8. Озерецковский Н.Я. Путешествие по озёрам Ладожскому и Онежскому. – Петрозаводск, Карелия, 1989.
9. Поляков И.С. Три путешествия по Олонецкой губернии. – Петрозаводск, Карелия, 1991.
10. Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 274.
11. Чермак Л.К. Записка об экономическом значении железной дороги Петрозаводск – Дубовики и возможном грузообороте. – СПб., 1910.
12. Чермак Л.К. Записка об экономическом значении железной дороги Петрозаводск – Дубовики /с вариантом на Тихвин/ и её возможном грузообороте. – СПб., 1910.

Барбара Энгл*

Не хлебом единым: женщины и продовольственные беспорядки в Первую мировую войну¹

В статье рассматривается малоисследованная в отечественной историографии тема продовольственных беспорядков времен Первой мировой войны и их роль в дестабилизации ситуации в России. Подчеркивается роль женщин низших классов, особенно солдаток как участниц этих волнений. Интересно, что автор пытается реконструировать представления о справедливости и праве на обеспечение продовольствием, которые двигали женщинами – участницами волнений накануне февральской революции 1917 г.

This article is devoted to almost unknown theme in our historiography – to the subsistence riots in Russia during the First World War and their role in social destabilization. The research focus is on women of lower classes, especially soldier's wives, who took part in these "bazaar disorders". It is interesting that the author try to reconstruct long-standing notions of justice that included the right to subsistence that pushed women – participants of "women's riots" on the eve of February Revolution 1917.

Ключевые слова: социальная история, социальное неравенство, продовольственные беспорядки, «бабьи бунты», дефицит продовольствия, изменение статуса женщин, потребительские притязания, «моральная экономика», рыночные ценности, гендерная идентичность, классовая идентичность, представления о справедливости, право на обеспечение, требование «справедливой цены».

Key words: social history, social disparity, subsistence riots, "women's riots" (*bab'i bunty*), scarcity shortages of supplies, change in the women's status, consumer disaffection, moral economy, market values, gender identity, working class identity, long-standing notions of justice, right to subsistence, demands for a "just price".

В базарный день 1 октября 1915 г. вспыхнули волнения в городе Богородске. Старинный центр текстильного производства, расположенный недалеко от Москвы, Богородск был местом сосредоточения Морозовских текстильных фабрик, на которых работало более 15 тысяч рабочих.

Тридцать женщин-работниц пришли на рынок за сахаром и, обнаружив, что он распродан, пришли в ярость, обвинив купцов в бес-

* **Барбара Алперн Энгл** – заслуженный профессор, университета Колорадо (США), (текст переведен И. И. Юкиной)

¹ Copyright 1997 by University of Chicago.

совестности и спекуляции. Полиция появилась быстро и силой вывела женщин из лавки, но они вернулись на городскую площадь и там продолжили возмущаться и сыпать обвинениями в адрес торговцев. Число недовольных неуклонно возрастало и достигло нескольких тысяч человек. Преимущественно это были женщины и молодежь, и не только рабочие, но и крестьяне, которые пришли на рынок из ближайших деревень. Вскоре толпа двинулась в сторону лавок и дала выход своему гневу. Кто-то швырял камнями в окна лавок, кто-то вламывался в них и выбрасывал товары, другие расхватывали их. Несомненно, имея все возможности, но не желая применять оружие против женщин и подростков, местная полиция оказалась беспомощной и не смогла остановить их.

В последующие дни продовольственные беспорядки расширились: теперь их целью стали не только бакалейные лавки, но и магазины поставщиков одежды и других мануфактурных товаров. 4 октября в город прибыли казаки, которые открыли огонь по составшим, убив двух и ранив несколько человек. Убитыми оказались: 20-летний неквалифицированный рабочий, приписанный к крестьянству, и девушка-работница с текстильной фабрики 23 лет, также зарегистрированная как крестьянка. Среди серьезно раненых были: 12-летняя девушка, дочь фабричного сторожа; крестьянка из Данковского уезда, расположенного на юге соседней Рязанской губернии, и мужчина, которого, судя по всему, не смогли опознать. Также была ранена крестьянка из Рязани, которая проживала в Богородске, и крестьянская девочка 15 лет из деревни Богородского уезда.

После расправы волнения перекинулись на соседние фабрики. 2 октября остановили работу рабочие ткацкой фабрики Морозова. В течение нескольких последующих дней к ним присоединились десятки тысяч рабочих не только с ближайших фабрик, но и из Павловска, Обухова и Орехова.

Пиком этих волнений, в которых согласно отчетам полиции приняли участие в общей сложности более 80 тыс. рабочих, стала забастовка. Прежде всего, рабочие требовали повышения зарплаты для компенсации растущих цен. Забастовка продолжалась до 7 октября и закончилась определенным успехом – рабочие получили 20 % надбавки к зарплате. Но беспорядки среди работниц на ткацкой фабрике в Белгородске продолжались в течение нескольких недель и в конце концов 30 октября также вылились в забастовку, которая охватила около 12 тыс. работниц и продолжалась несколько недель [9. Д. 888. Л. 1–43].

Эти события произошли более чем через год после начала Первой мировой войны. Они представляли собой своеобразную увертюру к куда более драматическим и хорошо известным событиям, которые развернулись в Петрограде 23 февраля (8 марта) 1917 г. и

кульминацией которых стало отречение императора Николая II. Отмечая Международный женский день, тысячи работниц и домохозяек пошли против мнения рабочих лидеров, которые считали демонстрацию в этот день не целесообразной. Они заполнили улицы города, выражая свой протест против необходимости мерзнуть в многочасовых очередях за хлебом, скандируя лозунги «нет высоким ценам!», «нет голоду!» и призывая рабочих-мужчин присоединиться к ним. На следующий день забастовало около 200 тыс. рабочих. Их требования были уже откровенно политическими, они скандировали: «долой царя!», «долой войну!». Солдаты Петроградского гарнизона, включая несколько подразделений казаков, поддерживавших порядок, сдерживали волнения. 27 февраля многие из них начали переходить на сторону восставших [58, р. 61; 44, р. 460–470].

Большинство моментов, которые проявились в феврале, уже наметились в Богородске. Среди них: возмущение по поводу перебоев с продовольствием и снижения уровня жизни; ненависть к торговцам, сопротивление властям в лице полиции и прямая связь улицы (рынка) с фабриками и заводами. Если рассматривать Богородские события как репетицию февраля, то они не имели только двух существенных элементов, тех, которые добавили 15 месяцев войны и лишений – появление недвусмысленно политически и антивоенно окрашенных требований и нежелание казаков стрелять в народ.

Историки фиксируют лишения населения, порожденные дефицитом продовольствия и эскалацией цен. В Петрограде, например, «женщины вынуждены были стоять часами в очередях при минусовой температуре, чтобы купить немного сахара и крупы», и уже к декабрю 1915 г. после года войны «безнадежные поиски продовольствия, топлива и рост цен стали нестерпимыми чертами каждодневной жизни» [42, р. 207; 44, 34]. Особенно показательным усиление кризиса было в двух российских городах: в первые годы войны цены на жизненно важные товары выросли на 131 % в Москве и более чем на 150 % в Петрограде [40, р. 55].

Мы знаем, что результатом недовольства стало разрушение основ самодержавия, которое послало мужчин на войну и не смогло решить вопрос со снабжением мирного населения. Лев Троцкий писал о связи между голодом и беспорядками в типично резких для него выражениях: «От массовой критики до протеста – рукой подать. Негодование масс проявляется, прежде всего, в беспокойстве из-за отсутствия продовольствия, и иногда поднимает волну протеста на местах» [66, р. 36].

Однако, несмотря на значительный рост исследований по социальной истории революции, содержание и характер потребительских притязаний в военные годы практически не освещены в

исторической литературе. В последние два десятилетия исследование русской революции идет по пути отхода от изучения элит к изучению генезиса и развития революционного процесса «снизу» и не только в Москве и Петрограде, но и в других городах. Также исследователи начали уделять внимание женщинам-работницам и проблемам гендера как фактору формирования идентичности рабочего класса [15, 19, 26, 39, 43, 44, 52, 55, 58, 59, 63].

Тем не менее исследователям часто бывает трудно переключиться с изучения «рабочего места» и производственных отношений на изучение других сторон выражения социального и формирование идентичности и анализировать не только проблемы людей, связанные с лишениями, но и те различные смыслы, которые женщины и мужчины низших классов придавали им и своему опыту. Даже такие чувствительные и тщательные в своих исследованиях историки, как Диана Конкер (Diane Koenker) и Вильям Розенберг (William Rosenberg) неправильно истолковали изменения в общественном настроении в России в 1917 г. Они считают, что именно в этом году женская активность достигла высокого уровня и сформировалась значительная степень недовольства по поводу разрыва между привилегированными и нуждающимися слоями населения. Я доказываю, что это было очевидно еще двумя годами раньше. «Косвенные свидетельства наводят на мысль, что женщины стали в 1917 году в куда большей степени включаться в протестные акции, и это происходило в гораздо больших масштабах, чем это когда-либо было в России, несмотря на препятствия, которые стояли перед ними в виде их собственного традиционного почтения к самодержавию и отсутствию внимания к ним и их нуждам со стороны мужчин – активистов рабочего движения. Женщины играли важную роль в продовольственных беспорядках и в других городских протестах, *начиная* (курсив мой) с февральских забастовок и участвуя в уличных беспорядках в Москве в конце лета и начале осени [40, p. 315; 62, p. 165–182].

В этой статье главным предметом моего исследования стали продовольственные бунты. И хотя они были не столь многочисленными и влиятельными, как рабочий протест, все формы которого уже давно изучаются историками, они все же позволяют по-новому взглянуть на ожидания и становление сознания низших классов в России, на эволюцию отношения женщин этих классов к государству, о чем мы знаем очень мало. Так как в сферу моих научных интересов входит изучение характера и процесса формирования народного сопротивления авторитарному режиму, то в конце статьи я подойду к теме Февральской революции и свержения царизма, хотя в этой работе проблема народного недовольства продовольст-

венным обеспечением, безусловно, рассматривается в первую очередь [45, р. 158–179].

В опубликованной в 1993 г. одной из пионерских работ на эту тему (на которую я очень сильно опираюсь) русский историк Юрий Кирьянов впервые обратил внимание ученых на распространение и интенсивность продовольственных бунтов в годы Первой мировой войны и ту ведущую роль, которую играли в них женщины. Изучая архивные документы и опубликованные материалы, Кирьянов обнаружил десятки свидетельств о продовольственных волнениях. В этих «базарных беспорядках», «голодных бунтах», «погромах» и «бабьих бунтах» люди сталкивались с торговцами и владельцами магазинов по поводу цены и наличия товаров. В своей статье Кирьянов обращает внимание на то, что авторами этих волнений были преимущественно, но не обязательно представители рабочего класса – либо сами рабочие, либо члены их семей. В этой связи он утверждает, что «влияние рабочей социальной среды» на участников подобных беспорядков «было бесспорным». Автор приходит к выводу, что хотя эти продовольственные выступления были стихийными и спорадическими формами социального протеста и нацелены против тех, кого считали напрямую ответственными за лишения народа, они были важны, потому что привлекали к борьбе против купцов, правительства и войны новые слои населения, которые никогда до этого не участвовали в протесте. Таким образом, продовольственные бунты отражали кризис российского общества и усугубляли этот кризис, в который страна все больше сползала [5, с. 3–18].

Тезисы, которые я доказываю в своей статье, по существу не оспаривают выводы Кирьянова, но смещают акцент с рабочего класса как такового на другие группы населения.

Несмотря на то, что возможность точно определить социальную принадлежность всех участников продовольственных беспорядков представляется не часто, среди авторов, которые фигурируют в моей статье, есть рабочие – мужичины и женщины, жены рабочих, жены и матери солдат, а также крестьяне – тоже мужичины и женщины. Так как я считаю, что границы между индустриальным рабочим классом и другими группами населения растворились в котле войны, я группирую разные социальные группы под общим названием «низшие классы» или «народ». Хотя социальная структура российского общества к началу XX в. стала в высшей степени сложной, по паспорту население чаще всего определялось согласно устаревшей сословной системе. В соответствии с этой системой рабочие как факт не существовали в стране. Так как они по большей части происходили из крестьянства, иногда из мещанства, которое можно приблизительно определить как городской низший класс, то официальные лица чаще всего пользовались именно такими анахронич-

ными терминами для установления личности участников продовольственных беспорядков. Но иногда они определяли людей и по их рабочей роли тоже. В документах, в которых сообщается о бунтах, я нашла упоминание о нескольких участниках, идентифицированных как фабричные рабочие (как, например, в случае с 30 женщинами-работницами, которые были зачинщицами бунта), некоторые определялись как крестьяне, некоторые и как крестьяне, и как рабочие [24, р. 11–36; 28, р. 1–20].

В своей статье я хочу более пристально, чем Кирьянов, исследовать язык и способ действий народного сопротивления, и с этой целью я сравниваю продовольственные беспорядки в России с хлебными бунтами, происходившими как в других странах, так и в другие (более ранние) времена, а также с подобным явлением, имевшем место в воюющих странах, в частности в Германии. Помимо этого, я уделяю больше внимания, чем Кирьянов, гендерному фактору в протестных акциях.

Продовольственные беспорядки военного времени в России были больше похожи на хлебные бунты, обычные для Западной Европы в эру, предшествующую и сразу же последовавшую за Великой Французской революцией. В Англии и Франции рассматриваемого времени дефицит и инфляция также толкали население к протестным акциям против посредников, маклеров, купцов, владельцев магазинов, всех тех, кто поднимал цены до предела или тех, кто провалил поставку необходимых для жизни и даже выживания населения товаров. Толкали людей на протестные акции даже не столько собственно дефицит продуктов, сколько то значение, которое они приписывали ему.

Опираясь на исследования Э.П. Томпсона, работы которого оказали сильное влияние на мой анализ, можно утверждать, что участники протеста имели устоявшиеся представления о справедливости, которые включали в себя и право на обеспечение, и доступность жизненно необходимых товаров даже во времена дефицита. Такие представления Э.П. Томпсон рассматривает как базовые для народного мировоззрения и вводит для их обозначения термин «моральная экономика» (*moral economy*). Эти представления, которые придавали значение опыту дефицита, формировали политику местного сообщества и в свою очередь сами создавались и поддерживались его неформальной политикой. Таким образом, защита своего местного сообщества или общины и ее ценностей – «традиционных прав и обычаев [...] разделяемых большинством членов сообщества (общины)» двигало участниками хлебных бунтов, может быть, даже в большей степени, чем нужда и даже голод. Поэтому, когда женщины и мужчины принимали участие в прямых акциях протеста, они выступали против «грубого нарушения своих

моральных установок в такой же мере, как и против реальных лишений» [64, р. 78–79]. Представления участников «базарных волнений», которые отдавали приоритет «нуждам сообщества как единого целого» вместо того, чтобы использовать свои индивидуальные права и получать выгоду от обмена или пользоваться правами собственности, были в глубоком противоречии с механизмами рыночной экономики [12, р. 38].

Такие продовольственные бунты на местах обыкновенно происходили в доиндустриальную или ранне индустриальную эпоху, прежде чем процессы индустриализации и урбанизации полностью разрушали систему крестьянских домохозяйств и экономику выживания и до того, как индустриальный порядок, основанный на получении заработной платы, вовлек человека в более формальные методы социального протеста, такие как забастовка.

Какие же моральные установки, которых придерживался низший класс, отвечали сложившейся в России в начале XX в. ситуации дефицита? Многие участники продовольственных волнений рассматривали опыт дефицита и лишений с точки зрения крестьянства, из которого они происходили. Подавляющее большинство населения России было приписано к крестьянству, и большая часть городских низших слоев родилась и выросла в деревне. Историки, изучающие российское крестьянство, обычно обращают внимание на сильный коллективизм, тесные общинные связи крестьян и их желание преодолевать жизненные трудности в составе своего общества (мира или общины).

Согласно обычаю, община владела землей коллективно и распределяла ее между крестьянскими хозяйствами по количеству работников мужского пола (в некоторых регионах в соответствии с числом «едоков»), периодически перераспределяя землю в связи с изменениями в численном составе домохозяйств и другими нуждами. Налоговое бремя, таким образом, было распределено исходя из возможности домохозяйства платить. Система эта гарантировала выживание общины и отвечала ее интересам как целого организма в большей степени, чем индивидуальным материальным интересам ее членов. Несмотря на то, что последние англоязычные и русскоязычные исследования крестьянской общины демонстрируют разницу в интерпретации степени общинной сплоченности крестьян, фактически все историки сходятся в вопросе важности коллективизма как ценности, определяющей образ жизни крестьян [48, р. 438–467; 11, р. 239–265; 38; 41; 54; 70; 17]. В 1907 г. Петр Столыпин начал реформы с целью подорвать этот коллективизм и развивать индивидуальную инициативу крестьян в сельском хозяйстве, но на пути реформ встало серьезное сопротивление крестьян. К началу Первой мировой войны правительству немного удалось сделать

в этом направлении. То, насколько сильно реформы повлияли на изменение сознания крестьян, остается среди историков дискуссионным вопросом [3, с. 10].

Крестьяне были готовы защищать свою общину от государственных чиновников, сельской полиции и других чужаков, которые угрожали подорвать сложившиеся общинные отношения или лишить общинников того немногого, что они имели. Если крестьян притесняли слишком сильно или они так считали, то они могли оказать сопротивление.

Необходимость в общинной солидарности усилилась к концу XIX в. Это было результатом внешнего давления. Только такая солидарность «могла эффективно противодействовать возрастающему правительственному вмешательству и смягчить вызовы традиционному укладу жизни, вызванные, прежде всего, экономическими изменениями» [69, р. 288], навязыванием рыночной экономики.

Деревенская община поддерживала основной тезис сопротивления: женщины и мужчины действуют «вместе с миром и от имени мира» [8, с. 54; 19, р. 34–53]. Деревенская община не отгораживалась от города и промышленных поселков, в которых эти продовольственные беспорядки случались чаще всего. По многочисленным свидетельствам, чувство солидарности, идеи справедливости и вера в право быть обеспеченным продовольствием служили ориентирами для участников народных волнений. Так, например, в начале июля 1915 г. женщины, возмущившись высокими ценами на молодой картофель, спровоцировали продовольственные беспорядки на Таганском рынке Москвы. Женские крики, их шумное выражение своего недовольства собрало значительную толпу, которая отказалась расходиться до тех пор, пока цена на картофель не будет снижена до той цены, которую собравшиеся определили как «справедливую». Напуганные угрозой расправы купцы пошли на уступки [1. 4 делопроизводство. Г. 1915. Д. 130. Л. 1, 54]. Продовольственный бунт, который случился в городе Каменный завод Пермской губернии в декабре 1915 г., развивался по тому же сценарию.

В другом случае около 200 солдаток, пришедших из окрестных деревень для получения своих пособий, в ожидании выплаты с возмущением говорили о росте стоимости жизни, после чего они решили взять дело в свои руки. Женщины зашли в ближайший магазин и потребовали, чтобы цена на муку была снижена до 60 коп. за пуд. Когда купец отказался, они пригрозили, что возьмут муку вообще без всякой платы. Одна из них схватила мешок с мукой и крикнула: «тащите, девки!», и в этот самый момент купец согласился снизить цену. Женщины с успехом повторяли этот спектакль, переходя из одной лавки в другую [1. 4-е делопроизводство. 1915 г. Д. 130. Ч. 2. Л. 95–97].

Взбунтовавшиеся солдатки в Моршанске Самарской губернии ворвались в лавку и украли рулон ткани, продававшейся по завышенной цене, а затем отправились к одной из них делить добычу [6, с. 363-365].

На этих примерах, как и на многих других, которые будут приведены ниже, мы видим, что женщины низших классов демонстрировали способность проводить коллективные действия исходя из распространенных и усвоенных ими представлений о справедливости, и не только в далеких провинциальных городах, но и в городах, расположенных вокруг крупных городов, таких как Москва, например.

Насилие или угроза насилия были важным оружием в народном арсенале. Джон Болштед (John Bohlstedt) утверждает, что в Англии уровень насилия в продовольственных бунтах отражал ситуацию социальной нестабильности общества. В устойчивых сообществах, которые представляли собой деревни, среднего размера города и промышленные поселки, уровень насилия был незначительным и заключался в индивидуальном принуждении или нанесении незначительного ущерба чьей-либо собственности. Но в грохочущих индустриальных городах, таких как Лондон, большинство волнений и бунтов несли с собой более высокий уровень насилия как в отношении личности, так и в вопросе нанесения ущерба собственности [12, р. 43–46].

Эти различия трудно наложить на российский контекст. Продовольственные бунты в России могли быть ненасильственными даже в таких крупных промышленных городах, как Москва. Более часто, однако, они поднимали волну насилия, которая перекидывалась на ближайшие поселения и другие города. Посмотрим, что произошло в индустриальном городе Орехово, расположенном на границе Московской и Владимирской губерний, где большинство рабочих происходило из окрестных деревень, а фабричная и деревенская жизнь развивались путем «наложения друг на друга».

30 мая 1915 г. толпа женщин Орехова, в большинстве своем солдатки, разгромили прилавки в торговых рядах в знак протеста против высоких цен на яйца и другие продукты [1. 4-е делопроизводство. 1915 г. Д. 130. Ч. 1. Л. 1, 1, 23; 67, р. 33]. (Во многих городах и промышленных поселках, таких как эти, купцы поставляли свои товары на ярмарки и рынки, которые действовали в определенные дни недели или в определенное время года. Сельское население не имело достаточных средств, чтобы открыть лавку. Накануне Первой мировой войны около 30 % торговли все еще осуществлялось через рыночные ларьки с очень небольшим ассортиментом [35, р. 35–38]).

Также толпа женщин численностью приблизительно в 1000 чел. взбунтовалась в селе Гордеевка Нижегородской губернии в начале

июня 1915 г. Разгневанные ростом цен на основные продукты питания, в том числе на молоко и соль, женщины направились в ближайший к Гордеевке город Канавин. Желая проверить утверждение торговцев, что они распродали весь сахар, женщины переходили из лавки в лавку, требуя от купцов открыть склады. В течение дня толпа разрасталась и выросла приблизительно до 10 000 чел. Как следует из полицейского отчета, состояла она, главным образом, из женщин. Прибывшие полицейские не смогли ничего предпринять, но уже только одно их присутствие усилило враждебность толпы. Люди начали кидать в полицейских камнями и всем, что попадало под руку, затем разгромили несколько лавок и украли сахар и другие товары [7, с. 268].

Неделю спустя волнения разразились в городе Хохлома, расположенном в той же губернии. Горожане и крестьяне (гендерная принадлежность участников не известна), пришедшие на рынок из ближайших деревень, в ходе начавшихся беспорядков разгромили лавки трех купцов и похитили товаров на общую сумму в 5800 руб. Помимо этого, недовольные разоружили полицейского, который попытался остановить их, избили его, хотя и не очень сильно. Позднее, в июле того же года, женщины подняли волнения на рынках в трех городах Нижегородской губернии, нанеся ущерб собственности, но не людям [6, с. 329–331].

Вместе с тем в отдельных городских поселениях насилие могло приводить даже к летальному исходу. Между 14 и 16 февраля большинство русских женщин в Баку – крупнейшем городе Закавказья – учинили «бабий бунт», во время которого они бродили по улицам, громили лавки и мельницы. Когда бунт закончился, девять убитых остались лежать на тротуаре, 57 чел. было ранено [63, р. 64]. Очевидно, что высокая готовность к насилию была одной из черт, по которой продовольственные беспорядки в России военных лет отличались от доиндустриальных европейских хлебных бунтов [14, р. 417–431; 49].

Как объяснить эту разницу? Отчасти это связано с русской крестьянской традицией «бунта», который, по сути, был актом нескоординированного массового насилия. (Я использую этот термин с большой осторожностью, так как слово «бунтарство» часто имеет пренебрежительный оттенок. Его обычно употребляли современники или историки с целью осуждения неких акций как стихийных, в которых отсутствовала координация действий и которые происходили в силу отсталого крестьянского сознания. Многие современные исследователи русского крестьянства явно или неявно пересматривают эту интерпретацию. Тем не менее, поскольку этот термин был и остается до сих пор в широком употреблении для описания общих рамок крестьянского протеста, я использую его в этом значении...)

Но куда более значительная разница обусловлена массивным вторжением рыночной экономики и индустриального развития в деревенский уклад жизни в начале XX в.

К 1914 г. Россия завершила свое развитие как доиндустриальное общество, даже если коллективное поведение масс иногда выливалось в доиндустриальные формы. Так, например, индустриальные рабочие часто были активными участниками продовольственных бунтов, их более «современные» формы борьбы на заводах скорее сосуществовали параллельно с борьбой на рынках по поводу цен на продовольствие, чем вытесняли их [12, р. 50].

Иногда, как это было указано во введении в эту статью, фабричные рабочие формировали социальную среду хлебных бунтов, выступая как потенциальные или реальные союзники бунтующих, и забастовочная готовность рабочих придавала большую значимость и угрозу акциям, которые начинались на рынках. Угроза была особенно велика в сельскохозяйственных районах. Если фабрики располагались в непосредственной близости от деревень, а то и в самих деревнях, что было характерно для текстильных мануфактур, то работа на промышленном предприятии и традиционное ведение крестьянского хозяйства существовали в своего рода симбиозе. Часть домочадцев крестьянского домохозяйства по-прежнему трудилась на земле, другие зарабатывали деньги на фабрике, но оставались членами одной семейной экономической единицы.

Эти «крестьянские рабочие», если использовать термин, предложенный историками Дугласом Холмсом (Douglas Holmes) и Джин Квотар (Jean Quataert), отдавали большую часть своей зарплаты в семью и возвращались домой либо после работы, либо на выходные и праздничные дни. (В центральных промышленных районах, где было расположено большинство «деревенских» фабрик, сельское хозяйство не обеспечивало население продовольствием в необходимой степени. Отсюда – необходимость в других источниках дохода и формирование крестьян – и женщин и мужчин – как потребителей рынка) [31, р. 191–217; 67, р. 31–35; 18]. Это «неформальное сообщество» обеспечивало связь между фабрикой и деревней, поддерживало «базарные беспорядки» в городе и распространяло их влияние в фабричных цехах.

Так было в случае с Борогодским бунтом, в котором большую часть из 70 участников (которых полиция определила как зачинщиков Морозовской стачки) составили местные жители, 37 из них были женщинами. Около половины этих женщин были из самого Богородска или из ближайших деревень. Некоторые из них жили в фабричных бараках, другие проживали в своей крестьянской семье. Так, из двух женщин, с которыми власти обошлись наиболее жестко, одна – Прасковья Сухова, 25-летняя ткачиха, проживала в своей родной

деревне и работала на фабрике, а другая, Мария Кроликова, 31 или 34 лет от роду, ткачиха, родом из Смоленска, жила с мужем и тремя маленькими детьми в своем собственном доме в Богородске. Высокий процент женщин – зачинщиц беспорядков – вполне соотносится с их доминированием среди рабочих в текстильном производстве. Даже до того времени, как война забрала их мужей, отцов и братьев на фронт, женщины-работницы превосходили численностью мужчин на «деревенских» текстильных фабриках [9. Д. 888. Л. 54–55].

Связь между заводскими цехами и крестьянской общиной беспокоила властей. Когда в конце июня 1916 г. на рынке в промышленной Кинешме Костромской губернии вспыхнули волнения, местный губернатор немедленно оповестил начальство. Инцидент начался с того, что беременная женщина пришла на рынок, чтобы купить катушку ниток, и обнаружила, что она уже стоит 18 копеек, т. е. на две копейки больше против цены, которая была накануне. Покупательница пыталась выторговать катушку по старой цене – 16 копеек, но лавочница не уступала. Начался скандал. Что произошло затем, в точности никому не известно. По мнению одних, торговка ударила беременную женщину, поймав ее на попытке украсть катушку. По мнению других, покупательница плюнула на деньги, а торговка толкнула ее в ответ. Какой бы ни была правда, но вспышка насилия между двумя женщинами продемонстрировала, что самый обычный акт купли-продажи превратился в угрозу потенциального конфликта. Результатом этой схватки стало скопление приблизительно 4000 женщин, которые находились в это время на рынке и которые начали заставлять и в конце концов заставили купцов продавать товары по более низкой цене. В страхе, что беспорядки перекинутся на ближайшие промышленные районы, губернатор информировал Министерство внутренних дел о том, что он держит войска в боевой готовности [1. 4-е делопроизводство. 1916 г. Д. 30. Ч. 3. Л. 4–10].

В некоторых случаях заводские рабочие и участники хлебных бунтов были одними и теми же лицами. Не всегда возможно установить гендерную принадлежность рабочих. (В русском языке окончания слов могут указывать на женский род (работница), но такие слова, как «рабочие» и «работники», означают и рабочих мужского пола, и рабочих как группу, и это те слова, которые наиболее часто употреблялись в отчетах о беспорядках, если не все участники протеста были женщинами). Возьмем в качестве примера инцидент, произошедший 7 августа 1915 г. в Колпино – промышленном пригороде Петрограда на Ижорских заводах – гигантском судостроительном предприятии Морского министерства. Все началось с того, что женщины, главным образом жены рабочих и солдатки, подняли скандал по поводу повышения цен. Присутствующий при этом мас-

тер завода отделялся только увещеваниями и пустыми обещаниями. Неудовлетворенные подобным поворотом дела женщины решились на прямую акцию – обойти весь город и принудительно закрыть лавки и магазины. Около 2000 мужчин присоединились к ним после окончания рабочей смены, и с этого момента толпа стала реально опасной. Участники акции начали крушить лавки, а когда полиция попыталась урезонить их – стали швырять в нее камнями. Бунт закончился около десяти часов вечера, 15 лавок были разгромлены, их содержимое расхищено или уничтожено [1. 4-е дело-производство. 1916 г. Д. 130. Ч. 2. Л. 68].

19 января 1916 г. губернатор Москвы уведомил Министерство внутренних дел об опасности продовольственных погромов со стороны рабочих на Пресне. Согласно его рапорту, около 6 500 рабочих Прохоровских мануфактур и нескольких близлежащих фабрик, недовольные ростом цен на жизненно важные продукты, планировали погром местных лавок. В надежде предотвратить волнения, губернатор предложил фабричной администрации Прохоровских мануфактур увеличить поставки продуктов по приемлемым ценам в фабричный магазин и открыть на Пресне мясную лавку [1. 4-е дело-производство. 1916 г. Д. 130. Ч. 2. Л. 98].

Также заводские рабочие принимали участие в беспорядках в середине июля 1916 г. в фабричном поселке Родники Костромской губернии. Разозленные взвинченными ценами и отсутствием на рынке сахара, фабричные рабочие присоединились к местным жителям (гендерная принадлежность участников не известна). Толпа собралась у кондитерской лавки и потребовала снизить цены под угрозой взять лавку штурмом. Усиленный отряд полиции был отправлен на место происшествия, а местные власти предложили купцам снизить цены до того уровня, на котором настаивала толпа [1. 4-е дело-производство. 1916 г. Д. 130. Ч. 3. Л. 12].

В подавляющем большинстве в продовольственных бунтах, гендерный состав участников которых оказалось возможным установить, преимущественно участвовали женщины низших классов. Это та же модель, что и в любой другой стране Европы. В классической формулировке Олвена Хафтона (Olwen Hufton): «хлебные бунты были женской и даже материнской сферой деятельности» [32, р. 90–108]. (Джон Болштед оспорил это утверждение. Он считает, что волнения не были спонтанными, но планируемыми акциями и представляли собой род народной солидарности, что они были результатом «комплексных представлений и мнений об общинности и обязательствах, а не инстинктивным бунтарством голодного желудка». Соответственно, мужчины более часто, чем женщины, защищали семейные экономические интересы на рынке, хотя женщины тоже делали это. Это были как бунты «кормильцев семьи», так и

«хлебных бунтовщиков» одновременно, и они представляли собой «компонент местной экономической политики» [12, р. 38]). Безусловно, война усилила эту тенденцию в России, забрав на фронт отцов, сыновей и мужей, которые обычно предъявляли женские проблемы обществу и государству. В отсутствии мужчин у женщин не было иного выбора, как действовать самостоятельно и от своего собственного имени.

Возможно, более важным было то, что война сильно трансформировала статус жены солдата – солдатки. По контрасту с положением солдатских жен в других частях Европы в России солдатские жены принадлежали к особой юридической и социальной категории, что было результатом сословной системы. До военной реформы 1874 г. солдаты, преимущественно крестьяне, служили в армии 25 лет. Как только их призывали в армию, они становились своего рода социальными изгоями и в значительной части передавали свой социальный статус своим женам. Рекрут сразу же терял как сферу своей деятельности, так и право на свой надел, а крестьянское домохозяйство зачастую изгоняло солдатку как лишнее бремя и как лишний рот. Но даже после реформы 1874 г., сократившей время армейской службы до шести лет с дополнительными девятью годами в резерве, и с расширением социальной базы призывников за счет городских низших классов, солдатки оставались маргинализованной группой. Один тот факт, что солдатки даже в конце XIX в. были непропорционально широко представлены среди проституток, можно рассматривать как показатель их уязвимости [20, р. 58–73]¹.

Первая мировая война изменила положение солдатки, передвинув ее из маргинальных групп населения ближе к центру. К концу 1916 г. число мужчин, призванных на службу, достигло порядка 14 млн 600 тыс. человек, включая молодых мужчин, которые были единственными кормильцами в своих семьях. Около трети всех крестьянских хозяйств осталось без мужчин-работников, а к началу 1917 г. уже практически половина (47,8 %) трудоспособного деревенского мужского населения была призвана на войну. (Громадные военные потери в августе 1915 г. вынудили Думу внести изменения в закон, освобождающий некоторые категории мужчин от службы в армии) [68, р. 95–96; 50, р. 5].

Едва ли крестьянки находили утешение в том, что их мужчины погибают ради высокой цели. Даже в первые полные энтузиазма дни войны проявление про-военных настроений среди крестьян было минимальным, их апатичная реакция и откровенное сопротивле-

¹ Еще многое нужно исследовать в отношении этой маргинальной социальной группы, которая играла такую важную роль в обществе в революционный период.

ние мобилизации явно контрастировало с демонстрацией патриотического пыла образованной публики. Среди мобилизованных крестьян-резервистов иногда вспыхивали волнения, их жены также время от времени бунтовали [50, р. 77, 97–99]. Подобно своим мужьям солдатки смотрели на войну как на бесполезное, дорогостоящее и рискованное предприятие.

Все усилия правительства сформировать общественное мнение, благоприятное для ведения войны, абсолютно не затронули крестьян. К тому же официальная правительственная пропаганда в России была довольно-таки слабой и неэффективной и имела незначительное влияние на культуру военного времени и умонастроения низших классов.

Несмотря на то, что неофициальные и неформально складывающиеся патриотические политические тренды широко циркулировали в России в первые месяцы войны, выстраивая «идейный мост между высокой и народной культурой перед лицом общего врага», эти неофициальные патриотические усилия не были ни долгосрочными, ни успешными в формировании единой патриотической культуры для всего периода войны. Проблема состояла в том, что относительно просто было нарисовать врага так, чтобы все россияне согласились ненавидеть его – либо в лице кайзера, либо германского агрессора, но значительно труднее было дать ответ на вопрос: за что, собственно, русские должны были воевать? За царя? За флаг? За народную культуру и ее героев?

Война обнаружила огромное разнообразие патриотических самоидентификацией, а в случае низших классов – полное отсутствие патриотической самоидентификации. Хьюбертус Яан (Hubertus Jahn) подытожил это следующим образом: «Большинство россиян не видели себя лояльными субъектами империи, ее верноподданными». Не существовало единой работающей идеологии, общей для всей нации, не было «хорошо обдуманной политической позиции», которые бы, по мнению Эрика Хобсбаума (Eric Hobsbawm), конституировали нацию и формировали граждан, а не просто подданных государства» [33].

Правительственная пропаганда военного времени попыталась интегрировать женщин в общество, предложив им новые роли в публичной сфере, как это делалось повсюду – и в Европе и в США (еще в пору гражданской войны). На деле же женщины практически отсутствовали в российской пропаганде военного времени, за единственным исключением – их представляли в качестве сестер милосердия. (Самым верным сравнением здесь, наверное, будет сравнение с Германией, так как гражданские права в Германии были также сильно урезаны, как и в России. Но во время войны немецкое правительство выказывало беспокойство по поводу нужд граждан-

ского населения и определило потребительские проблемы как сферу женской деятельности, предоставив женщинам право действовать от своего имени и в собственных интересах [16, р. 296; 34, р. 42, 70]).

Первая мировая война как поддержала ожидания солдатки, так и разочаровала ее. В 1912 г. правительство взяло на себя ответственность за поддержание семей мужчин, призванных на действительную военную службу, установив обязательное государственное пособие для их жен и детей. Вскоре после того, как разразилась война, 11 августа 1914 г. был создан Верховный совет по поддержанию солдатских семей и семей раненых и погибших воинов под покровительством императрицы Александры.

Но правительство не имело ни чиновников, которые были в состоянии профессионально, ответственно и честно работать по созданию этой системы, ни тех огромных средств, которые требовались для обуздания инфляции, чтобы выполнить свои обязательства перед солдаткой в экстремальных условиях войны. Единая система распределения пособий фактически рухнула под весом бюрократической иерархии, созданной для руководства ею. Несмотря на ее развал, общественное мнение признавало, что солдатки имеют особые нужды, а их мужья могут «питать «апокалипсические надежды» на помощь государства [50, р. 67; 46, р. 211; 60, р. 305; 68, р. 78] и тем самым давало солдаткам новое для них ощущение законного права на поддержку государства.

Во время войны солдатки сделали беспрецедентно активными. Они действовали индивидуально и коллективно, как специфическая группа, бомбардируя власть прошениями и петициями, описывая свое тягостное материальное положение и требуя от правительства выполнения своих обещаний [50]. Их групповые акции происходили главным образом в небольших городках или районных центрах, куда эти женщины были вынуждены время от времени приезжать, чтобы подать жалобу или получить пособие. Примером такого выступления может служить хлебный бунт, произошедший в местечке Каменный Завод Пермской губернии в декабре 1915 г. В нем под руководством Параскевы Ельцевой – женщины, у которой двое сыновей были на фронте, приняло участие около 200 солдатских жен [1. 4-е делопроизводство. 1915 г. Д. 130. Ч. 2. Л. 95–97].

Такие выступления драматически нарастали в течение всего 1916 г. Так, 27 июня в Моршанске Самарской губернии группа солдаток численностью от 50 до 60 человек, получив свои пособия, двинулась в одну из лавок местного купца и потребовала продать им ткань по довоенной цене. Пока он спорил с ними, толпа все увеличивалась в размерах и женщины настаивали все сильнее и сильнее. В конце концов одна из них перелезла через прилавок и начала

сбрасывать рулоны материи на пол, другие последовали ее примеру. Женщины забрали товар, а затем отправилась в другой магазин, где повторили эту акцию [6, с. 363–365]. Несколько подобных инцидентов произошли в этом регионе почти в одно время, и все они были связаны с высокой ценой на товары или отсутствием в продаже сахара.

Тремя днями раньше в Таганроге толпа, состоящая более чем из тысячи человек, идентифицируемая по своему составу как солдатки, захватила склад сахара, принадлежавший местному купцу, и поделила его содержимое между собой. Затем, когда со складскими запасами было покончено, они пошли громить другие магазины. Рассеялась толпа только после того, как прибыли войска и была дана команда открыть огонь.

Несколькими неделями позже продовольственный бунт в очередной раз вспыхнул в Таганроге, когда около 80 женщин, также идентифицируемых как солдатки, ворвались в центральный склад и уничтожили или похитили товаров, как следовало из заявления хозяина, на общую сумму около 900 руб. [6, с. 304–305].

Слухи об этих происшествиях быстро распространялись. В Астраханской губернии они подтолкнули женщин из пяти деревень отправиться на рынок и попытаться силой заставить местных купцов вполосину снизить цены на монпансье, которое в деревне употреблялось вместо сахара к чаю. Пока один из торговцев сопротивлялся и звал полицию, несколько мужчин пришли на подмогу женщинам, в результате чего произошла потасовка. Беспорядки продолжались неделю, в них приняло участие более 500 женщин [6, с. 282–285].

14 июля толпа, состоявшая главным образом из солдаток, подняла бунт в слободе Лосевой Воронежской губернии. Около 15 женщин в базарный день вошли в лавку, одна из них попросила продать ей меру ситца – китайки по 15 коп. за аршин (0,71 м). Торговец ответил, что такой цены на ситец давно уже нет, и поскольку женщина продолжала настаивать на старой цене, он взял ее за локоть и попытался вывести из лавки. Или, по крайней мере, как он сам сказал, потребовал покинуть лавку. Однако женщина стала кричать, что он ее ударил и тем самым нарушил неписанное правило, по которому только муж женщины может поднять на нее руку. На крики быстро собралась толпа около 800 чел., главным образом женщин, которые ворвались в магазин и расхватали товары. Офицер, который описывал эти события, докладывал, что, по слухам солдаты в своих письмах с фронта советуют женам «бунтовать» для того, чтобы их отпустили по домам [6, с. 292, 301–303, 332, 361–365, 374–378, 385–391].

Массовые беспорядки распространялись по всей империи весной 1916 г. и одной из их «типических черт» было участие в них жен

мужчин, призванных на войну [1. 1915 г. Д. 130. Ч. 3. Л. 141]. Хотя большинство солдаток принадлежало к крестьянскому сословию и проживало в деревнях, их бунты происходили на почве продовольственных проблем, а их акции отличались от выступлений деревенских женщин, произошедших всего лишь несколькими годами раньше.

Я не нашла свидетельств о продовольственных бунтах в годы, последующие за отменой крепостного права или во время потрясений 1905–1906 гг. До 1905 г. крестьяне – и женщины и мужчины – преимущественно вступали в конфликт с «чужаками», которые представляли угрозу для благополучия деревни. Во время революции 1905–1906 гг. они стали более агрессивны и стали проявлять беспрецедентное насилие в отношении помещичьей собственности. Но в оба эти периода крестьянки действовали, преимущественно защищая свой род и общину, и следовали своей легитимной материнской роли с особым подчеркиванием беременности, демонстрацией прижатых к груди младенцев или малолетних детей, стоявших перед ними [19].

Но ни младенцы, ни маленькие дети уже не фигурировали в актах сопротивления солдаток в военное время, и ссылки на угрозу детского голода были крайне редки в обнаруженных источниках. К 1915–1916 гг. стало очевидно, что достаточно было быть женой человека, сражающегося на фронте, чтобы чувствовать себя имеющей право на «справедливость». «Пусть знают и на позиции, что в России делается», – так, по имеющимся данным, писала одна солдатка в письме мужу, описывая беспорядки, которые произошли в слободе Лосевой Воронежской губернии в июле 1916 г. [6, с. 292]. Трудности своих семей действительно глубоко волновали солдат на фронте [68, р. 1–8–109].

Когда атаман казаков угрожал казацким женам, которые начали продовольственный бунт в области войска Донского в августе 1916 г., сами казаки сдерживали его. По их мнению, атаман не имел права применить оружие против женщин, чьи мужья воевали [6, с. 332].

В конце 1916 г. губернатор Томска жаловался, что «солдатские жены уверены, что раз их мужья находятся на военной службе и проливают кровь, то им, солдаткам, должна быть во всем уступка» [6, с. 388]. Здесь можно провести сравнение с более организованными, но и более «матерински» окрашенными выступлениями нью-йоркских домохозяек в 1917 г., что подтверждает «материнскую» природу стратегии продовольственных волнений [22, р. 255–285].

Участвуя в продовольственных беспорядках в сельских местностях или провинциальных городах, солдатки держались обособленно, одной группой, и наблюдатели всегда могли выделить их. Однако существовало много других групп женщин, которых было не

так легко идентифицировать и которые возможно также считали, что государство должно им что-то взамен того, что послало их мужей и сыновей на войну.

Мобилизация миллионов мужчин в 1914 г. имела своим следствием выталкивание на работу миллионов женщин для того, чтобы хоть как-то возместить потерю зарплаты мужа, и усиливая позиции уже значительной женской рабочей силы в промышленности. Между 1914 и 1917 гг. в процентном выражении число женщин-работниц на промышленных предприятиях России возросло с 26,6 до 43,2 % [46, р. 214]. В крупных городах и промышленных центрах значительная часть замужних работниц также были солдатскими женами. Это было очень мобильное, непостоянное и взрывоопасное сочетание идентичностей.

С 1880-х гг. женщины обеспечивали рост доли неквалифицированного и низкооплачиваемого труда в промышленности, за работу они получали только часть мужской зарплаты и ценились за послушание. Как и большинство рабочих-мужчин, женщины-работницы в большинстве своем имели крестьянские корни, были выходцами из деревни, и традиции патриархата лежали на их плечах тяжелой ношей. Вначале работницы были не организованы и в меньшей степени готовы к забастовкам, чем мужчины-рабочие. Но через какое-то время они стали более уверенными в себе и даже проявляли агрессивность.

Во время революции 1905 г. они проявили беспрецедентную самостоятельную активность, участвуя в разного рода стачках, забастовках и бойкотах. В заключительном аккорде сопротивления властям, в декабре 1905 г., они присоединились к мужчинам на баррикадах и защищали революцию.

В начале 1912 г. число забастовок, в которых женщины играли заметную роль, значительно увеличилось. Бастующие женщины часто требовали от старшего персонала вежливого обращения к себе, что было свидетельством возрастающего сопротивления распространенному пренебрежению, оскорблениям и унижению их достоинства. И хотя разразившаяся Первая мировая война временно приостановила стачечный процесс, они возобновили забастовки во второй половине 1915 г., и к 1916 г. число женщин – участниц забастовок достигло предвоенного уровня [27, р. 144–145]. Была ли солдатка новенькой на фабрике или опытной работницей, потерявшей на войне мужа, она принадлежала к женской рабочей силе, которая все более склонялась к борьбе за свои права. Ощущение солдатки, что она имеет право на получение социальной помощи, влияло на обострение социальных антогонизмов, которые уже раскололи городское население и противопоставили «нас», т. е. низшие слои общества и рабочий класс, и «их», т. е. «достаточное» население и само буржуазное общество [30, р. 98].

С самого начала вопрос продовольственного снабжения имел социальное измерение в России. Исследователи Первой мировой войны замечают, что «спекуляция» быстро стала важной риторической уловкой, которая позволяла властям объяснить дефицит, рост цен и конфискацию товаров [34, р. 91]. Однако среди низших классов риторика в отношении спекуляции развивалась в другом русле, формируя враждебность низших слоев населения к рыночным игрокам, которые делали деньги за счет народа. Представители низших классов атаковали магазины, потому что подозревали купцов и торговцев в том, что они поднимают цены и прячут товары для того, чтобы получить большую прибыль. Например, во время продовольственного бунта в Кинешме люди в толпе кричали: «Торговцы обкрадывают покупателей!» и «Отдайте сахар, который украли торговцы, нам нечего есть», затем они украли сахар из одного ларька. В своем рапорте губернатор Костромы оценил настроения населения по отношению к купцам и торговцам как очень агрессивное и добавил, что, по его мнению, существовал хороший повод для ненависти [1. 4-е делопроизводство. Д. 30. Ч. 3. Л. 7]. Примеры бунтов, объяснявшихся ненавистью к торговцам, можно найти в Москве, Нижнем Новгороде и других городах [1. 4-е делопроизводство. Д. 130. Ч. 1. Л. 5, 24; 7, с. 249].

Провал правительственной политики по созданию эффективной системы нормирования, которая обеспечила бы равный доступ к необходимым товарам, означал, что лишения военного времени распределялись среди населения далеко не равным образом. Те, кто имел деньги, были в состоянии купить все, что они хотели, даже в ситуации острого дефицита. И как результат обеспеченные слои общества также стали объектом народной ненависти. В рапорте Петроградской полиции, датированном декабрем 1915 г., описываются настроения женщин, стоящих в продовольственной очереди в следующих терминах: «Все эти женщины, мерзнувшие при 20 градусах мороза целыми часами ради получения 2 фунтов сахара или 2–3 фунтов муки, невольно и естественным образом ищут виновников постигшего их бедствия». Они видели его в «барыне» (достоинном покупателе), могущей закупить у оптовика товары сразу чуть ли не по сотне рублей и способствующей исчезновению товара [2, с. 156–157].

Нехватка мяса перед Рождеством еще больше обострила социальное напряжение в Петрограде, женщины низших классов были разъярены, и их ярость была направлена против «состоятельной публики, имеющей возможность и покупающей на глазах у беднейшей части населения мясо в более или менее значительном количестве [2, с. 158].

Такое социальное напряжение было характерно не только для Петрограда. В городе Кимры, рядом с Тверью, – важном ремесленном центре по пошиву обуви – продовольственные беспорядки обнаружили те же самые социальные антагонизмы. В октябре 1916 г. толпа, состоящая преимущественно из женщин, вломилась в магазин, владелец которого отказался продать им сахар, мотивируя тем, что его у него просто нет. Они требовали проверки складов и уничтожили или расхитили все, что попало им на глаза.

Несколькими днями позже толпа женщин кричала в ответ исправнику, который увещевал их соблюдать закон, что они голодают, что никто не продал им сахара, что вместо этого купцы продают его «достаточным людям» за 1 руб. 60 коп. за пуд (36 фунтов). Объяснения исправника, что сахара просто нет, и его заверения, что злоупотребления будут расследованы властью, никто не хотел и слышать. До тех пор пока в город не были подтянуты значительные военные силы, порядок не был восстановлен. (Полиция долго не могла поверить, что толпа пришла в такое возбужденное состояние сама, без помощи каких-либо пропагандистов и поэтому расследовала вопрос, не было ли там политических агитаторов (некого Плетнева, члена местного продовольственного комитета). В итоге было выяснено, что причиной волнений был просто гнев людей по поводу роста цен на жизненно необходимые продукты питания и отсутствие в продаже рафинированного сахара и трудности с покупкой даже кускового сахара, который редко использовали при чаепитии) [1. 4-е. Д. 73. Ч. 3. Л. 1–10].

Такие столкновения демонстрировали поразительное отсутствие уважения к власти и отсутствие веры в способность и желание этой власти беспристрастно и объективно содействовать урегулированию конфликта между социальными группами. Лишения военного времени и социальная несправедливость усугубляли отношение к власти как некомпетентной и еще в большей степени подрывали представления о ее легитимности.

В начале 1915 г. директор московского департамента полиции докладывал о распространении слухов, согласно которым некие полицейские чины помогают спекулянтам скрывать продовольствие для того, чтобы удерживать высокие цены, и что полиции было «заплачено за это спекулянтами». Также он писал, что имеют широкое хождение голословные утверждения, что полиция требует взятки от тех лиц, которые хотят привезти продукты в город [1. 4-е делопроизводство. 1915 г. Д. 130. Ч. 1. Л. 12]. Согласно отчету петроградской полиции в сентябре 1915 г., в народе высокие цены и дефицит продовольствия объясняется «неумением и нежеланием центрального правительства урегулировать эти вопросы». Как результат – «отношение к нему также в подавляющем большинстве случаев

крайне отрицательное. С недоверием относятся и к представителям местной администрации, чины же полиции открыто порицаются за якобы явное взяточничество и содействие, оказываемое спекулянтам [...] вместо помощи в борьбе с мародерами» [2, с. 155, 157–158].

В декабре 1915 г. вслед за состоятельными покупателями полицейские также стали объектом ненависти населения Петрограда. Беднота считала, что городской, пропускающий в лавку одних, останавливающий других, играет вообще как бы роль вершителя продовольственного вопроса в столице [2, с. 156]. Полагаю, Роберт Фарстон (Robert Thurston) прав, называя рядового полицейского, исполняющего свои обязанности, «самым низшим и наиболее видимым чином царской бюрократии», который чаще осуществляет государственную власть и «который больше всех страдает от упадка власти, и тогда критика полиции, сомнения в ее честности получает политическое значение» [64, р. 330; 9. Д. 888. Л. 18; 7, с. 268; 6, с. 283, 292, 362].

Часто имела место физическая расправа над полицейскими, о которой неоднократно упоминалось в этой статье, включая инцидент, когда толпа закидала полицейских камнями с криками «долой полицию!». Бунтующие часто реагировали на усилия полиции защитить владельцев магазинов и успокоить недовольство толпы градом камней или нападением на полицейских либо с голыми руками, либо вооружившись вилами, палками и всем, что попадалось под руку [9. Д. 888. Л. 18; 6, с. 283, 292, 362; 7, с. 268].

Ко второй половине 1916 г. политическая значимость продовольственных беспорядков стало очевидной. В июле в области войска Донского солдатские жены сорвали портрет царя во время разграбления лавки местного купца. В то время как в дискурсе элиты были распространены обвинения «германской» императрицы Александры в поражении русской армии, женщины низших классов прямо возлагали ответственность на царя. Они топтали ногами валяющийся на полу портрет в разбитой раме и кричали: «Растопчем его, он забрал наших мужей на войну!». Одна из женщин залезла на прилавок и ткнула в стекло на портрете императрицы, который висел на другой стене, со словами: «Императрица не виновата, это царь послал наших мужей на войну. Растопчем его!» [6, с. 303–304].

В начале ноября в дни, когда хлебный кризис стал окончательно безнадежным, губернатор Москвы писал, что результатом отсутствия хлеба в течение трех дней в деревне Озера стало то, что все, включая рабочих местной фабрики, повернулись против войны, что всюду слышались речи, что «на войне колотят наших мужей и детей, в домах хотят голодом нас уморить» [1. 4-е делопроизводство. 1915. Д. 30. Ч. 4. Л. 235].

Таким образом, продовольственный кризис в годы войны продолжал усугублять поляризацию российского общества, делая конфликт между «нами» (низшими слоями населения и рабочим классом) и «ими» (не только всем оставшимся населением и буржуазным обществом, но, наконец-то, и самим самодержавным государством) вопросом жизни и смерти.

Беспрецедентная результативность продовольственных бунтов, которые свалили царя, – историческая аномалия. Продовольственные бунты характерны для доиндустриальных и раннеиндустриальных обществ, в которых политика неформальных сообществ преобладала, поддерживалась идея моральной экономики, более подходящая для выживания человека, чем рыночные ценности. Индустриализация влечет за собой более формальные формы протеста. Продовольственные бунты выглядят устаревшими или, по крайней мере, неэффективными, так как возникший в больших и средних городах новый индустриальный порядок лишает бунтовщиков той поддерживающей среды, которая заставляла торговцев и владельцев магазинов согласиться с требованиями «справедливой цены».

При данных обстоятельствах, утверждает Джон Болштед (John Bohstedt), женщины могут продолжать поднимать хлебные бунты, но «они оказываются заложницами традиционного протеста, в то время как их братья и отцы создавали более современные политические и трудовые ассоциации, отстаивая свои позиции на капиталистическом рынке труда» [12, р. 50].

Развитие событий в России не было, возможно, таким прямым, как в других странах. Усвоение женщинами новых социальных ролей и война смогли придать новое значение продовольственным беспорядкам. В Германии, например, пропаганда военного времени предоставляла женщинам не только права, но подчеркивала важность их роли покупательниц и их социальное влияние как покупательниц. Так как городская публика воспринимала свои потребительские лишения как символический налог на войну, она активно поддерживала участников продовольственных беспорядков, делая их куда более эффективными. Широкое распространение симпатий публики к участникам продовольственных волнений принудили немецкое правительство взять под контроль рынок и гарантировать женщинам доступ к скудным запасам продовольствия. Белинда Дэвис (Belinda Davis) считает, что длительное, хотя, может быть, и недостаточное внимание власти к нуждам потребителей, имело целью предотвратить революцию в Германии [16, р. 287–310; 51, р. 425]. В Европе, в столицах союзнических государств нормирование продуктов питания снижало напряжение среди населения [13, р. 326].

В России война превратила сотни тысяч женщин в промышленных работниц и миллионы – в солдаток. Между 1914 и 1917 гг. сто тысяч новичков заняли рабочие места мужчин, ушедших на фронт. Большинство из этих новых рабочих были женщинами, и неизвестно, сколько из них были солдатскими женами. Некоторые из них переехали ради работы из деревни в город. Другие уже проживали в городах и пошли на работу, только когда их мужья и отцы ушли на фронт. Кроме того, были еще такие, которые перешли с довольно низкооплачиваемой работы в текстильных профессиях на более оплачиваемые позиции в металлическом производстве. Особенно показательно этот процесс происходил в Петрограде, где число женщин-работниц выросло в шесть раз [46, р. 214]. Роберт МакКейн (Robert McKean) выдвинул гипотезу, по которой большинство влившихся в ряды рабочего класса в Санкт-Петербурге были крестьяне. Но замечает, что «из-за отсутствия достоверной статистики» установить с высокой степенью точности пропорции представительства различных социальных групп среди этих людей невозможно [44, р. 330]. Отсутствие статистики также делает невозможным с уверенностью говорить о составе женской рабочей силы в военное время в России.

Новички из деревни принесли с собой традиционные упования, надежды на «моральную экономику» и «справедливую цену», а также ощущение прав на получение пособия за своих воюющих на фронте родственников – мужчин. Они влились в женскую рабочую силу, чья напористость и возможность отстаивать свои права стала очевидной в начале войны. Это сочетание было чрезвычайно мобильным и взрывоопасным. Участие женщин-работниц в продовольственных бунтах добавило последним новый аспект, дало потенциал и возможность к перетеканию их в более «современные» формы протеста или сочетанию с ними, как это случилось в Богородске в 1915 г., а затем в 1917 г. и привело к таким драматическими последствиями [29, р. 82].

Вместе с тем продовольственные бунты свидетельствуют о сопротивлении рыночным силам части российских низших классов, по крайней мере, среди отдельных групп промышленных рабочих. Также продовольственные волнения демонстрируют нам интенсивность, с которой именно эти люди научались и привыкли пользоваться товарами, производимыми рыночной экономикой. В Европе в более ранние времена продовольственные бунты случались только в ответ на дефицит или высокие цены на хлеб и зерно – самые основные и необходимые для жизни продукты питания. Во время Первой мировой войны русские требовали «справедливой» цены на более широкий круг товаров, производимых рынком, которые вообще-то именно рыночная экономика и сделала для них доступными.

В большинстве инцидентов, указанных в этой статье, сахар и другие продукты выступали причинами раздора куда более часто, чем хлеб или мука. Ю. Кирьянов включил в свою статью о продовольственных бунтах таблицы, в которых он классифицировал бунты 1916 г. по времени, месту действия, региону и товарам, из-за дефицита которых или из-за высокой цены на которые они начались. Он не смог определить товары в семи из 44 волнений. Сахар играл главную роль в 19 случаях, в 37 – в комбинации с другими продуктами. Такие продукты, как хлеб, мука и картофель были основными причинами бунтов только в 10 случаях. Гнев по поводу цен или невозможности купить какие-то еще другие продукты был причиной только в девяти инцидентах, перечисленных в таблице, включая бунт, спровоцировавший Февральскую революцию [5, с. 12–13]. Хотя массовые беспорядки, которые прокатились по всей империи весной 1916 г., обычно называют «голодными бунтами», в действительности население возмущалось «не только из-за высоких цен на такие бакалейные товары, как сахар, мука и т. д., но также из-за роста цен на необходимые для каждодневной жизни товары, такие как обувь, мануфактурные товары, – читаем мы в отчете Министерства внутренних дел [1. 4-е делопроизводство, 1916 г. Ч. 3. Д. 130. Л. 141].

Факт дефицита или высоких цен на такие товары, как мясо, мыло, ситец-китайку и кожу, или, что даже более часто, на сахар, толкали низшие классы на протест. Сахар был относительно новым продуктом в рационе крестьян, но к началу XX в. многие из них приобрели привычку регулярно употреблять его вместе с чаем. Рацион промышленного рабочего был более разнообразным, чем у крестьянина. И хотя хлеб и зерновые продолжали доминировать в рационе рабочих, большинство имели привычку пить чай с сахаром ежедневно и есть мясо более часто, чем деревенские, которые употребляли его преимущественно в праздничные дни [56, р. 251–266; 4, 186–187].

Рабочие также предпочитали кожаные сапоги или ботинки лаптям или валенкам, которые носили крестьяне; промышленного изготовления ткани – домотканым и мыло – щелоку и золе, которые крестьяне использовали для стирки. Это хорошо демонстрирует тот факт, что низший класс больших городов, таких как Москва и Петроград, практически не имел выбора и оказался в сильной зависимости от ситуации с продовольствием и товарами на рынке, по сравнению с крестьянами, которые в случае крайней нужды могли прожить за счет того, что сами производили.

Так, например, в марте 1916 г. мы обнаруживаем 16 работниц, «бастующих» из-за цены на ситец в московском пригороде – в Подольске. Получив зарплату, женщины шли с работы домой. Проходя

мимо торговых рядов, одна из них зашла в магазин, узнать о цене на ситец. Когда она услышала цену – 30 коп., то схватила товар с прилавка и выбросила его на улицу своим товаркам. Некоторые из них зашли в магазин и помогли ей. Этот инцидент длился не более пяти минут и завершился воровством товаров [1. 4-е делопроизводство. 1916 г. Д. 42. Ч. 3. Л. 1]. (Беспорядки, случившиеся в Кинешме, Костромской губернии в июне, описанные ранее в этой статье, начались из-за цен на нитки и переросли в конфликт по поводу мыла и других продуктов). Такая ситуация могла случиться и из-за перебоев с сахаром, который рабочие употребляли с чаем, чем замещали потребление более существенных продовольственных продуктов в своем рационе. Все это – косвенные свидетельства реального снижения их уровня жизни [5, с. 171; 47, р. 149].

Но в действительности в выступления по поводу таких товаров, как обувь, ткани и мыло, вовлекались люди, которые по-прежнему имели доступ к продуктам домашнего производства, людям, которые жили рядом с деревнями или прямо в них. Жители промышленных городов, таких как Кинешма и Подольск, или промышленных поселков вроде Большого Маресева Нижегородской губернии привыкли потреблять товары промышленного производства и городского происхождения, и частично выросшая цена на эти товары способствовала подъему народного недовольства по поводу снижения стандартов их жизни. Или если поставить вопрос иначе – народное определение «справедливости» включало доступ к товарам, которые все еще оставались роскошью для большинства крестьянского населения. Это было верно в отношении рабочих и их семей или недавно приехавших из деревни, или работавших на фабриках, расположенных в деревнях.

Бунты, таким образом, демонстрировали, что не только в больших и малых городах, но и в промышленных поселках вкусы низших классов становились более взыскательными и более зависимыми от рыночной экономики. Они также подтвердили наблюдение Терри Бонзона (Thierry Bonzon) и Белинды Дэвис (Belinda Davis), что связь между материальными трудностями, испытываемыми населением, и уровнем их недовольства далеко не так проста и очевидна [16, р. 339]. По крайней мере, до тех пор, пока хлебный кризис не стал реальным и актуальным, потеря потребительского статуса поднимала людей на сопротивление возможно так же, как и сами лишения. Но это не делало эти лишения равными. Одной из характерных черт ситуации во время войны с Германией было невелирование социальных различий. Все городские слои населения сформировали собственную идентичность как потребителей, и эти новые имиджи вытесняли «раздробленные и слабые довоенные имиджи, которые строились на классовой основе» [16, р. 289].

Такая ситуация не сложилась в России. Здесь привилегированный доступ к товарам для потребителей с деньгами и невозможный для тех, кто был без денег, усугубил уже существующие социальные антагонизмы между привилегированными и непривилегированными слоями российского общества, в то время как правительственные усилия эффективно решить продовольственную ситуацию или урегулировать отношения между социальными группами, которые реально могли спровоцировать его падение, потерпели неудачу.

Если говорить о численности людей, вовлеченных в продовольственные бунты, то они оказываются не столь впечатляющими на фоне количества участвовавших в промышленных забастовках, набравших силу на всем протяжении войны.

Тот вывод, что к концу 1916 г. социальная поляризация российского общества только усугубилась, и что женщины и мужчины низших классов глубоко разочаровались в самодержавии как форме правления, далеко не нов. И тем не менее более внимательный взгляд на продовольственные бунты дает понимание их ценности, так как они рассказывают нам о взглядах низших классов накануне революции и о социальной базе самих продовольственных волнений. Бунты показали, что во многих случаях люди на рынках и на фабриках принадлежали к одному и тому же неформальному сообществу и имели общие представления о «справедливости», которые включали в себя право потреблять рыночный продукт. Бунты также обнажили существовавшую ненависть к «достаточным» людям, чьи деньги давали им привилегированный доступ к скудным ресурсам, а также к полицейским и чиновникам, которые регулировали процесс распределения и в конечном итоге были представителями власти, провалившей политику равенства в лишениях.

В конечном итоге бунты показали, что война способствовала росту у многих женщинах низших классов – тех, которые были солдатскими женами, ощущения и признания за собой права на пособие и что остальное население не только увидело изменения в статусе этих женщин, но приняло их требования. В самом деле, стоит вспомнить тех донских казаков, которые в августе 1916 г. удерживали своего атамана, считая, что он не имеет прав применить оружие против женщин, чьи мужья сражались на фронте. Могло ли быть так, что сдержанность казаков в феврале 1917 г., по крайней мере части из них, была вызвана пониманием, что эти женщины, массово вышедшие на улицы Петрограда, были женами и матерями мужчин, воюющих на фронте?

И, наконец, исследование мотивации участников продовольственных бунтов, на которые историки так часто ссылаются, показало, что народные чаяния и ожидания были более сложными, чем это обычно признавалось. После февраля 1917 г. материальные нужды

российского низшего класса можно было выразить только в одном слове – «хлеб», так это звучало и в большевицком лозунге – «Мир, земля, хлеб», и действительно к 1917 г. хлебный кризис стал реальностью. Однако по крайней мере до конца 1916 г. многие представители городских низших классов предполагали жить не только хлебом единым, они хотели сахара к чаю, мяса на своем столе, добротных ботинок на ногах и меры ситца-китайки на юбку или платье. Их ожидания более-менее приличного материального достатка в своей жизни оставили след в историях российского рабочего класса в революционные времена. И вместе с враждебностью к торговцам и «буржуазии» эти ожидания остались частью истории революции.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Департамента полиции.
2. Граве Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны: июль 1914 г. – февраль 1917 г. – М.; Л., 1926.
3. Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. – М., 1963.
4. Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). – М.: Наука, 1979.
5. Кирьянов Ю.И. Массовые выступления на почве дороговизны в России – 1914 – февраль 1917 г. // Отечественная история. – 1993. – № 3. – С. 3–18.
6. Крестьянское движение в России в 1914–1917 гг.: сб. док. – М.; Л.: Наука, 1965.
7. Революционное движение в Н. Новгороде и Нижегородской губернии. 1907 – февраль 1917 гг.: сб. док. – Горький, 1971.
8. Русские: семейный и общественный быт / отв. ред. М.М. Громыко, Т.А. Листова. – М.: Наука, 1989.
9. Центральный государственный архив города Москвы. Ф. 17. Оп. 84.
10. Atkinson D. The Statistics on the Russian Land Commune, 1905–1917. – *Slavic Review* 32. – December 1973. – P. 773–787.
11. Bartlett R. Land Commune and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society. – N Y, 1990.
12. Bohstedt J. The Myth of the Feminine Food Riot: Women as Proto-Citizens in English Community Politics, 1790–1810 // Harriet Applewhite and Darlene Levy, eds., *Women and Politics in the Age of Democratic Revolution*. Ann Arbor: University of Michigan, 1990.
13. Bonzon Th. and Davis, B. Feeding the Cities, in *Capital Cities at War: Paris, – London and Berlin, 1914–1919* // Jay M. Winter and J.-L. Robert. – Cambridge, 1996.
14. Brower D. Labor Violence in Russia in the Late Nineteenth Century. – *Slavic Review*. – 1982. – 41. – P. 417–431.
15. Burdzhilov E.N. *Russia's Second Revolution: The February 1917 Uprising in Petrograd*. – Bloomington, 1987.
16. Davis B. Food Scarcity and the Empowerment of the Female Consumer in World War I Berlin // *The Sex of Things: Gender and Consumption in Historical Perspective*, ed. Victoria De Grazia and Ellen Furlough. – Berkeley, 1996.

17. Eklof B. Ways of Seeing: Recent Anglo-American Studies of the Russian Peasant (1861-1914) // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. – 36. – 1988. – P. 57–79.
18. Engel B.A. Between the Fields and the City: Women, Work and Family in Russia, 1861–1914. – N.Y., 1994.
19. Engel B.A. Women, Men and the Languages of Peasant Resistance, 1870–1914, in Frank, Stephen R. and Steinberg, Mark D. ed. *Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices and Resistance in Late Imperial Russia*. – Princeton: Princeton University Press, 1994.
20. Farnsworth B. The Soldatka: Folklore and the Court Record // *Slavic Review* – 49. – Spring 1990. – P. 58–73.
21. Faust D.G. Confederate Women and Narratives of War, in *Divided Houses: Gender and the Civil War*, ed. Catherine Clinton and Nina Silber. – N. Y., 1992.
22. Frank D. Housewives, Socialists and the Politics of Food: The 1917 New York Cost-of-Living Protests // *Feminist Studies*. – 11. – Summer 1985. – P. 255–286.
23. Frank S. Popular Justice, Community and Culture among the Russian Peasantry, 1870–1900. // *Russian Review* – 46. – July 1987. – P. 239–265.
24. Freeze G.L. The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // *American Historical Review*. – 91. – February 1986. – P. 11–36.
25. Friedgut T. *Iuzovka and Revolution*. – Princeton, 1989.
26. Gill G. *Peasants and Government in the Russian Revolution*. – L., 1979.
27. Glickman R. *The Russian Factory Woman: Workplace and Society, 1880–1914*. – Berkeley, 1984.
28. Haimson L.H. The Problem of Social Identities in Early Twentieth Century Russia // *Slavic Review* – 47. – Spring 1988. – P. 1–20.
29. Hasegawa T. *The February Revolution: Petrograd, 1917*. – Seattle, University of Washington Press, 1981.
30. Hogan H. Class Formation in the St. Petersburg Metalworking Industry: From the 'Days of Freedom' to the Lena Goldfields Massacre, in Lewis Siegelbaum and Ronald Suny, eds. *Making Workers Soviet: Power, Class and Identity*. – Ithaca: Cornell University Press, 1994.
31. Holmes D., Quataert, An Approach to Modern Labor: Worker Peasantries in Historical Saxony and the Friuli Region Over Three Centuries // *Comparative Studies in Society and History*. – April. – 1986. – P. 191–217.
32. Hufton O. Women in Revolution, 1789-1796 // *Past and Present*. – November 1971.. – 53. – P. 90–108.
33. Jahn H.F. For Tsar and Fatherland? Russian Popular Culture and the First World War // *Cultures in Flux*. – P. 132–146.
34. Jahn H. *Patriotic Culture in Russia during World War I*. – Ithaca, 1995.
35. Kahan A. *Russian Economic History: The Nineteenth Century*. – Chicago, 1989.
36. Kaplan T. Female Consciousness and Collective Action: The Case of Barcelona, 1910-1918 // *Signs*, 7, no. 3. – Spring 1982. – P. 545–566.
37. Keep J. *The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization*. – N.Y., 1976.
38. Kingston-M, Es. Peasant Communes and Economic Innovation: A Preliminary Inquiry, in *Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800–1921*, ed. Esther Kingston-Mann and Timothy Mixer. – Princeton, 1991.
39. Koenker D. *Moscow Workers and the 1917 Revolution*. – Princeton, 1981.

40. Koenker D, Rosenberg, W. *Strikes and Revolution in Russia*. – Princeton: Princeton University Press, 1989.
41. Lewin M. Customary Law and Rural Society // *Russian Review*. – 44. – January 1985. – P. 1-19.
42. Lincoln W. Bruce. *Passage through Armageddon: The Russians in War and Revolution*. – N. Y.: Oxford University Press, 1994.
43. Mandel D. *The Petrograd Workers and the Fall of the Old Regime: From the February Revolution to the July Days*. – London, 1983.
44. McKean R. *St. Petersburg Between the Revolutions: Workers and Revolutionaries, June 1907-February 1917*. – New Haven: Yale University Press, 1990.
45. McAuley M. Bread without the Bourgeoisie, in Diane Koenker, et al. eds. *Party, State and Society in the Russian Civil War; Explorations in Social History*. – Bloomington, 1989.
46. Meyer A.G. Impact of World War I on Russian Women's Lives, in Barbara Clements, et al, ed. *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation*. – Berkeley: University of California Press, 1991.
47. Mintz S. *Sweetness and Power: the Place of Sugar in Modern History*. – N.Y., 1985.
48. Mironov B. The Russian Peasant Commune after the Reforms of the 1860s, // *Slavic Review*. – 44. – Fall 1985. – P. 438–467.
49. Neuberger R. *Hooliganism: Crime, Culture and Power in St. Petersburg, 1900-1914*. – Berkeley, 1993.
50. Pyle E. Village Conflicts Involving State Aid Recipients, 1914–1917 // Paper presented at the Midwest Russian History Colloquium, East Lansing, Michigan. – October 15. – 1993.
51. Reconsidering H. Gender and the Public Sphere: The Case of Wilhelmine Germany, in *Society, Culture and the State in Germany, 1870–1930*, ed. Geoffrey Eley. Ann Arbor. – Michigan: 1996.
52. Reichman H.. Norman Saul, *Sailors in Revolt: The Russian Baltic Fleet in 1917*. – Lawrence, Nas., 1978.
53. *Revolution in Russia, 1917: The View from Below*. – N.Y.: Cambridge University Press, 1987.
54. Shanin T. *Russia as a Developing Society. The Roots of Otherness: Russia's Turn of Century*. – New Haven, 1985.
55. Siegelbaum L. and Suny R. ed. *Making Workers Soviet: Power, Class and Identity*. – Ithaca, 1994.
56. Smith R.E.F. and Christian, D. *Bread and Salt: A social and economic history of food and drink in Russia*. – N. Y., Cambridge, 1984.
57. Smith S. Class and gender: women's strikes in St Petersburg, 1895–1917 and in Shanghai, 1895-1927 // *Social History*. – 19. – May 1994.
58. Smith S.A. Petrograd in 1917: the view from below in Daniel Kaiser, ed. *The workers Raleigh, Donald. Revolution on the Volga: 1917 in Saratov*. – Ithaca, 1986.
59. Smith S. *Red Petrograd: Revolution in the Factories, 1917–1918*. – Cambridge, 1983.
60. Stites R. *The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860–1930*. – Princeton: Princeton University Press, 1990.
61. Suny R.G. Revising the old story: the 1917 revolution in light of new sources in Daniel Kaiser, ed. *The Workers' Revolution in Russia, 1917*. – N.Y.: Cambridge University Press, 1987.

62. Suny R.G. Revision and Retreat in the Historiography of 1917: Social History and Its Critics // *Russian Review*. – 53. – April 1994. – P. 165–182.
63. Suny R.G. The Baku Commune, 1917–1918: Class and Nationality in the Russian Revolution. – Princeton, 1972.
64. Thompson E.P. The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century // *Past and Present*. – 50. – February 1971. – P. 76–136.
65. Thurston Robert W. Police and People in Moscow, 1906–1914 // *Russian Review* 39 – 3. – July 1980.
66. Trotsky L. The Russian Revolution: The Overthrow of Tzarism and the Triumph of the Soviets. Garden City. – N.Y.: Doubleday-Anchor Books, 1959.
67. Ward C. Russia's cotton workers and the New Economic Policy: Shop floor culture and state policy, 1921–1929. – N. Y.: Cambridge University Press, 1990.
68. Wildman A. The End of the Russian Imperial Army: The Old Army and the Soldiers' Revolt (March-April, 1917). – Princeton, 1980.
69. Worobec Ch. Horse Thieves and Peasant Justice in Post-Emancipation Imperial Russia // *Journal of Social History*. – 21. – Winter 1987.
70. Worobec Ch. Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipation Period. – Princeton, 1991.

УДК 94(47).084.9-053.81
ББК 63.3(2)631-284.2

А. Л. Никифоров*

Зарождение оппозиционных настроений среди советской молодежи в послевоенное «сталинское» десятилетие

В статье исследуются особенности молодежной субкультуры, сложившейся в СССР в послевоенное десятилетие. Обращается внимание на то, что молодежь конца 1940 – начала 50-х гг. была одновременно и первым поколением, родившемся и выросшем при Советской власти, и поколением «детей войны». И то, и другое накладывало отпечаток на отношение этих людей к сложившемуся в стране политическому режиму.

This article investigates the particular youth subculture, existing in the USSR in the postwar decade. Attention is drawn to the fact that young people of late 1940 - early 50's was both the first generation, born and reared under the Soviet regime, and the generation of "children of the war". And, both left its imprint on the attitude of those people in to the country's political regime.

Ключевые слова: СССР, партия, комсомол, молодежь, война, оппозиция, студенты, молодежные группы, «стиляги».

Key words: Soviet Union, the party, the Komsomol (All-Union Lenin Communist Youth League), the youth, the war, the opposition, students, youth groups, hipsters.

* **Никифоров Анатолий Леонидович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Молодежная субкультура – явление, знакомое любому обществу. Она легко узнаваема по своим внешним признакам – одежде, музыке, особенностям поведения молодых людей. Послевоенная советская молодежь представляет собой уникальный социальный феномен. Это поколение, в отличие от предшественников, не знало страха 37-го года и было свободно от круговой поруки прошлого, а также молодежь первых послевоенных лет еще не испытала разочарования от краха надежд, как это случилось с их преемниками.

По мнению историка Е.Ю. Зубковой, «...критический запал поколения победителей в силу целого ряда причин остался до конца не реализованным, но он питал мысли и поступки послевоенной молодежи. У нее, по сравнению с предшественниками, было больше иллюзий, меньше поводов для разочарований, а значит, и больше надежд. И еще немаловажный момент: в глазах тогдашних молодых – тех, кто умел и хотел думать – существующая в стране система не имела ореола "святости". У этого поколения, чье детство пришлось на тяжелые военные годы, по сравнению со сверстниками, выросшими в мирное время, был какой-то особый запас внутренней самостоятельности и была потребность эту самостоятельность реализовать...» [4, с. 132].

Именно поэтому первые ростки политического инакомыслия проросли на той почве, где правящий режим мог ожидать этого менее всего – среди молодого поколения. Так, в своем выступлении на пленуме ЦК ВЛКСМ секретарь ленинградского областного и городского комитетов комсомола А.В. Пашков отмечал: «...теперь, когда наша военная и экономическая сила хорошо известна буржуазным странам, они, естественно, усиливают попытки идеологического проникновения в нашу среду, попытки идеологического влияния, в частности на молодежь. Расширение международных отношений не сужает, а расширяет эти возможности. Заграничные фильмы, всякие журналы вроде «Британского союзника», различные устные разглашательства иностранцев – все это доходит до молодежи и оказывает на нее влияние... Кроме того, в годы войны в буржуазных европейских странах по разным причинам побывала значительная часть наших молодых людей. Поэтому сейчас мы имеем дело с молодой аудиторией, которая непохожа на нашу довоенную молодежь...» [11. Л. 5].

В этом смысле основным объектом внимания для партийных органов стало студенчество, которое воспринималось как главный возмутитель спокойствия и, в общем, не без основания. Комсомольские комитеты жаловались на нежелание некоторой части студенческой молодежи участвовать в общественной жизни, а ЦК ВЛКСМ принимал специальные меры по борьбе с аполитичностью в молодежной среде.

В качестве показательного объекта для критики комиссия ЦК ВЛКСМ избрала ленинградские вузы. Так, в июне 1948 г. в Ленинград выезжала специальная комиссия ЦК ВЛКСМ, по результатам работы которой ЦК комсомола принял постановление «О недостатках в работе Ленинградской организации ВЛКСМ по идейно-политическому воспитанию студенческой молодежи». Критике подверглись сразу несколько городских вузов: Ленинградский государственный университет, Институт физкультуры им. Лесгафта, Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина, Юридический институт и некоторые другие. В упрек ставились выявленные факты проникновения в среду студенчества чуждых советской идеологии, враждебных нашей морали настроений аполитичности и безыдейности, а также наличие элементов морального разложения отдельных студентов, в том числе некоторых комсомольцев и комсомольских активистов [5, с. 233].

К фактам морального разложения были отнесены карточные игры, пьянство в общежитиях, более свободные (т. е. не скрепленные браком) отношения между студентами и студентками. Кроме того, аполитичность ленинградских студентов, с точки зрения комиссии, заключалась в недостаточно серьезном отношении к изучению основ марксизма-ленинизма и излишнем увлечении «профессионализмом».

В частности, в протоколах упомянутой комиссии ЦК ВЛКСМ приводились конкретные «вопиющие» факты: «...Комарова И.М. – студентка искусствоведческого факультета Института им. И.Е. Репина заявила, что политико-экономические дисциплины вообще имеют для нее второстепенное значение, а главное – искусство. Сталинский стипендиат – А.Р. Молев – студент того же вуза, демонстративно не желает заниматься общественной деятельностью, называя ее скучной, и проводит все свое свободное время только в творческой мастерской. Студент В.О. Криворуцкий представил эскиз скульптуры Белинского в обнаженном виде, стремясь таким образом показать духовную мощь в немощном теле...» [12. Л. 2].

Невнимание студентов к политическим дисциплинам не было исключительно ленинградским феноменом. Аналогичные жалобы комсомольских работников поступали в ЦК ВЛКСМ и из вузов других городов. Эти сигналы обобщались в отчетах, подготовленных отделами ЦК комсомола. Но самым главным «криминалом» в поведении студенчества считалась даже не аполитичность, а существование в среде студенчества различных сомнительных группировок.

К такого рода группировкам, например, в Ленинграде были отнесены: «Искатели правды» и «Есенинцы» из Ленинградского государственного университета, «Общество лодырей» из Горного института. Ни одна из этих группировок не носила политического

характера, а тем более не ставила перед собой каких-либо политических целей. Они, в общем, даже не скрывались и напоминали, скорее, даже не группы, а неформальные студенческие сообщества – круг друзей. Так, «Искатели правды», студенты филологического факультета ЛГУ, занимались тем, что собирались узким кругом для обсуждения различных жизненных и литературных проблем. Аналогичные интересы были свойственны участникам литературного кружка из Ростовского университета, называвшими себя «настоященцами». Свой литературный кружок создали студенты Свердловского университета и Челябинского педагогического института, не раз отмечая на своих собраниях, что советская литература во многом ущербна, поскольку концентрируется на положительном примере и в массе своей является невыразительной и бесцветной [9, с. 89].

Это были своеобразные объединения молодежи по интересам, некоторые из них были вообще «беспредметны», т. е. представляли собой некий постоянный круг друзей, собиравшихся для совместного проведения досуга. Например, студенты механико-математического факультета МГУ, объединившиеся в кружок «Тесное содружество», ставили единственной задачей своего кружка лишь сохранение дружбы после окончания вуза. Несмотря на это, участники этого кружка были обвинены в создании тайной националистической организации (в кружок входили студенты-евреи) и подверглись различным взысканиям.

Официальные партийные органы все же характеризовали наличие в студенческой среде подобных кружков как единичные явления, не свойственные советской молодежи в целом. Однако их появление в послевоенные годы было весьма симптоматично. Они, в частности, свидетельствовали о том, что молодежь, которой была отведена роль опоры режима (послевоенная молодежь – первое поколение, воспитанное от начала до конца сталинской системой), становилось менее управляемой.

Большинство молодых в качестве главного жизненного принципа отмечали желание принести наибольшую пользу Родине, честно трудиться на благо отечества. В системе ценностей, которую с детства предстояло усвоить молодому поколению, Сталин, Партия, Родина составляли единое целое. Но был опыт войны, который, несмотря на все последующие усилия идеологии, все-таки отдал главный приоритет патриотическому чувству.

Как подчеркивает исследователь В.П. Кривун: «...когда со временем "вирус сомнения" зародился в умах молодых, это чувство патриотизма как высшая ценность – если уж не подтолкнула кого-то в ряды борцов, то, во всяком случае, помешала стать циником. Они начали с малого – с самостоятельного изучения школьных и вузов-

ских программ, вне плана. Когда не удовлетворяли вузовские учебники – они брались за изучение курса по монографиям. Если не устраивала "рекомендованная" литература – они обращались к писателям и поэтам не то чтобы запрещенным, а тем, которых официальное советское литературоведение причисляло к категории "второсортных". В истоках этого стремления лежали отнюдь не политические мотивы. Молодые люди просто собирались в кругу близких товарищей для самостоятельного изучения литературы, философии, истории...» [6, с. 202].

Попытка уйти от школьных и вузовских штампов, навязанных оценок и дозволенных суждений перерастала из потребности в способность самостоятельно мыслить, не оглядываясь на привычные рамки. Естественный процесс познания переключался с вопросов литературы и философии на проблемы современной политики. Сначала все развивалось в легальных формах, но пошли первые запреты – и заработала система конспирации.

Так, например, в доступных архивных материалах следственного комитета МГБ Ленинграда встречается запротоколированная беседа с одним из ленинградских студентов, арестованных за участие в «самообразовательном» студенческом кружке: «...никаких политических задач мы перед собой не ставили, да и политических концепций у нас не было... Среди нас почти все комсомольцы и даже есть член партии. Меня и моих товарищей объединяло стремление к самообразованию, а конспирация объяснялась только тем, что мы нередко изучали научную литературу и публицистику, которая воспринимается на партийном уровне как буржуазная и упадническая... Однако ничего крамольного в этом не было...» [1. Л. 12].

Если говорить об общих тенденциях в развитии молодежных кружков и групп, то здесь со временем определились два направления: первое продолжало традицию самообразования в духе «катакомбной культуры»; другое направление составляли кружки и группы молодежи, которые в течение 1947–1950 гг. приобретали политическую направленность, а в их деятельности усиливался политический акцент.

Так, спустя годы стало известно о существовании «Коммунистической партии молодежи» (КПМ) – молодежной группы, созданной в 1947 г. в Воронеже. В Москве на рубеже 1940–50-х гг. действовали аналогичные кружки старшеклассников и студентов: «Армия революции», «Союз борьбы за дело революции». Есть информация о работе молодежных политических кружков в Ленинграде, Челябинске, Свердловске и других городах. Как правило, в эти организации входили школьники старших классов, студенты, учащиеся техникумов, т. е. молодежь в возрасте от 16 до 23 лет. Обычно кружок или группа были очень немногочисленны – от 3 до

10 чел., редко больше. Исключение составляла воронежская «Коммунистическая партия молодежи», которая насчитывала более 50 чел. [10, с. 342].

Уже из названий перечисленных групп ясно, что это были объединения, основанные на марксистской, коммунистической платформе, хотя далеко не каждая группа имела документы, которые с полным основанием можно было бы считать программными. Речь шла скорее об общей ориентации. Самостоятельное изучение работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, теории социализма – с одной стороны, наблюдение за реальной жизнью – с другой, стали главным источником сомнения, побудительным мотивом к действию. Пропаганда контрастировала с реальностью, и молодежь стала искать объяснения этих контрастов в теории.

Как утверждает историк В.В. Живулин: «...в программе московского "Союза борьбы за дело революции" существующая в стране ситуация определялась как ничего общего не имеющая с идеями коммунизма, диктатура Сталина – как бонапартистская, внутренняя политика была названа тиранией, внешняя – противостоянием двух империалистических систем. Антисталинскую направленность имела программа "Коммунистической партии молодежи" (Воронеж), в которой осуждалась практика обожествления вождя. Участники аналогичной группы в Челябинске приняли воззвание – "Манифест идейной коммунистической молодежи", в котором говорилось о перерождении коммунистической партии в партию буржуазного типа, о бюрократическом перерождении советского правительства, его неспособности руководить страной, об отсутствии демократии в СССР...» [3, с. 57].

По-разному формулировали молодежные группы свои конечные цели. Для «Коммунистической партии молодежи» это было построение коммунистического общества во всем мире, челябинская группа провозглашала своей целью борьбу против существующего советского строя, но это не значит, что они исповедовали насилие и террор как способ достижения поставленных задач. Как правило, методы террора отрицались участниками групп в принципе как безнравственные и политически неэффективные, поэтому их главным методом стал метод разъяснения и убеждения. Члены молодежных групп надеялись, что по мере развития движения и по мере прозрения людей за ними будет большинство.

В показаниях арестованного участника «Союза борьбы за дело революции» встречается следующая информация: «...мы не ставили целью Союза насильственное свержение сталинского строя, а считали первой задачей разъяснение как можно большему количеству людей, что их жестоко обманули, что окружающая действительность – это хорошо обставленная контрреволюция...» [2. Л. 2].

Конечно, в этих первых порывах к справедливости, к освобождению от окружающей лжи вообще много романтического. Конспиративные встречи, псевдонимы, тайные проверки для вновь принятых членов организаций – все это еще можно было бы назвать игрой, если бы не то обстоятельство, что мера наказания была более чем реальной и чудовищно несовместимой со степенью содеянного.

Так, участники московского «Союза борьбы за дело революции» были приговорены к высшей мере наказания (расстрелу) – 3 чел., к 25-ти и 10-ти годам лишения свободы – 10 и 3 чел. Среди членов «Марксистской рабочей партии» (Ленинград) были осуждены к высшей мере наказания 3 чел., к 25-ти годам лишения свободы – 7 чел., к 10-ти годам – 2 чел., и три человека получили по одному году лишения свободы за недоносительство. Аналогичные приговоры были вынесены в отношении других участников и членов молодежных групп. Подобные акции власти старались не афишировать, поэтому для большинства непосвященных судьба участников антисталинских молодежных групп оставалась неизвестной, как и само существование таких групп [7, с. 212].

Этого нельзя сказать о других представителях нонконформистского движения в среде советской молодежи, которые были на самом виду, более того, их сознательно выставляли на публичное обозрение и публичное осуждение. Сделать это было не трудно, поскольку те никуда не прятались и даже демонстративно бросались в глаза – это стилиаги.

Понятие «стиляга» вошло в общественный лексикон в конце 1940-х гг. Совсем недавно закончилась война, и общество, вышедшее из этой войны, перестроилось на марше, но по-прежнему продолжало жить на казарменном положении – с унифицированными правилами, привычками и вкусами. И тут обнаружилось, что казарменный режим устраивает далеко не всех, и в этом, казалось бы, монолитном обществе есть люди, которые хотят жить по-своему, иметь свой стиль жизни и свое собственное пространство для самовыражения. Они не покушались на основу основ, даже позволяли себе быть абсолютно аполитичными (один из принципов стилиаг). «Стиль» нашел свое выражение в молодежной моде и музыкальных пристрастиях. Комплект стильной одежды для молодого человека конца 40-х – начала 50-х гг. состоял из нескольких необходимых атрибутов: пиджака с широкими плечами, яркого галстука с экзотическим рисунком («пожар в джунглях»), зауженных к низу брюк, ботинок с приваренным каучуком («на манной каше»), широкополой шляпы. Все это практически невозможно было купить, надо было «достать» или изготовить самостоятельно. Волосы законами стиля предписывалось носить длиннее, чем это было принято у обычных граждан – с набриолненным «коком» на макушке [8, с. 23].

В музыке стилияги поклонялись джазу, на официальном советском языке именуемом «музыкой толстых». После разгромных постановлений ЦК ВКП(б) о музыке и начатой борьбы с «низкопоклонством перед Западом» джаз в СССР был запрещен. Но записи джазовых исполнителей все равно ходили по рукам – сначала в виде трофейных грампластинок, позднее в форме «скелетной коллекции», т. е. изготовленных полулегальным способом на рентгеновских снимках (отсюда выражение – «джаз на ребрах» или «джаз на костях»).

Среди советских стилияг рубежа 1940-х – 1950-х гг. преобладала студенческая молодежь либо их более старшие сверстники, уже начавшие свой трудовой путь. Как правило, борьба со стилиягами разворачивалась на уровне официальной пропаганды, когда в журнальных и газетных статьях подвергались высмеиванию и осуждению вкусы и образ жизни стилияг. К этому добавлялись профилактические меры со стороны подразделений милиции и добровольных народных дружин – облавы на стилияг, погромы в местах их увеселительных сборищ, причинение вреда их вызывающей яркой одежде и прочим нестандартным элементам их внешнего вида. К более серьезным мерам воздействия на стилияг следует отнести создаваемые по инициативе комсомольских и партийных организаций бойкоты стилиягам в трудовых и учащих коллективах, исключение из учебных заведений или увольнение с работы.

Административное преследование, как правило, выражалось в направлении на принудительные общественно-полезные работы, а уголовное преследование в основном строилось на обвинении стилияг в тунеядстве и безыдейности. Аполитичность, свойственная представителям «движения стилия», с одной стороны, не давала повода властям на применение к ним крайних мер, но, с другой стороны, создаваемая официальной пропагандой атмосфера общественного порицания и гонения на стилияг сломала многим из них судьбы и жизни.

Таким образом, советская молодежь первого послевоенного десятилетия представляет собой безусловный социальный феномен. Рожденное и воспитанное в атмосфере сталинского режима, оно восприняло все лучшее, что воспитывало советское общество тех лет в своей молодежи, но при этом поколение послевоенной молодежи принесло с собой более свежий взгляд на окружающую действительность, которая нередко контрастировала с преподносимой пропагандистской информацией. Именно светлые душевные порывы и желание принести пользу Родине руководили действиями молодых людей, надеявшихся на совершенствование существующей политической системы в СССР.

Список литературы

1. Архив управления Федеральной службы Безопасности по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб и ЛО) Ф.1120 си. Оп. 11.
2. АУФСБ СПб и ЛО Ф.1120 си. Оп. 12
3. Живулин В.В. Советская молодежь как элемент политического режима. – Челябинск, 1999.
4. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество. – М., 2001.
5. Комаров А.В. Советский Союз сквозь жизнь студенческого сообщества. – Екатеринбург, 1999.
6. Кривун В.П. Советская молодежь – гордость страны. – М., 1997.
7. Лидман А.М. Послевоенные репрессии в СССР. – М., 2001.
8. Малина В.К. Это яркое слово – стиляга! – Хабаровск, 2006.
9. Рейтен И.Я. Студенческое нон-конформистское движение в СССР. – СПб., 2000.
10. Соколов, А.А. Инакомыслие в Советском Союзе. – М., 1998.
11. Центральный государственный архив историко-политической документации Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб) Ф. 401. Оп. 6.
12. ЦГАИПД СПб Ф. 401. Оп. 8.

УДК 94(47).084.9"1960/1980"
ББК 63.3(2)633-2

О. В. Капустина*

Колхозные пенсии в системе государственного пенсионного обеспечения Советского Союза (вторая половина 1960-х – 1980-е гг.)

В статье рассмотрены история создания в СССР системы единого государственного пенсионного обеспечения колхозников, причины её создания. Уделено внимание первым мероприятиям по ее строительству этой системы. Проанализированы нормы колхозного обеспечения в сравнении с нормами, предусмотренными для рабочих и служащих.

This article tells about history of creation of system of a uniform state provision of pensions of collective farmers in the USSR. In it also cover the reasons of creation of this system. It is paid attention to the first actions on its creation and norms of collective-farm maintenance in comparison with the norms stipulated for workers and employees have been analyzed as well.

Ключевые слова: пенсия, пенсионная система, размер пенсии, колхоз, трудовой стаж, заработная плата, трудовая книжка.

Key words: pension, pension system, pension benefit, collective-farm, time record, salary, work-record card.

* **Капустина Ольга Владимировна**, соискатель, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

В середине 1950-х гг. в результате вступления силу закона «О государственных пенсиях» [16, с. 7–22] в Советском Союзе была создана система всеобщего пенсионного обеспечения рабочих и служащих. После упорядочения пенсионного обеспечения этих категорий назрела объективная необходимость ввести государственное пенсионное обеспечение и для членов колхозов. К 1965 г. размеры пенсий для своих стариков, инвалидов и сирот устанавливались каждым колхозом в отдельности, в зависимости от имеющихся у них собственных фондов. В начале 60-х гг. XX в. НИИ труда провел выборочное обследование по колхозам нескольких областей РСФСР, в результате чего был выявлен большой разбой в определении размеров пенсионных отчислений и размеров самого пенсионного обеспечения. Так «в Ульяновской области колхоз им. Куйбышева отчислял в фонд помощи престарелым и нетрудоспособным 3,16 % валового дохода, колхоз им. Кирова – 2,51, колхоз «Россия» – 2,10, колхоз «Волга» – 1,30, колхоз «Советская Россия» – 3,10 %. Однако более высокий размер отчислений не всегда соответствовал более высокому уровню пенсии. Например, в колхозе «Советская Россия» отчисляли в фонд помощи в 1,5 раза больше, а размер пенсии в 1,8 меньше, чем в колхозе «Россия». Это объясняется тем, что в «Советской России» удельный вес престарелых в полтора раза выше, чем в колхозе «Россия» [8, с. 21–22]. В ряде советских колхозов пенсионное обеспечение устанавливалось только для тех, кто не имел родственников.

В октябре 1961 г. на XXII съезде КПСС, впоследствии названном «съездом строителей коммунизма», была принята программа партии, в которой говорилось, что «создание, наряду с могучей промышленностью, процветающего, всесторонне развитого сельского хозяйства – обязательное условие построения коммунизма» [5, с. 376]. На фоне коммунистических перспектив отсутствие единого пенсионного обеспечения колхозников, второго по значимости класса советского общества, было нелогичным. Впервые о том, что «в пенсионном обеспечении колхозников у нас еще нет строго определенного порядка» и «созрели условия для того, чтобы ввести систему социального обеспечения тружеников колхозов», Н.С. Хрущев сказал 14 февраля 1964 г. в своей речи на Пленуме ЦК КПСС [12, с. 4]. Экономическая ситуация в СССР этот период не была безоблачной. По данным экономистов Н. Шмелева и В. Попова, темпы прироста национального дохода по сравнению с 1950-ми гг., когда начиналось массовое назначение пенсий рабочим и служащим, резко упали «до 4,4 % в первой половине 60-х годов и не увеличились (как вытекает из официальной статистики) после экономической реформы 1965 годов, а продолжали падать и во второй половине 60-х годов, и в 70-е годы» [18, с. 53]. Для характеристики сложив-

шейся экономической ситуации с точки зрения обывателя уместным будет обратиться к воспоминаниям А.И. Аджубея, который записал: «в 1962 году было объявлено о повышении цен на мясо и мясные продукты. Цена за килограмм мяса повысилась с 1 рубля 60 копеек до 2 рублей... В 1963 году начали ощущаться и перебои с хлебом» [1, с. 284–285].

Именно в это время – время спада экономического развития – был разработан и принят «Закон СССР о пенсиях и пособиях членам колхозов» [9, с. 340]. Социальные гарантии в виде государственного пенсионного обеспечения вместе с интенсификацией сельскохозяйственного производства, по мнению руководителей государства, должны были предотвратить дальнейшее ухудшение обеспечения страны сельскохозяйственной продукцией. В своем докладе на уже упомянутой Четвертой сессии Верховного Совета шестого созыва, состоявшейся в Кремле в июле 1964 г., Н.С. Хрущев сказал: «Нужно прямо и откровенно сказать всем колхозникам, что пенсионная политика Советского государства будет направлена на то, чтобы и в старости поощрять тех, кто лучше трудится» [10, с. 2]. Экономическая ситуация не позволила принять нормы пенсионного обеспечения для колхозников, равные нормам, существовавшим для получателей пенсий по закону 1956 г., хотя в дальнейшем колхозные пенсии все же планировалось довести до уровня пенсий рабочих и служащих [7, с. 2]. С другой стороны, возможно, в установлении более низких пенсионных ставок сыграли определенную роль существовавшие в государстве отношения к колхозному крестьянству как ко второму по значимости классу общества.

В своих воспоминаниях сын Н.С. Хрущева – Сергей ситуацию, сложившуюся с пенсионным обеспечением колхозного крестьянства, характеризовал как очень сложную: «Отец давно вынашивал вопрос об установлении пенсий колхозникам. Это был не только экономический, но и крупный политический шаг. Тем самым они приравнивались к рабочим, обретали равный со всеми социальный статус... пенсии... были невелики, особенно по нынешним меркам, но и на них средства отыскать было очень трудно. В начале года отец проводил многочасовые разговоры со специалистами, руководителями ведомств. В результате деньги наскребли...» [17, с. 69]. При этом Сергей Хрущев подчеркивал озабоченность политических противников своего отца: «Брежнев и его «команда» нервничали. Ход их рассуждений, очевидно, был прост: «Хрущев, сделав доклад, опять свяжет свое имя с мероприятиями, обеспечивающими улучшение условий жизни многим людям. Это поднимет его популярность, сильно подмоченную недавним повышением цен на продукты. Как себя поведут люди при его устранении, предсказать

трудно...» [17, с 69]. В конечном итоге эта проблема решилась сама собой: закон «О пенсиях и пособиях членам колхозов» вступил в силу с 1 января 1965 г., т. е. уже после отставки Н.С. Хрущева, и этот факт позволил многим советским гражданам связать пенсионное обеспечение колхозников именно с личностью Л.И. Брежнева.

«Закон СССР о пенсиях и пособиях членам колхозов» [9, с 340] был принят Верховным Советом СССР 15 июля 1964 г. и опубликован в центральных и областных газетах на следующий день – 16 июля 1964 г. Проект закона о колхозных пенсиях не публиковался. При этом в своих выступлениях на июльской сессии Верховного Совета СССР депутаты-колхозники говорили о необходимости подъема общественного хозяйства в отстающих артелях для возможности последующих отчислений в пенсионный фонд. Знаменитый председатель колхоза «Большевик» А.В. Горшков, депутат от Гусь-Хрустального избирательного округа Владимирской области, прямо заявил, что «вводя пенсионное обеспечение колхозников, необходимо с самого начала предупредить развитие у отдельных колхозов иждивенческих настроений» [14, с. 3.]. Еще более жестко выступил председатель колхоза села Калиновки из Курской области В.В. Грачев. По его мнению, «следует установить какой-то срок, может быть 2–3 года, и предупредить колхозников отстающих артелей, что если за этот срок они не поднимут общественное хозяйство.., то могут лишиться права на пенсию» [13, с. 3]. Выступая с заключительным словом на этой же сессии, Н.С. Хрущев также сказал об обоснованной тревоге председателей передовых колхозов по поводу того, что их колхозам придется брать на содержание колхозы отстающие [11, с. 1]. Подобные тревожные выступления были не характерны для обсуждения закона о пенсионном обеспечении рабочих и служащих, напротив, оно было выдержано в радостных тонах.

Предполагалось, что для покрытия расходов на выплату колхозных пенсий в Централизованный фонд колхозы будут отчислять ежегодно 3–4 % от своих доходов, что должно составить уже в 1965 г. около 800 млн руб. (в 1964 г. – по 2 % и в итоге 350 млн руб.). Значительная часть средств на пенсии и пособия колхозникам должна была быть выделена из государственного бюджета [10, с. 2]. Однако плановые задания выполнялись колхозами не в полном объеме. Так, по 48 краям и областям Российской Федерации в эти годы было отчислено на 20–30 % меньше запланированного [4. Оп. 1. Д. 2714. Л. 63].

В первой редакции новый закон предоставлял возможность получать пенсию по старости мужчинам, достигшим 65 лет и выработавшим 25 лет трудового стажа, и женщинам с 60-ти лет, если они имели стаж не менее 20 лет. То есть даже после распространения на рядовых членов колхозов государственного пенсионного обеспе-

чения они не были сразу полностью уравнены в правах с рабочими и служащими, возраст выхода на пенсию на общих основаниях для которых был установлен в 60 и 55 лет соответственно. Здесь надо заметить, что для республик и областей, которые позже присоединились к Советскому Союзу, требуемый стаж работы в колхозах устанавливался в соответствии со сроками существования в тех местах Советской власти и колхозного строя. Например, для пенсионеров – колхозников Латвии требуемый стаж составлял 14 лет [7, с. 2].

Пенсии колхозников, как и пенсии рабочих, исчислялись исходя из выработанного ими трудового стажа и среднемесячного фактического заработка. Однако при расчете колхозных пенсий существовал ряд ограничений, которые не распространялись на получателей пенсии по закону 1956 г. Во-первых, и те, и другие имели право на расчет размера пенсии из заработка, взятого за пять лет подряд из последних десяти лет (рабочие) и пятнадцати лет (колхозники) перед обращением за пенсией. Но для рабочих и служащих был предусмотрен еще один вариант среднего заработка: за 12 месяцев перед обращением за пенсией, которым они в основном и пользовались как наиболее выгодным. Во-вторых, колхозная пенсия устанавливалась как 50 % к заработку до 50 руб. в месяц, а с остальной его части – 25 %. То есть предполагалось, что у колхозника, получающего зарплату в размере 50 руб. в месяц, пенсия составит 25 руб., а у имеющего заработную плату 70 руб. – 30 руб. При заработке 30 руб. труженник села мог рассчитывать на 15 руб. пенсии. У рабочих пятидесятирублевого ограничения не было, процентное отношение устанавливалось напрямую к заработку.

Основным условием для приобретения права на пенсию в соответствии с названным законом являлось членство в колхозе. Членом колхоза признавалось лицо, в установленном порядке принятое в колхоз и выполнявшее требование его устава. Первоначально правом на назначение пенсий пользовались только действительные члены колхозов или те граждане, которые вступили в колхозы в первые годы коллективизации, а потом в возрасте 60–65 лет, выработав необходимый стаж, были вынуждены перейти из сельского хозяйства на более легкую работу в качестве сторожей, вахтеров. Установление льготных норм для зачинателей колхозного движения преподносилось как «дань глубокого уважения и благодарности тем, кто своим трудом закладывал фундамент нового социалистического порядка» [7, с. 2]. На бывших членов хозяйств, которые до наступления пенсионного возраста выработали необходимый трудовой стаж и вышли из колхоза по каким-либо причинам, например, переехали в город к детям, это право было распространено только с 1 января 1980 г.

Первым мероприятием по вводу данного закона в действие была организация в колхозах советов социального обеспечения, в задачу которых входила подготовка и оформление документов о стаже и заработке колхозников для расчета размера пенсии. Так, во Владимирской области в 241 колхозный совет было избрано общими собраниями колхозников около 2000 членов [4. Оп. 1. Д. 2714. Л. 58]. Местные колхозные советы подчинялись советам социального обеспечения колхозников областей, краев и автономных республик, а для общего руководства и обмена опытом работы были созданы Советы социального обеспечения колхозников Союзных республик. Первое заседание такого Совета на уровне РСФСР состоялось 24 декабря 1964 г. В его состав вошли председатели колхозов и лучшие специалисты сельского хозяйства, а председателем стал Т.С. Пряхин – председатель колхоза «Ленинский луч» Звенигородского района Московской области. Кроме тружеников села, в его состав входили министр социального обеспечения Л.П. Лыкова и министр финансов И.И. Фадеев. На заседании Совета социального обеспечения колхозников РСФСР были утверждены инструктивные указания о порядке оформления в колхозах документов, необходимых для назначения пенсий, и план работы Совета на первое полугодие 1965 г. Как выяснилось, архивы многих колхозов были утрачены (уничтожались при реорганизации в совхозы, хранились не должным образом, иногда даже использовались при растопке печей колхозных зданий), и для подтверждения стажа работы колхозники должны были приводить свидетелей, работавших с ними в одном хозяйстве в один период. Для пенсионного обеспечения только в колхозах Владимирской области, по данным на 1 ноября 1965 г., было опрошено более 60 тысяч свидетелей [4. Оп. 1. Д. 2714. Л. 60].

Трудности, возникшие с хранением архивов и последующим опросом свидетелей, на государственном уровне обеспечили понимание необходимости ввода колхозных трудовых книжек. Возможно, одним из инициаторов этого решения стал председатель Совета соцобеспечения колхозников РСФСР Т.С. Пряхин, который еще в 1964 г. в журнале «Советские профсоюзы» писал: «мне кажется, что необходимо ввести трудовую книжку, которая имеется у работников промышленности. Раскрыл ее – и твое рабочее лицо видно как на ладони» [15, с. 5].

Уже во второй половине 1960-х гг. труженикам села впервые стали выдаваться трудовые книжки на бланках установленного образца, в которых по данным сохранившихся архивов записывались сведения о погодовой выработке трудодней. В первую очередь эти документы заполнялись на колхозников предпенсионного возраста. Процедура выдачи книжек контролировалась на уровне постоянных

комиссий облисполкомов. Например, на 1 марта 1966 г. в 69-ти колхозах 16-ти районах Владимирской области было заполнено 860 колхозных трудовых книжек, из которых 845 – для будущих пенсионеров. В справке о ходе работы по заполнению трудовых книжек колхозников также отмечалось, что 11 колхозов на данную дату не приступили к этой работе, а еще 27 – выполнили ее частично [4. Оп. 1. Д. 2714. Л. 107].

Иногда в состав колхозных советов входили малограмотные люди, которые портили государственные бланки и допускали серьезные ошибки при опросе свидетелей: опрашивали лиц, которые совместно с заявителем не трудились или в период совместной работы были несовершеннолетними. Поэтому в Калужском районе Калужской области из 600 пенсионных дел, подготовленных советами, при проверке сотрудниками Министерства социального обеспечения ошибки были обнаружены в 460.

Итак, в результате ввода в действие нового закона возможность получать пенсии, без сомнения, появилась у большего количества колхозников, при этом у многих – в больших размерах. В качестве иллюстрации приведем цифры по колхозам Брянской области. До введения закона 1964 г. средний размер пенсии в различных колхозах колебался от 2,4 руб. до 8,5 руб. (в среднем 4,9 руб.), после ввода закона – от 11,4 руб. до 13,6 руб. (в среднем 12,7 руб.). Численность пенсионеров составляла от 10 до 75 чел. (в среднем 34 чел. на колхоз), после – от 73 до 342 (в среднем 176 чел.) [8, с. 22].

Эту же тенденцию подтверждают и итоговые цифры пенсионирования колхозников во Владимирской области по состоянию на 1 ноября 1965 г.: до принятия закона колхозы из общественных средств выплачивали пенсии 4525-ти членам колхозов, после – 31487-ми, при этом средний размер пенсий по области составил 12 руб. 71 коп. [4. Оп. 1. Д. 2714. Л. 58]. Вспомним, всего на эту дату во Владимирской области было опрошено более 60 тысяч свидетелей, т. е. трудовой стаж практически каждого колхозника подтверждался свидетельскими показаниями (период работы должен был подтверждаться двумя свидетелями). Через год после вступления в силу закона колхозные пенсии только в Российской Федерации были назначены 3,5 млн чел. [2, с. 4], а средний размер пенсии по Российской Федерации (впрочем, по всем видам пенсии) равнялся 12,6 руб. [3. Оп. 1. Д. 3992. Л. 1].

Однако существовали и другие цифры. Еще в своем выступлении 13 июля 1964 г. на сессии Верховного Совета СССР Н.С. Хрущев в качестве положительного примера приводил данные о пенсионном обеспечении престарелых колхозников в экономически сильных хозяйствах. Например, в колхозе «Ленинский луч» Звени-

городского производственного управления пенсии устанавливались в размере от 10 до 30 руб. в месяц, а в колхозе «Коммунистический маяк» Георгиевского производственного управления Ставропольского края – от 30 руб. и более. При этом размеры пенсий исчислялись не всегда в зависимости от стажа и заработка (с архивами практически у каждого колхоза были проблемы), а «исходя из степени трудового участия в общественном производстве» или от того, «как человек относится к труду, какой вклад он вносит в общее дело» [10, с. 2]. Поэтому ряд итоговых цифр по вводу в действие закона «О пенсиях и пособиях членам колхозов» в печати не публиковался. В докладной записке в адрес Совета Министров СССР «О ходе назначений пенсий членам колхозов» министр социального обеспечения РСФСР Л. Лыкова обрисовала следующие проблемы: «в Оренбургской области, Краснодарском, Ставропольском краях, а также в ряде других областей до введения в действие закона пенсии за счет средств колхозов назначались по старости мужчинам по достижении 60 лет, а женщинам по достижении 55 лет. В экономически сильных колхозах размеры этих пенсий были выше не только минимальных размеров, но и пенсий, исчисленных по настоящему закону из заработка» [3. Оп. 1. Д. 3992. Л. 2–3]. Поэтому часть престарелых жителей этих областей, не достигнув возраста, установленного законом (т. е. мужчины в возрасте от 60 до 65 и женщины от 55 до 60 лет), лишилась пенсий, «только в Ставропольском крае таких лиц свыше 24 тысяч человек» [3. Оп. 1. Д. 3992. Л. 3], а часть – стала получать пенсии в уменьшенных размерах.

22-й статьей нового закона сильным хозяйствам было рекомендовано (но не ставилось в обязанность) производить за счет колхозных средств доплаты к новым пенсиям, однако на практике эти рекомендации большинством колхозов не выполнялись. Соответственно, ввод нового закона в ряде областей Российской Федерации вызвал недовольство пожилых колхозников из экономически сильных хозяйств. Вероятно, были недовольные и в других союзных республиках, так как в вышеупомянутом выступлении на июльской сессии 1964 г. Н.С. Хрущев рассказывал о достижениях колхоза «Победа» Чимкентской области Казахской ССР (от 13 до 40 руб. в месяц) и о колхозе «Украина» Лубенского производственного управления Полтавской области УССР (от 18 до 40 руб. в месяц) [10, с. 2].

На государственном уровне существовало понимание о несправедливости ряда норм данного закона, и уже на состоявшемся весной 1966 г. XXIII съезде КПСС была поставлена задача «приравнять колхозников к рабочим и служащим в отношении возраста для получения пенсии» [6, с. 15]. Поэтому 1 января 1968 г. пенсионный возраст колхозников был снижен на пять лет, т. е. до 60 лет мужчинам и 55 лет женщинам. Кроме снижения пенсионного возраста,

XXIII съезд КПСС поставил задачу распространения на колхозников порядка исчисления пенсий, установленных для рабочих. Однако в итоге реальные размеры колхозных пенсий оставались намного меньше, чем у рабочих, так как труд колхозников на протяжении многих лет не оплачивался должным образом. Гарантированная оплата труда для членов колхозов (деньгами и натурой) была введена только с 1 июля 1966 г., кроме этого, до 1978 г. рассчитанный размер пенсии уменьшался на 15 %, если колхозник имел приусадебный участок больше 0,15 га. Впоследствии им было разрешено получать полную пенсию, если размер их приусадебных участков не превышал норм, предусмотренных Уставами хозяйств.

Нельзя забывать и о проблеме с архивами. Как было сказано выше, в ряде случаев они не сохранялись, но даже в сохраненных архивах зачастую нельзя было выявить зарплату конкретного лица. Во многих рыболовецких колхозах при бригадной организации труда денежные суммы записывались на всю бригаду. А в сельскохозяйственных колхозах существовала традиция записи заработка всех членов семьи на главу хозяйства. Поэтому подавляющее большинство колхозников получало минимальные пенсии. Минимальная колхозная пенсия в 1965 г. была установлена в размере 12 руб. в месяц, с 1971 г. увеличилась до 20 руб., а с 1978 г. – до 28 руб. Последнее увеличение с 28 до 70 руб., или в 2,5 раза, произошло незадолго до распада государства 1 ноября 1989 г. Для сравнения: минимальная пенсия рабочих и служащих в 60-х гг. составляла 30 руб., а в 70-х – 45 руб. Если у получателей пенсии по закону 1956 г. максимальная пенсия составляла 120 руб., то максимальная пенсия для колхозников была установлена в размере 102 руб. или те же 120 руб. минус 15 % ($120 \times 15\% = 18$ руб.) за связь с сельским хозяйством.

Подводя общие итоги пенсионирования пожилых колхозников по закону «О пенсиях и пособиях членам колхозов», вступившего в силу с 1 января 1965 г., надо признать, что положительная динамика в обеспечении колхозников пенсиями присутствовала. Кроме увеличения численности получателей, произошло и увеличение выплачиваемых колхозникам денежных сумм. В большинстве хозяйств размер государственных пенсий превысил размер пенсий колхозных. Однако, в государственном пенсионном обеспечении колхозников просматривались уравнивательные тенденции: если раньше размеры пенсий колебались от 2,4 руб. (Брянская область) до 30 руб. (Ставрополье) и 40 руб. (Украина и Казахстан), то после ввода закона в действие средний размер пенсии в основном определился в пределах от 12 до 13 руб. Впрочем, сожалея об уменьшении размера пенсий у престарелых колхозников экономически сильных хозяйств, нельзя забывать о том, что их процветание во

многим зависело от природных условий и плодородия почвы, а также от опыта руководителей: вспомним Т.С. Пряхина – председателя колхоза «Ленинский луч», который в Подмоскovie, а не в черноземных районах Воронежской области и Ставрополья, обеспечивал своим старикам достаточно высокие выплаты. Однако случались засухи и менялось руководство, что также могло привести к изменению выплачиваемых сумм. Рассуждая об определении размеров пенсий по такому критерию, как «отношение к труду», нельзя быть уверенным в однозначной справедливости решений колхозных собраний. Поэтому в целом можно сказать о преодолении в пенсионном обеспечении членов колхозов субъективизма отдельных хозяйств и появлении у колхозников при наступлении старости законодательно определенных социальных гарантий.

Список литературы

1. Аджубей А.И. Те десять лет. – М.: Сов. Россия, 1989.
2. Бабкин В. Итоги года // Социальное обеспечение. – 1966. – № 1.
3. ГАФР. Фонд А-413.
4. Государственный архив Владимирской области. Ф.1-3789.
5. Двадцать второй съезд КПСС: материалы. – М., 1961.
6. Двадцать третий съезд КПСС: материалы. – М., 1966.
7. Ленинское знамя. – 1964. – 30 октября.
8. Мамонтова Т. О чем говорят цифры // Социальное обеспечение. – 1965. – № 11.
9. О пенсиях и пособиях членам колхозов: Закон СССР от 15 июля 1964 г. // Ведомости Верх. Совета СССР. – 1964. – № 29.
10. Правда. – 1964. – 14 июля.
11. Правда. – 1964. – 16 июля.
12. Правда. – 1964. – 15 февр.
13. Призыв. – 1964. – 16 июля.
14. Призыв. – 1964. – 17 июля.
15. Пряхин Т.С. Спасибо партия // Сов. профсоюзы. – 1964. – № 16.
16. Социальное обеспечение в СССР: сб. офиц. материалов. – М.: Профиздат, 1960.
17. Хрущев С.Н. Хрущев. – М.: Вагриус, 2001.
18. Шмелев Н., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. – М.: Изд-во печати Новости, 1989.

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 94(47).084.8:001(470.23-25)
ББК 63.3(2)622.11

*А. М. Судариков**, *М. И. Фролов***

Вклад ученых-ленинградцев в реализацию советского атомного проекта в годы Великой Отечественной войны

В статье рассказывается о предыстории создания атомного оружия учеными Ленинграда, о решении сложнейших научных проблем разработки детальной теории реактора и её экспериментальной проверки; получения графита высокой чистоты и металлического урана.

The article describes the background to the creation of the atomic bomb products or guns scientists of Leningrad, on solving complex scientific problems of developing a detailed theory of the reactor and its experimental verification, obtaining high-purity graphite and metallic uranium.

Ключевые слова: советский атомный проект; Комитет обороны СССР, Радиевый институт.

Key words: Soviet atomic project, the Defence Committee of the USSR, the Radium Institute.

В ходе Великой Отечественной войны в середине 1942 г. одной из первых задач отечественной оборонной науки стало создание ядерного оружия и средств его доставки. Предпосылки для её решения были созданы в довоенные годы, когда физика атомного ядра и космических лучей стала одним из перспективных направлений развития науки [8. Л. 9–17].

В СССР фундаментальные исследования в физике атомного ядра по некоторым параметрам опережали достижения мировой науки. В 1928 г. яркий представитель ленинградской научной школы, выпускник и сотрудник Ленинградского университета Г.А. Гамов предложил теорию α -распада. В 1932 г. Д.Д. Иваненко разработал

* **Судариков Андрей Михайлович**, доктор исторических наук, доцент, декан факультета фундаментальных основ современных технологий, заведующий кафедрой химии и технологии неорганических веществ, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

** **Фролов Михаил Иванович**, доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

новую протонно-нейтронную модель ядра, в 1934 г. И. Е. Тамм – идею обмена ядерных сил. Нельзя также не упомянуть об открытии таких новых явлений, как испускание электронно-позитронных пар возбужденными атомами (ленинградцы А.И. Алиханов, М.И. Козодаев), свечение чистых жидкостей под влиянием заряженных частиц (П.А. Черенков под руководством С.И. Вавилова), изомерия радиоактивных ядер (ленинградцы И.В. и Б.В. Курчатовы, Л.И. Русинов). Все они, безусловно, подтверждали высокий уровень российской физики [18].

В 1936 г. Я.И. Френкель предложил теорию деления атомного ядра, исходя из капельной модели ядра. В 1939 г. он сформулировал основы теории деления тяжелых ядер, предсказав спонтанное деление. Важно отметить, что Френкель, как и Г.А. Гамов, был тесно связан с ленинградской научной школой: он окончил Петроградский университет (1916), работал в Ленинградском физико-техническом и Ленинградском политехническом институтах.

Я.Б. Зельдович и Ю.Б. Харитон первыми развили теорию и дали расчет цепной реакции деления урана-235. В 1940 г. Г.Н. Флеров и К.А. Петржак под руководством И.В. Курчатова открыли спонтанное деление ядер урана. Эти и ряд других открытий и исследований выдвинули советскую физику на передовые рубежи мировой науки [11].

Главный конструктор атомной бомбы СССР академик Ю.Б. Харитон писал: «Задолго до получения какой-либо информации от разведчиков сотрудниками института Химфизики Я.Б. Зельдовичем и автором этой статьи в 1939 и в 1940 гг., был проведен ряд расчетов по разветвленной цепной реакции деления урана в реакторе как регулируемой и управляемой системе. В качестве замедлителя нейтронов авторами предлагалось использовать тяжелую воду и углерод. В те же предвоенные годы Г. Флеровым и Л. Русиновым экспериментально были получены важные результаты по определению ключевого параметра цепной реакции – числа вторичных нейтронов, возникающих при делении ядер урана нейтронами. В ряде фундаментальных достижений этого периода было и открытие Г. Флеровым и К. Петржаком самопроизвольного, без облучения нейтронами деления ядер урана.

Перечисленные результаты, как и другие важные работы советских физиков, были сразу опубликованы в научных журналах и явились основой для решения атомной проблемы в СССР.

Кроме того, Я.Б. Зельдовичем и мной были выявлены условия возникновения ядерного взрыва, получены оценки огромной разрушительной мощи. Сообщение на эту тему было сделано нами летом 1939 г. на семинаре в Ленинградском физико-техническом институте. Позднее, в 1941 г., нами с участием И. Гуревича была уточнена критическая масса урана-235 и получено ее правдоподобное, но из-за приближенного знания ядерных констант, конечно, неточное зна-

чение. Однако эта часть наших работ не была тогда опубликована из-за введенных к тому времени требований секретности» [29]. Я.Б. Зельдович и Ю.Б. Харитон опровергли бытовавший в то время миф о возможности взрыва в природном уране-238 [8. Л. 14–37].

Директор Института химической физики АН СССР академик Н.Н. Семенов в числе первых обратил внимание на возможность создания «урановой взрывчатки». Его письмо в правительство до сих пор не найдено, но, по словам Ю.Б. Харитона, Н.Н. Семенов неизменно продвигал решение этой проблемы как в научном, так и в организационном аспектах и «предопределил наш успех в решении урановой проблемы» [30].

Значение «урановой проблемы» и радиоактивности для будущего человечества одним из первых осознал и академик В.И. Вернадский. В письме своему ученику Б.Л. Личкову Владимир Иванович отметил «большой сдвиг в области радиоактивности», который «очень мало отразился в нашей литературе, хотя в первый раз мы, кажется, не отстали. Во всяком случае, эти новые явления – разлом атомов урана – одновременно открыты и в Радиевом институте» [7]. В июне 1940 г. В.И. Вернадский получил письмо от сына историка Г.В. Вернадского из Вашингтона с вырезкой статьи из «Нью-Йорк Таймс» от 5 мая 1940 г. «Громадный источник мощи, открытый наукой в энергии атома», где говорилось об исследованиях и практическом использовании атомной энергии урана. В ответном письме от 5 июня 1940 г. Владимир Иванович писал: «Спасибо за присылку выдержки из "New-York Times". Это было первое известие об этом открытии, которое дошло до меня и до Москвы вообще. Я немедленно двинул дело. 25. VI образована в Академии "тройка" под моим председательством (Ферсман и Хлопин) [28]».

Крупнейшие русские ученые академики В.И. Вернадский и В.Г. Хлопин оценили открытия в области физики ядра как решающий шаг к началу освоения атомной энергии. В 1940 г. они обратились к академику-секретарю Отделения геолого-географических наук АН СССР П.И. Степанову со специальной запиской, в которой, в частности, говорилось: «Открытие в 1939 г. явления деления урана под действием нейтронов, сопровождающееся выделением огромных количеств энергии..., впервые вплотную поставило вопрос о возможности использования внутриатомной энергии для нужд человечества... Поэтому мы просили Отделение геолого-географических наук обсудить вопрос о состоянии поисков и разведки урановых месторождений, наметить план развертывания этих работ и войти в Правительство с проектом соответствующих мероприятий» [13].

16 июля 1940 г. на заседании Президиума Академии наук комиссии в составе В.И. Вернадского, С.И. Вольфовича, В.Г. Хлопина было поручено к 1 августа разработать план по использованию

внутриатомной энергии урана, созданию методов разделения изотопов урана и управлению процессами радиоактивного распада, а также подготовить проект записки в Совет Народных комиссаров СССР [10. Л. 35–36]. В.И. Вернадский ходил на прием к главе советского правительства В.М. Молотову с целью лично проинформировать его о государственной важности работ по урану и развертывании этих исследований в США. 30 июля 1940 г. Президиум АН СССР в соответствии с решением Правительства постановил: «В целях дальнейшего развития в АН работ по изучению урана и возможности использования его внутриатомной энергии образовать при Президиуме АН комиссию по проблеме урана и установить основные задачи комиссии». В комиссию вошли 14 видных учёных-радиологов, минералогов, физиков, химиков, геологов, энергетиков (среди которых восемь представителей научных школ Ленинграда): академики В.Г. Хлопин (председатель), В.И. Вернадский (заместитель председателя), А.Ф. Иоффе (заместитель председателя), члены комиссии С.И. Вавилов, А.П. Виноградов, П.Л. Капица, Г.М. Кржижановский, И.В. Курчатов, П.П. Лазарев, Л.И. Мандельштам, А.Е. Ферсман, А.Н. Фрумкин, Ю.Б. Харитон, Д.И. Щербаков [10. Л. 182–185].

Комиссия должна была «определить размеры ассигнований и количество материалов и металлов (урана и цветных металлов), необходимых для этих работ», организовать изучение урановых месторождений, для чего командировать осенью 1940 г. в Среднюю Азию бригаду АН СССР под руководством А.Е. Ферсмана [10. Л. 182–185]. Радиевому институту предлагалось закончить в текущем году «дооборудование действующего циклотрона»; ФИАНу – подготовить к 15 октября 1940 г. программное задание, проект по строительству нового мощного циклотрона в Москве [12. Л. 87–90].

Проблема урана приобрела характер хорошо продуманного, широко организованного научного поиска. Комиссией по урану был намечен широкий план работ, включавший создание сырьевой базы урана, получение чистых соединений и металлического урана, разработку методов разделения изотопов, изучение механизмов деления и возможности развития цепной реакции. Однако при всех инициативных действиях молодых физиков и авторитетных академиков АН СССР до начала Великой Отечественной войны проблема урана в России не была выведена на государственный уровень. Отчасти это объяснялось тем, что многие крупные ученые считали создание атомного оружия делом отдаленного будущего (ближайших 15–20 лет). Тормозило развитие работ и практическое отсутствие в стране препаратов урана. Сырьевые ресурсы оставались невыясненными. До 1940 г. не было получено ни одной тонны оте-

чественного урана, в то время как, например, только в Канаде производилось в год свыше 400 т урановых соединений [12. Л. 18–43].

За рубежом создание атомной бомбы считалось практически осуществимым проектом уже в начале 1939 г., после публикации результатов исследования Отто Гана и Фрица Штрассмана, описавших распад ядер урана-235 под действием нейтронного облучения. Возможность создания атомного оружия на основе урана-235 была очевидной. Для этого нужно было решить сложную техническую задачу разделения природного урана на изотопы 235 и 238 и накопления урана-235 в количествах, которые могли бы измеряться десятками килограммов. Немецкие ученые уже в апреле 1939 г. информировали свое правительство о потенциальной возможности создания атомной бомбы [19]. В США Альберт Эйнштейн по настойчивой просьбе коллег-физиков передал 2 августа 1939 г. письмо президенту Рузвельту, объяснявшее возможность создания атомного сверхоружия и предупреждавшее о том, что Германия, возможно, уже ведет работы в этом направлении. Фредерик Жолио-Кюри информировал правительство Франции о реальности атомного оружия в марте 1940 г. В различных газетах США до середины 1940 г. обсуждалась возможная решающая роль атомного оружия для исхода войны. С середины 1940 г. вся информация о работах с ураном была засекречена.

Начало Великой Отечественной войны сложилось для нашей страны трагически, ученые переключились на решение непосредственных оборонных задач, и исследования в области атомного ядра приостановились. В конце 1941 г. к атомной проблеме возвратились вновь. С инициативой о возобновлении исследований выступил молодой ленинградский физик-ядерщик, выпускник Политехнического института Георгий Николаевич Флеров, который после вступления в ряды народного ополчения был направлен на курсы инженеров в Военно-воздушную академию [16].

Г.Н. Флеров получил у командования командировку в Казань, где 20 декабря сделал доклад на семинаре в присутствии «малого» президиума АН СССР и актива ЛФТИ. И.В. Курчатова и Ю.Б. Харитона на семинаре не было. Возможно поэтому «результат семинара был такой, что пока заниматься не нужно...» [26, с. 105–106].

Знакомясь с университетскими библиотеками Казани и Воронежа, Г.Н. Флеров обнаружил, что в зарубежных изданиях атомная тематика повсюду засекречена. Никаких откликов на собственную публикацию 1940 г. о спонтанном делении урана Флеров не нашел. Это укрепило его убежденность в том, что прекращение исследований по физике ядра становится опасным для страны и способствует передаче инициативы Германии, Англии, США. В середине 1941 г. – мае 1942 г. Флеров пишет два письма председателю ГКО

И.В. Сталину, а также уполномоченному ГКО по науке председателю ВКВШ при СНК СССР С.В. Кафтанову и И.В. Курчатову. В письмах молодой физик обосновывал и развивал идею возобновления ядерных исследований. По своему напору и содержанию письма беспрецедентны. Глубокая убежденность автора писем в своей правоте, одержимость и патриотический пафос обрамляли программу того, что необходимо сделать на государственном уровне. Исследователь данной проблемы Ю.Н. Смирнов ставит инициативу Г.Н. Флерова в один ряд с инициативой Лео Сциларда и Альберта Эйнштейна, которые в октябре 1939 г., опасаясь создания в фашистской Германии атомной бомбы, обратили внимание президента США Ф. Рузвельта на грозящую опасность и добились организации «Манхэттенского проекта».

Исследование писем Г.Н. Флерова продолжается до сих пор [17]. Есть и другой взгляд на возможные последствия. Например, академик А.П. Александров считал, что в иных обстоятельствах письма могли сыграть роль доноса и иметь серьезные последствия для резко критикуемого академика А.Ф. Иоффе. «Он писал, что Иоффе занимается, чуть ли не вредительством, что ориентирует, что эти работы нельзя выполнять. В общем, письмо было такое, что при более жестком подходе вполне спокойно могли бы Иоффе на всю жизнь посадить после такого письма» [2].

Ю.Н. Смирнов сопоставил факты из воспоминаний С.В. Кафтанова, его помощника по НТС ГКО профессора С.А. Балезина, Г.Н. Флерова, М.Г. Первухина и сделал вывод, что письма в высокие инстанции достигали цели. Флеров в июле 1942 г. был отозван с Юго-Западного фронта в Москву для беседы с профессором С.А. Балезиным, который просил «сформулировать предложение о том, с чего надо начинать» [26, с. 110–111]. В связи с тяжелым положением на фронте летом 1942 г. в практическую стадию эта проблема не вступила, но постепенно предложения Флерова начали реализовываться.

Инициатива Г.Н. Флерова была не единственным проявлением активности учёных в данном направлении. Руководители Академии наук неоднократно обращали внимание советского руководства на возможность создания противником оружия массового поражения, основанного на принципах использования ядерной энергии. Наибольшую активность проявили тогда академики П.Л. Капица и А.Ф. Иоффе. «Именно Капица на антифашистском митинге учёных осенью 1941 г. первым гениально предсказал, что в развернувшейся мировой войне атомная бомба даже небольшого размера, если она осуществима, с легкостью может уничтожить столичный город с несколькими миллионами населения» [27].

Исторической датой, с которой следует начинать отсчет осуществления советского атомного проекта, является 28 сентября 1942 г. В этот день ГКО отдал распоряжение № 2352 сс «Об организации работ по урану», в котором Академия наук СССР (академик А.Ф. Иоффе) обязывалась «возобновить работы по исследованию осуществимости использования атомной энергии путем расщепления ядра урана и представить Государственному Комитету Обороны к 1 апреля 1943 г. доклад о возможности создания урановой бомбы или уранового топлива». Для этой цели предполагалось «организовать при Академии наук специальную лабораторию атомного ядра», к 1 апреля 1943 г. произвести в лаборатории атомного ядра исследования осуществимости расщепления ядер урана-235 [6. Л. 99].

Спустя месяц, в разгар Сталинградской битвы, издается постановление ГКО № 2542 ос от 27 ноября 1942 г. «О добыче урана», которое содержало ряд мер по организации разведки, исследования урановых месторождений, добычи и переработки урановых руд и получения концентратов и урановых солей. Таким образом, уже в 1942 г. наметились два основных направления советского атомного проекта: организация и проведение научно-исследовательских работ и организация добычи и переработки урановой руды [6. Д. 112. Л. 149–150].

Важным этапом стал поиск лидера-организатора научной части работы. Советское руководство понимало, что это должен быть энергичный авторитетный и крупный ученый. С другой стороны, важна была позиция НКВД, поскольку избранному лидеру нужно было знакомиться с большим количеством разведывательной информации, давать ей оценку и составлять ориентировку агентуре (т. е. список конкретных вопросов). Известные советские физики П.Л. Капица, А.Ф. Иоффе, В.Г. Хлопин на эту роль не годились.

Руководителем проекта по линии правительства и ГКО был назначен В.М. Молотов. Вячеслав Михайлович вспоминал о выдвижении Курчатова в 1971 г.: «У нас по этой теме работы велись с 1943 года, мне было поручено за них отвечать, найти такого человека, который бы мог осуществить создание атомной бомбы. Чекисты дали мне список надежных физиков, на которых можно положиться, и я выбирал. Вызвал Капицу к себе, академика. Он сказал, что мы к этому не готовы и атомная бомба – оружие не этой войны, дело будущего. Спрашивали Иоффе – он тоже как-то неясно к этому отнесся. Короче, был у меня самый молодой и никому еще неизвестный Курчатов. Ему не давали ходу. Я его вызвал, поговорили, он произвел на меня хорошее впечатление. Но он сказал, что у него еще много неясностей. Тогда я решил ему дать материалы нашей разведки – разведчики сделали очень важное дело. Курчатов несколько дней сидел в Кремле, у меня, над этими материалами» [32].

11 февраля 1943 г. ГКО принял распоряжение № 2872 сс «О дополнительных мероприятиях в организации работ по урану», в котором научным руководителем урановой проблемы был назначен И.В. Курчатов [3]. Заключение Курчатова по тем документам, которые он читал в Кремле в кабинете В.М. Молотова, датировано 7 марта 1943 г. Оценивая материалы разведки, И.В. Курчатов написал, что «вся совокупность сведений материала указывает на техническую возможность решения всей проблемы урана в значительно более короткий срок, чем это думают наши ученые, незнакомые с ходом работ по этой проблеме за границей» [20].

12 апреля 1943 г. в Москве для исследований в области ядерной проблемы была организована Теплотехническая лаборатория № 2 АН СССР во главе с И.В. Курчатовым, которая на самом деле была секретным институтом (Курчатов был назначен не заведующим, не директором, а именно начальником этой лаборатории, чтобы подчеркнуть особые оборонные цели этого нового академического центра).

Штат работников поначалу формировался преимущественно из кадров Ленинградского физико-технического института. В Москву были возвращены А.И. Алиханов, А.П. Александров, Л.А. Арцимович, И.К. Кикоин, Б.В. Курчатов, Ю.Я. Померанчук, К.А. Петржак, Г.Н. Флеров. Постепенно в работу лаборатории включались и сотрудники Института химической физики (ИХФ). Он был эвакуирован из Казани в Москву в 1944 г., и с лета этого года его ведущие ученые пополнили штат курчатовской лаборатории. В том числе были Н.Н. Семенов, Я.Б. Зельдович, Ю.Б. Харитон. Характерно, что из шести основных направлений её работы пять возглавили выпускники Политехнического института: Л.А. Арцимович, И.В. Курчатов, И.К. Кикоин, Г.Н. Флеров, Ю.Б. Харитон.

29 сентября 1943 г. 40-летний И.В. Курчатов был избран сразу действительным членом АН СССР (под довольно ощутимым партийно-государственным давлением) [9].

В области атомной проблемы развернулась крупномасштабная организационная и научно-техническая работа. Спустя 40 лет президент АН СССР академик А.П. Александров писал: «Пожалуй, именно 1943 г. явился решающим не только в войне, но и в атомной проблеме. Начались работы по всему фронту огромного плана, в них уже принимали участие крупнейшие руководители разных секторов промышленности – Б.Л. Ванников, М.Г. Первухин, В.А. Малышев, А.П. Завенягин, Е.П. Славский. Сам же Курчатов сформировал не только фронт работ по решению задачи создания атомной бомбы, но и по проектированию ускорителей для исследования по физике ядра, по разведочным работам в области атомной энергетики и первоначальным поискам в области термоядерных реакций» [1].

Разрешение такой грандиозной задачи отечественными учеными стало возможным потому, что в решающих отраслях науки в довоенные годы был создан солидный задел. СССР имел достаточно высокий уровень организации научных исследований и развития науки в различных областях, достаточный уровень высшего образования, кадры научных и научно-технических работников, квалифицированных рабочих. Опираясь на собственные исследования и данные научно-технической разведки, для первого советского реактора Ф-1 (физический первый) была избрана уран-графитовая модель. Необходимо было решить сложнейшие научные и научно-технические проблемы: разработку детальной теории реактора и ее экспериментальную проверку; получение сотен тонн графита высочайшей чистоты; получение десятков тонн металлического урана.

К октябрю 1943 г. был смонтирован прибор для регистрации нейтронов, к ноябрю – получены первые 3,5 тонны графита [5. Л. 173–174]. На основе экспериментов, проведенных под руководством И.В. Курчатова, И.С. Панасюка, Г.Н. Флерова, В.А. Давиденко, были сформулированы требования к чистоте графита, которая должна была быть выше, чем у алмаза [5. Л. 97–106]. Графит был получен объединенными усилиями учёных разных специальностей и заводских работников. В октябре 1945 г. под руководством В.В. Гончарова, Н.Ф. Правдюка и руководителей Московского электродного завода начался выпуск графита для реактора [5. Л. 175–177].

В конце 1944 г. в Государственном институте редких металлов (Гиредмет) Наркомцветмета под руководством Н.П. Сажина и З.В. Ершовой были получены первые порции чистого металлического урана, а в конце 1945 г. принято решение об организации его заводского производства [5. Ф. 3. Оп. 47. Д. 26. Л. 164–165].

Однако организация исследований в СССР в годы войны была несопоставима по размаху с работами в США. И.В. Курчатов из данных разведки знал о масштабах усилий американских учёных. 29 сентября 1944 г. он писал Л.П. Берии: «В письме М.Г. Первухина и моем на Ваше имя мы сообщили о состоянии работ по проблеме урана и их колоссальном развитии за границей...вокруг этой проблемы создана невиданная по масштабу в истории мировой науки концентрация научных и инженерно-технических сил, уже добившихся ценнейших результатов.

У нас же, несмотря на большой сдвиг в развитии работ по урану в 1943–1944 гг., положение дел осталось совершенно неудовлетворительным...

Зная Вашу исключительно большую занятость, я все же ... решил побеспокоить Вас и просить Вас дать указание о такой организации работ, которая соответствовала бы возможностям и значению нашего Великого государства в мировой культуре» [14].

3 декабря 1944 г. последовало постановление ГКО № 7069 сс «О неотложных мерах по обеспечению развертывания работ, проводимых лабораторией № 2 Академии наук СССР» [25. Л. 23–37]. Руководителям наркоматов и главков предписывалось «лично принять меры, обеспечивающие поставку НКВД СССР, на который было возложено строительство лаборатории № 2 Академии наук СССР, оборудования, приборов, инструментов, материалов и товаров, о выполнении поставок докладывать ГОКО (т. Берия) два раза в месяц». В планах материально-технического снабжения Госплана лаборатория № 2 выделялась отдельной строкой. На строящиеся объекты лаборатории направлялся спецконтингент (заключенные). В пункте 10 постановления говорилось: «Возложить на Берия Л.П. наблюдение за развитием работ по урану» [25. Л. 27].

Однако главной проблемой, сдерживающей развитие работ, оставалось отсутствие необходимого количества металлического урана. Источником урана и радия было Тюя-Муюнское месторождение в Фергане. Разработка Табашарского рудника в Таджикистане началась в 1943 г., и он давал всего четыре тонны урана в год. А промышленный реактор требовал около 150 тонн урана. С целью решения проблемы добычи урана 8 декабря 1944 г. ГКО принимает постановление № 7102 сс/ов «О мероприятиях по обеспечению развития добычи и переработки урановых руд», которое устанавливало добычу урана «как важнейшую государственную задачу». Разведка, добыча и переработка урановых руд, разработка технологии металлического урана передавались из ведения Наркомцветмета в ведение НКВД. В составе Главного управления лагерей горно-металлургических предприятий НКВД СССР было организовано Управление по урану («Спецуправление НКВД СССР»). В системе НКВД создан и научно-исследовательский институт по урану, получивший первоначальное название «Институт специальных металлов НКВД», который должен был изучать сырьевые ресурсы и разрабатывать методы добычи и переработки урановых руд на уран и его соединения [22. Д. 423. Л. 169–175].

В мае 1945 г. Постановлением ГКО был создан объединенный Комбинат №6 недалеко от г. Ленинабада по добыче и переработке урановых руд для всего региона Средней Азии [22. Д. 494. Л. 75–86]. К августу 1945 г. в распоряжении его директора полковника НКВД Чикова было уже 2295 заключенных, а к концу 1945 г. Комбинат № 6 переработал около 10 тыс. тонн урановой руды и получил семь тонн уранового концентрата.

Разворачивание научных работ по атомному проекту потребовало широкой подготовки специалистов, соответственно, 21 февраля 1945 г. в постановлении ГКО №7572 сс/ов «О подготовке специалистов по физике атомного ядра», состоящем из 16 пунктов,

намечалась программа подготовки кадров для учреждений, работавших по специальным заданиям ГКО в области атомного ядра [23]. Плановые задания на подготовку специалистов в первую очередь получили Ленинградский физико-технический институт и Радиевый институт. В Ленинградском государственном университете, Ленинградском политехническом институте ввели обучение студентов, отобранных среди отличников, переведенных из других вузов, по специальностям «физика атомного ядра», «химия радиоактивных и редких элементов», «компрессорные машины» и др. Преподаватели, научные сотрудники, инженеры, лаборанты, студенты и аспиранты кафедр физики атомного ядра освобождались от призыва в армию. В месячный срок ЦСУ провело регистрацию и учет специалистов-физиков во всех отраслях хозяйства, после чего И.В. Курчатов отобрал нужных для работы специалистов [4].

В результате проведения Соединенными Штатами Америки успешных боевых испытаний атомной бомбы, когда японские города Хиросима и Нагасаки были подвергнуты бомбардировке урановой и плутониевой бомбами, необходимость интенсификации работ в СССР по атомному проекту стала совершенно очевидной. После совещаний в Кунцево с руководителями урановой программы И.В. Сталин подписывает важнейшее постановление, имевшее стратегический характер. Постановлением ГКО № 9897 сс/оп (совершенно секретно, особая папка) «О Специальном комитете при ГОКО» был создан орган, на который возлагалось «руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана: развитие научно-исследовательских работ в этой отрасли; широкое развертывание базы СССР по добыче урана, месторождений за пределами СССР (в Болгарии, Чехословакии и др. отраслях)». Спецкомитет обязывался «организовать промышленность по переработке урана, производству специального оборудования и материалов, связанных с внутриатомной энергией, а также строительство атомно-энергетических установок и разработку и производство атомной бомбы» [24].

Спецкомитет № 1 при ГКО возглавил Л.П. Берия, заместителем его назначен нарком боеприпасов Б.Л. Ванников. В состав Спецкомитета вошли государственные и партийные деятели и ученые: Н.А. Вознесенский, А.П. Завенягин, П.Л. Капица, И.В. Курчатов, В.А. Махнев, М.Г. Первухин. При Спецкомитете был создан Технический совет для «предварительного рассмотрения научных и технологических вопросов... планов научно-исследовательских работ и отчетов по ним, а также технических проектов сооружений, конструкций и установок по использованию внутриатомной энергии урана». В Технический совет под председательством Б.Л. Ванникова вошли академики А.И. Алиханов, А.Ф. Иоффе, П.Л. Капица,

В.Г. Хлопин, члены-корреспонденты АН СССР И.Н. Вознесенский, И.К. Кикоин, профессор Ю.Б. Харитон, которые представляли научные школы Ленинграда [21. Л. 80–82].

Для непосредственного руководства научно-техническими и проектно-конструкторскими организациями и промышленными предприятиями по использованию атомных бомб при Совете народных комиссаров было организовано Первое Главное управление при СНК СССР (ПГУ), подчиненное Спецкомитету. Начальником ПГУ был назначен заместитель председателя Спецкомитета Б.Л. Ванников. При ПГУ был создан и свой научно-технический совет под председательством Б.Л. Ванникова, заместителем которого стал И.В. Курчатов.

В распоряжение ПГУ были переданы научные, проектные, конструкторские, строительные и промышленные предприятия из других ведомств, включая лабораторию № 2 АН СССР. Под контроль Спецкомитета переходил научно-технический отдел разведки, причем Л.П. Берия пунктом 13 постановления ГКО № 9887 был обязан принять меры по организации закордонной разведки атомных секретов [21. Л. 84].

В целях экономии времени научный руководитель атомного проекта И.В. Курчатов использовал практику проведения научных исследований одновременно несколькими организациями. Отчасти это позволило достичь более высоких результатов в кратчайшие сроки. В работе с учеными умело сочетались разнообразные методы – от поощрения и вознаграждений до прямого давления.

Отставание от США в научно-практических разработках заставило пойти на рискованный шаг. Было принято решение совершенствовать технологию в условиях действующих предприятий. Фактически ядерное оружие было создано на экспериментальном промышленном уровне.

Ключевую роль в советском атомном проекте сыграли представители ленинградских научных школ физиков и химиков. Причем именно высокий уровень собственных отечественных исследований в ядерной физике, физике горения и взрыва, а также в радиационной химии обеспечил создание атомного оружия в предельно сжатые сроки. Ускоренному осуществлению атомного проекта несомненно способствовали сведения, полученные по линии научно-технической разведки, захваченные в Германии запасы урана и немецкие специалисты. Однако главным фактором в решении этой сложной научно-технической проблемы стал самоотверженный труд советских учёных и отечественная научно-промышленная база.

Особое место среди научных центров России принадлежало Ленинграду, учёные которого внесли в укрепление безопасности страны неоценимый вклад. Успешная работа над атомным проектом

была бы невозможна без деятельности Физико-технического института, без Государственного радиевого института, без многих учёных-физиков петербургской (ленинградской) школы.

Трехсотлетняя история фундаментальной науки Петербурга наложила отпечаток на исследовательскую деятельность XX в., создала особый, ленинградский дух научного сообщества. Для ленинградских научных школ естественно-научного и физико-математического цикла характерна многопрофильность, широта охвата предмета. Большинство ленинградских научных школ было ориентировано на очень высокие профессиональные и этические стандарты, определенные их основателями. Для многих ленинградских учёных, несмотря на ускорение темпов и развитие научных коммуникаций в середине XX в., приведшее к быстрой смене методов и объектов исследования, принадлежность к классическим научным школам осталась чрезвычайно существенной. Роль фундаментальных исследований в ленинградских научных школах не сводилась только к возможным приложениям в будущем. Фундаментальные исследования учёных-ленинградцев поднимали общий культурный уровень общества и его интеллектуальный потенциал. Это сказывалось при решении далеких от физики и техники проблем.

Огромной заслугой ленинградских вузов явилась подготовка кадров для исследовательской работы в ВПК, а также решение ряда научных проблем в области ядерной физики и радиационной химии. Решающий вклад внесён учеными Политехнического и Технологического институтов, Ленинградского государственного университета. Не будет преувеличением сказать, что после снятия блокады Ленинград продолжал играть присущую ему с первых лет истории роль крупнейшего центра военно-научного поиска, обеспечивавшего обороноспособность и стратегическую безопасность страны.

Документы подтверждают, что в научных коллективах под руководством выдающихся учёных ленинградских научных школ, несмотря на режим секретности, возник своеобразный стиль научной работы. Ученые ВПК, как правило, трудились с огромным энтузиазмом, не считаясь с затратами времени и здоровья. Для «ленинградского стиля» научной работы характерно стремление сделать больше, чем непосредственно требуется, работать на перспективу. Научные руководители-ленинградцы старались внести в исследования дух коллективного творчества, взаимного уважения и равноправия, насколько это было возможно в непростых условиях работы на режимных предприятиях.

Список литературы

1. *Александров А.П.* Годы с Курчатовым / А.П. Александров // Неделя. – 1983. – № 5. – С. 6.
2. *Александров П.А.* Академик Анатолий Петрович Александров. Прямая речь / П.А. Александров. – М.: Наука, 2001. – С. 103.
3. АП РФ Ф. 22. Оп. 1. Д.134. Л. 90–91.
4. АП РФ. Ф. 93. Д. 72(46). Л. 2–8.
5. АП РФ. Ф. 93. Д. 3 (43).
6. Архив президента Российской Федерации Ф. 22. Оп. 1. Д. 95. Л. 99.
7. Архив РАН Ф. 2. Оп. 1а (40). Д. 216. Л. 9–10.
8. Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1а (38). Д. 127.
9. Архив РАН. Ф. 2. Оп. 4а. Д. 40. Л. 37, 90–92, 126; Ф. 471. Оп. 1. Д. 18. Л. 51; Ф. 2. Оп. 1(43). Д. 94. Л. 84.
10. Архив РАН. Ф. 2. Оп. 6а. Д. 24.
11. Архив РАН. Ф. 471. Оп. 1 (38–39). Д. 61. Л. 10–19.
12. Архив РАН. Ф. 530с. Оп. 1с. Д. 71.
13. Архив РАН. Ф.535. Оп.1 (39–44). Д. 67. Л. 87.
14. Архив РНЦ КИ. Ф. 2. Оп 1/с. Д. 31/2. Л. 1.
15. Архив Российского научного центра «Курчатовский институт» (далее - Архив РНЦ КИ). Ф.2. Оп.1. Д.127. Л.14-37.
16. Архив Физико-технического института им. А.Ф. Иоффе Российской академии наук. Ф. 3. Оп. 1. Д. 131а. Л. 2.
17. *Гончаров Г.А.* О публикации искаженных версий писем Г.Н. Флерова 1941–1942 гг. / Г.А. Гончаров // Вопр. истории естествознания и техники. – 2000. – № 3. – С. 35–36.
18. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5446. Оп. 23. Д.1636. Л. 4–6, 17–19.
19. *Ирвинг Д.* Вирусный флигель / Д. Ирвинг. – М.: Атомиздат, 1969. – С. 57.
20. Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. Т. 4. 1941–1945 годы. – М.: Международные отношения, 1999. – С. 676.
21. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 533.
22. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 423. Л. 169–175.
23. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 453. Л. 228–235.
24. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 593. Л. 80–81.
25. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 2. Д. 422.
26. *Смирнов Ю.Н.* Г.Н. Флеров и становление советского атомного проекта / Ю.Н. Смирнов // Вопросы истории естествознания и техники. – 1996. – № 2.
27. *Судоплатов П.А.* Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год / П.А. Судоплатов. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – С. 307; Антифашистский митинг учёных // Вест. АН СССР. – 1941. – № 9–10. – С. 9–10.
28. *Трифонов Д.Н.* К истории Комиссии по проблеме урана / Д.Н. Трифонов // Вопросы истории естествознания и техники. – 1996. – № 2. – С. 93.
29. *Харитон Ю.* Ядерное оружие СССР: пришло из Америки или создано самостоятельно? / Ю. Харитон // Изв. – № 236. – С. 8.
30. *Харитон Ю.Б.* Начало / Ю.Б. Харитон // Воспоминания о Н.Н.Семенове. – М.: Наука, 1993. –С. 40.
31. *Чуев Ф.И.* Молотов: Полудержавный властелин / Ф.И. Чуев. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. – С. 108.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94(3)"4":34
ББК 63.3(0)321.4

О. А. Федотова*

Договорная теория возникновения государства и права (старшие софисты)

Старшие софисты создали первые договорные теории возникновения государства. До нас дошли три более или менее законченные теории договорного происхождения государства и права: Гиппия, Антифонта, и неизвестного софиста, которую излагает Платон в «Государстве». Они являются наиболее разработанной социально-политической системой рассматриваемого периода. Можно отметить, что сама эта теория и ее оформление первоначально носят «полисный» характер, отражая особенную интенсивность жизни и своеобразие системы государственно-правового регулирования гражданской городской общины. Договорные теории развиваются как из представлений об изначальном равенстве людей, так и об их природном неравенстве.

Senior sophists created first theories of the contractual origin of state and law. Three of these theories, formulated by Hippias, Antiphon and unknown sophist that is retold by Plato in his “Republic”, came to us in a more or less complete form. These theories constituted the most developed socio-political system of that period. It can be noted that the system as a whole and its details initially had a “polis” nature, reflecting a particular intensity of life and distinctness of the state and law regulation in the civil urban community. Theories of contractual origin of state and law were developed by the sophists as well as from ideas of fundamental equality of human beings and from ideas of their natural inequality.

Ключевые слова: Древняя Греция, полис, софисты, договорная теория, государство, право, автаркия, философия.

Key words: Ancient Greece, polis, the Sophists, negotiation theory, state, law, self-sufficiency, philosophy.

Достаточно долго исследователи полагали, что договорные теории возникновения государства и права появились в Новое время. Однако уже в XIX в. некоторые ученые обратили внимание на первых ученых-обществоведов, создателей политических теорий, живших в V в. до н. э., именно старших софистов [7]. При дальней-

* **Федотова Ольга Алексеевна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории, Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна

ших исследованиях выяснилось, что многие положения, считавшиеся достоянием гораздо более позднего времени, были разработаны старшей софистикой [5, с. 43]. Это относится и к договорной теории возникновения государства [3, с. 6].

В своих попытках объяснить происхождение и сущность закона и права вообще софисты приходили к мысли об условности, «искусственности», произвольности человеческих законов [2, с. 120]. Однако они не могли не видеть, что люди вполне подчинились этим произвольным установлениям. Софисты пытались решить вопрос о роли положительных законов государства как регулятора человеческих взаимоотношений. Некоторые софисты отдавали предпочтение естественному праву человека перед положительными законами. Потребность в праве, доказывали они, не была заложена в человеке изначально. Поэтому софистические мыслители пытались найти логическое объяснение, почему люди вступили когда-то в государственное общение, что приобрели и что потеряли, став гражданами цивилизованного государства.

До нас дошли, по крайней мере, три более или менее законченные теории договорного происхождения государства и права: Гиппия, Антифонта и неизвестного софиста, которую Платон в «Государстве» излагает устами своего брата Главкона (II, 358 e – 359 a).

Из этих перечисленных хуже всего сохранилась теория Гиппия. Исходным пунктом для ее восстановления могут служить несколько фраз, переданных Платоном (Protag. 337 c-d; Hipp. Min. 367a; maj. 284 d), и диалог Ксенофонта «Гиппий, или о справедливости и» (Mem. IV, 4, 1-25), в котором передается общий смысл рассуждений софиста. У Гиппия впервые четко противопоставляется «природа» и «закон» и выделяется в связи с этим представление о естественном праве людей. Ход рассуждений его можно представить следующим образом. Существуют законы писанные и неписанные. Неписанные законы – те, которые соблюдаются одинаково в каждой стране (Hep. Ibid, 13). Писанные софист определяет как «то, что граждане написали, установив, что должно делать и от чего должно воздерживаться (ibid, 19). Законы эти были созданы именно в форме общественного договора, что подтверждает и изложение Ксенофонта. На вопрос Сократа, созданы ли неписанные законы людьми, Гиппий отвечает: «Нет, ибо как они могли собраться вместе и договориться на одном языке». Отсюда следует, что писанные законы были установлены именно таким образом всеми гражданами, причем в разных государствах они могут отличаться друг от друга (Diog. Laer. X. 150).

Какова же цель заключения договора и создания законов? Можно лишь предполагать ответ, так как дошедшая до нас традиция особенно отрывочна. Гиппий высоко оценивал цивилизованное со-

стояние, в котором развиваются науки, искусства и ремесла. Многих из них он и сам не чуждался (ср. характерные места: Plato. Hipp. Maj. 283 b; min. 368 b; Protag. 315 c) [4, с. 323]. Видимо, он полагал необходимым и существование принципов международного права, сам будучи специалистом «относительно дел, какие вообще у городов служат предметом дипломатических отношений» (Plato. Hipp. Maj. 281a). Что касается принципов человеческих взаимоотношений, то Гиппий считал «самым ценным достоянием» людей расположение к ним окружающих (fr. В 17, ср. В 16).

Насколько можно судить, софист из Элиды отмечал ряд антиобщественных поступков людей, признавая необходимым наказывать их по закону (к таким относятся, например, оскорбление, воровство, клевета, fr. В 17). Мы видим, таким образом, что Гиппий считал правопорядок в обществе целесообразным и необходимым для регулирования отношений между людьми. Таким образом, закон – тиран не потому, что его введение уничтожило гипотетическую первобытную идиллию, где люди жили согласно велениям природы. Гиппий и не отрицал необходимости законов: «устанавливается закон, я думаю, ради пользы» (Plato. Hipp. Maj. 284 d). Дело в том, что закон, по Гиппию, лишь отчасти гарантирует «естественные» права людей – именно этим определяется степень его полезности. «Иногда же он приносит и вред, когда его плохо установили», и заставляет человека действовать вопреки его природе.

Софист из Элиды впервые, и притом наиболее четко, сформулировал то, что он считал естественными правами людей. Можно лишь предполагать, что конкретно имел в виду софист, называя людей «родственниками, свойственниками и согражданами по природе ...» (Plato. Protag. 337d). Как представляется, в идее «родства» и «близости» Гиппий выражал мысль о единстве всего человеческого рода (в отличие от мира животных) не только «по крови», но и по типу существования, ведения быта. Идея же о том, что люди являются «согражданами по природе», в переводе на современный язык, видимо, означает, что все люди имеют какие-то неизменные «естественные» права, принадлежащие человеку по праву его существования. Считал ли Гиппий, что все люди равны и должны быть наделены политическими правами, или же он подразумевал нечто другое? Высказывание софиста, по-видимому, подытоживает его размышления о природе государства, законе и отношении полиса и гражданина, и можно предполагать, что в этом отрывке до нас дошло одно из основных положений договорной теории происхождения права.

Мы уже видели, что Гиппий считает нормальным различие законов в каждом государстве, поскольку созданы эти законы собравшимися вместе гражданами. Следовательно, и политические права

граждан будут в каждом случае различны. Однако сами варианты и изменения, вносимые законодателями, – все это есть признак несоответствия положительных законов природе. Вступая в договор, люди передают часть своих прав (по Гиппию, большую часть) государству. От природы они «сородичи» и «близкие», но относятся друг к другу в зависимости от государственных установлений (особенно в случае войн или внутренних смут). И полнотой политических прав люди обладают лишь в том государстве, где их предки когда-то заключали договор, в других же государствах существуют свои, аналогично возникшие права и обязанности граждан. Между прочим, это объясняло бы логично, с точки зрения софиста, размеры и количество полисов, а также существование различных языков (диалектов) и особых религиозных культов. Здесь можно видеть связь договорной теории возникновения государства и права со своеобразной социально-экономической структурой греческого полиса.

Рассмотрим теперь договорную теорию Антифонта, которая сохранилась гораздо лучше и отражает накал социально-политической борьбы внутри его родного полиса перед началом Пелопоннесской войны. В своей книге «Об истине» (направленной, как отмечали древние, против «Истины» Протагора) Антифонт рассуждал о государстве и праве. Однако не отвлеченно-теоретически, как, например, Гиппий. Его произведение проникнуто страстью, это своего рода бунт индивида против государства, требование пересмотра прав и обязанностей. Хотя справедливостью считается «не нарушать законы государства, гражданином которого состоишь», на самой деле «предписания законов суть результат соглашения, веления природы же суть самовозникшие, а не продукт соглашения» (fr. В 44, А 1). Каким образом люди установили соглашение (договор), неизвестно, а вот о целях его судить можно. Это личная безопасность участников договора, – с одной стороны, в масштабах государства («нет ничего хуже, чем анархия»..., fr. В 60), а с другой – в отношениях между людьми (не причинять и не терпеть обид, fr. В 44, В 1). Договор этот охраняется всеми участниками соглашения, и если противозаконный поступок человека останется тайным от остальных участников, то он легко может избежать наказания, поскольку богов Антифонт в расчет не принимает (ср. fr. В 12) [1, с. 415].

Рассуждая о законности, Антифонт не уделял особого внимания развитию материального прогресса в цивилизованном обществе, ремеслах и искусствах. (Антифонт считал искусство вторичным и внешним по отношению к «присущему (природе) вещей» (В 16). Но в целом он не отрицал необходимости и полезности материального прогресса: «Без материальных средств многое прекрасное было бы, пожалуй, плохо устроено» (В 14)). Вместе с тем в первую очередь

его интересует социальный прогресс, притом с точки зрения индивида. Софист рассматривает государство и положительные законы, и приходит к выводу, что, если в результате соглашения люди и живут в безопасности, то лишь отчасти. В целом договорные отношения человека с обществом давно уже сложились не в пользу индивида. Мало того, что созданы законы для глаз, ушей и даже мыслей (fr. В 44, А 3). Закон, который должен был, по условиям договора, охранять людей от взаимных обид, заставляет человека наносить себе врагов, выступая в суде, и вообще позволять другим наносить ему обиды (так как право защиты было передано государству). Интересно проследить двойственное отношение Антифонта к государству, характерное, по-видимому, для многих рационально мыслящих людей в период начинающегося кризиса. С одной стороны, государственный правопорядок предстает как абстрактная, стоящая над человеком и подавляющая его сила, а с другой, как простое соглашение людей, которое можно безнаказанно нарушать в отсутствие свидетелей.

Всем предписаниям, которые установлены законами и «суть оковы для человеческой природы» (fr. В 44, А4), Антифонт противопоставляет «веления природы», которые, впрочем, не конкретизирует. Можно предположить, что эти веления человеческой природы относятся к естественным правам индивида, не реализованным в государственном общении. Рассматривая взаимоотношения полиса и индивида с точки зрения последнего, Антифонт приходит к выводу, что государство много требует от своего гражданина, мало давая взамен (ср. Thuc. VI, 92, 3). Где же, по мнению Антифонта, следует искать выход из сложившейся ситуации? Софист вовсе не предлагает, отказавшись от договора, уподобиться диким племенам. Его система, разрушающая основные принципы полисной жизни, практически всю систему государственно-правового регулирования, находит свое разрешение в конечном итоге в рамках полиса. Поскольку соглашение между людьми было создано с целью избежать анархии и междоусобных столкновений, следовательно, рассуждает он, необходимо единомыслие. Единомыслие, начинаясь с мироощущения отдельного человека, охватывает людей одинакового образа мыслей, далее все дома, как общие, так и частные, а также города (В 44 а). Таким образом, для поддержания договора потребуется минимум ограничивающих природу мер. Отношения между людьми и между городами будут регулироваться наиболее безболезненным способом (Xen. Mem. IV, 4, 14). Итак, теория Антифонта представляет собой взгляд на государство и законы с точки зрения ущемленных прав индивида, но выход софист находит в старых рамках полиса, именно, в единомыслии всех его граждан.

Представление о естественном праве может быть связано как с равенством, так и с природным неравенством людей. Из систем такого рода интересна теория договорного происхождения государства и права, изложенная Платоном в «Государстве» (359 а-в). Интересна она как четкой формулировкой цели договора, так и тем, что понимание естественного права индивида непосредственно смыкается здесь с правом сильного «по природе». Теория эта скорее относится к системам младших софистов, занимая промежуточное положение между еще не порвавшими с полисной идеологией теориями старших софистов и откровенно антиполисными построениями, вроде принадлежащего Калликлу [6, с. 144].

Некогда общение людей не регулировалось законами, но каждый поступал, как ему вздумается; а поскольку люди изначально жили совместно, то они находились в постоянных раздорах. «Когда они отведали того и другого, т. е. и поступали несправедливо, и страдали от несправедливости, тогда они, раз уж нет сил избежать одной и придерживаться другой, нашли целесообразным договориться друг с другом, чтобы и не творить несправедливость, и не страдать от нее. Отсюда взяло свое начало законодательство и взаимный договор. Установления закона и получили имя законных и справедливых...» (пер. А.Н. Егунова). Таким образом, основная масса людей, «неспособная творить несправедливость», предпочитает спокойную жизнь в полисе, так что справедливостью удовлетворяются «не потому, что она благо, а потому, что люди ценят ее из-за своей неспособности творить несправедливость». Естественные же стремления человека по природе антиобщественны, это «стремление господствовать» и «своекорыстие, к которому, как к благу, стремится любая природа».

Очевидно, что рассуждения такого рода не свойственны старшим софистам, еще связанным с полисной системой, – ни один из них не говорит о природной асоциальности человека. Старшие софисты могут говорить о «дурных» по природе (Критий), в их произведениях заметен аполитизм и атомизация гражданской общины (Антифонт), но такой ярко выраженной асоциальности человека у них нет. Жили люди изначально «рассеяно» или совместно, равно отмечается необходимость политического общения людей и тяга человека к этому общению. Согласно же этой софистической теории, человеческая природа стремится к своекорыстию, и «только с помощью закона, насильственно, ее заставляют соблюдать надлежащую меру». Кроме того, в этой теории люди не равны по природе, и «никому из тех, кто доподлинно муж, не придет в голову заключать договор о недопустимости творить или испытывать несправедливость – разве что он сойдет с ума» (Ibid).

Итак, по мнению неизвестного софиста, изложенного Главко-

ном, договор был создан людьми ради личной безопасности и спокойной жизни в полисе; при этом, чем более невоздержанна от природы человеческая сущность, тем больше люди должны держаться за такой договор. Если индивид у Антифонта может взвешивать свои права по отношению к государству и, со страстью сознающей свою независимость личности, требовать уважения своих естественных прав, то люди в теории, изложенной Главконом, не могут этого сделать. Хотя бы потому, что они сами отказались от независимости (из-за своей «неспособности»). Более того, они понимают, что в случае уничтожения договорного права и справедливости всем им угрожает серьезная опасность не только друг от друга, но, в гораздо большей степени, от «сильного по природе». Сами бес- сильны, а права сильного ущемляют. Отсюда один шаг до теории Калликла, что договор был установлен «слабыми» специально – и единственно – для обуздания сильных.

Мы видим, что договорная теория, созданная старшими софистами, является наиболее разработанной социально-политической системой рассматриваемого периода. Можно отметить, что сама эта теория и ее оформление носят «полисный» характер, т. е. отражают особенную интенсивность жизни и своеобразие системы государственно-правового регулирования гражданской городской общины. Договорные теории развиваются как из представлений об изначальном равенстве людей, так и об их природном неравенстве. Из систем такого рода первые характерны скорее для старших, а вторые, более разработанные, – для младших софистов. Следует отметить также, как особенность кризисного времени появление вопроса о соотношении прав и обязанностей индивида с точки зрения последнего (Антифонт). Однако крайних выводов об изначальной асоциальности человеческой природы старшие софисты никогда не делали.

Список литературы

1. Старшие софисты и их современники о религии // Античный вестн. – Вып. 4. – Алма-Аты, 2007.
2. Федотова О.А. Античные мыслители о личности, обществе, государстве // Проблемы истории Древнего мира и раннего Средневековья: межвуз. сб. – Вып. 1. – Алма-Аты, 2009. – С. 120–135.
3. Федотова О.А. Дискуссия по проблемам становления греческой политической теории // Проблемы всеобщей истории: сб. науч. тр. – Калининград, 1994. – С. 6–16.
4. Федотова О.А. Софистический идеал мудреца и его практическое воплощение // Античный вестн. – Вып. 2. – Алма-Аты, 2005. – С. 325–333.
5. Федотова О.А. Старшие софисты: от первых физиков к первым общественным дамам // На пересечении наук. К истории междисциплинарных исследований в науке: межвуз. сб. науч. тр. – СПб.: СПбТИ (ТУ), 2005. – С. 43–49.
6. Фролов Э.Д. Факел Прометея. – Л.: ЛГУ, 1985.
7. Diels H., Kranz W. Die Fragmente der Vorsokratiker. – 5 Aufl. – 3 Bd. – Berlin, 1934.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 94:398
ББК 82.3(0)+63.3(0)

*М. Л. Бурова**

Найдыш В. М. Мифология: учеб. пособие. – М.: Кнорус, 2010. – 432 с.

Обращение к мифологии, к мифу и мифотворчеству традиционно считается уделом антропологов, культурологов, психологов. Поэтому учебное пособие, принадлежащее перу автора известного учебника по концепциям современного естествознания, знатока истории науки, вызвало неподдельный интерес. Создание учебника по мифологии само по себе является трудной задачей, ибо для того, чтобы вскрыть историю мифотворчества, провести сравнительный анализ концепций мифологии, принадлежащих разным эпохам, разным школам и авторам, необходимо владение разными методами исследования и редкая способностью и вкус к синтезу. Только тогда книга становится органичным произведением, дающим системное знание о предмете. Не будем забывать и о просветительской задаче, поставленной автором, считающим, что знание науки о мифотворчестве поможет обновить курсы социально-гуманитарных дисциплин.

Рассмотрим структуру учебника. Пять частей выстроены в соответствии с периодизацией развития культуры от Античности до нашего времени. Концепции мифа XX в. представлены по основным школам, в девятой части исследуется состояние мифотворчества и науки о мифе в начале нашего века. Каждая глава дополнена контрольными вопросами, основные положения изложены четко и ясно, в тексте много интересных вставок и ссылок на источники. Список предложенной литературы включает в себя классические работы отечественных и зарубежных авторов по психологии, истории религии и культуры. Список цитируемой литературы отсылает нас к философским произведениям разных эпох. Язык автора ясный, доступный для студентов, обучающихся по любым специальностям. Стилль изложения неторопливый, спокойный, чтение такого учебника

* **Бурова Мария Леонидовна**, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

приносит не только пользу, но и удовольствие. Все это уже вызывает желание не только вспомнить мифы, но и ознакомиться с концепциями мифографии, мифотворчества и мифологии.

Обратимся к содержанию частей и глав. Первая часть, посвященная античным учениям о мифе, наиболее органична. В эпосе Гомера, поэмах Гесиода отмечены рационализация и историзм сознания, даны первые дофилософские интерпретации мифов, хорошо раскрыта суть аллегории. Поскольку доминантой в изложении является рационализация мифа, из философов Аристотелю уделено наибольшее внимание. Хорошо представлен эллинизм (александрийские филологи, Эвгемер, основные философские школы). Все это позволяет автору сделать вывод об античном опыте рефлексии над мифом, который выражается в систематизации, выявлении смыслов и конструировании производных художественно-образных систем (с. 94).

В главе, посвященной средневековью, хорошо раскрыт метод аллегоризации мифов. Несколько отличается по стилю глава, посвященная эпохе Возрождения, она более описательная, культурологичная, нежели философская. Продолжается и исчерпывается аллегорическая трактовка мифа, но новой теоретической доктрины о сущности мифотворчества не выработано. Происходит возврат к античному представлению, что миф – это художественный вымысел поэта-мифотворца (с. 132).

Хорошим методологическим решением является сопоставление просветительских и романтических концепций о сущности мифа в следующих главах.

Автор отмечает значение идеи «естественного человека» и «естественного состояния общества». В Новое время начинает различаться религия и мифология, изучаются мифологические традиции Востока, в науку о природе мифотворчества проникает идея развития, устанавливается принцип реализма, позволяющий выводить сущность мифа из общественно-исторических условий первобытности; принцип доминирования в мифе художественно-образного над рационально-логическим (с. 154). Миф начинает связываться с властными функциями общества и с эмоциональной сферой (иллюзиями и страхами).

Но век Просвещения – это не только рационализм, но и рост пантеистических и мистических представлений. Эмоциональное переживание мира в искусстве, поэзии, предрассудках является основой романтизма. Для романтизма характерно сочетание иронии и фантастики, противоречие действительности и сновидения, главной заслугой романтизма является поворот к народной культуре, фольклору, национальным мифологиям. Именно мифология для Ф. Шлегеля является основой гармонии человеческой личности и

синтеза знания, веры и любви. Мифология восстанавливает утраченное единство человека и природы (с. 173). Автором подробно представлены концепции Ф. Кройцера, Ф. Шеллинга, рассмотрено становление сравнительно-исторического языкознания, связь языка и мифологии. Чувствуется любовное отношение В.М. Найдыша к этой теме и к романтикам.

На этом блестящем фоне несколько проигрывает русская мысль начала XIX в., исследующая славянскую мифологию. Некоторое сомнение вызывает представление философии А. Шопенгауэра как наследия романтизма.

Дальнейшее развитие мифологии XIX в. представлено рационалистической традицией (Г. Гегель), историческими интерпретациями И.Я. Баховена, лингвистическими концепциями и теориями низшей мифологии. Вторая половина XIX в. связана с развитием методологии эволюционизма, распространенной на первобытную историю и культуру.

Очень интересна глава 13, посвященная становлению русской мифологической школы. Изучение связи фольклора и мифотворчества позволило создать А.Н. Афанасьеву свою лингвистическую теорию мифа, а влияние кантианства привело к пониманию природы мифа как результата объективации сознания субъекта через слово (А.А. Потебня). Миф начинает рассматриваться через его познавательную функцию, что дает возможность поставить его в один ряд с поэзией и наукой, как особое, донаучное познание (с. 260) и в то же время связать его с узкой сферой личности (с. 262). Концепция «психологического параллелизма» А.Н. Веселовского позволяют проследить развитие мифа от синкретизма к абстракциям с формированием единых исходных мотивов и сюжетов (с. 268).

Значительная часть учебного пособия отведена рассмотрению концепций мифа в британской социальной антропологии и этнологии. Смещаются акценты с изучения вторичных источников об образе жизни народов на непосредственный эмпирический анализ жизни изнутри, создается школа функционализма (Б. Малиновский), позволяющая рассматривать элементы культуры как социальные институты, реализующие жизненно важные функции (потребности). Миф начинает рассматриваться как хартия (совокупность общих потребностей, ценностей и норм) (с. 294). Разрабатывается структуралистическая методология, что позволяет видеть в любой системе процессы интеграции и дезинтеграции (Рэдклифф-Браун). Миф через обряд (ритуал) сохраняет общий порядок вселенной и, сакрализируя норму, обеспечивает гармонизацию социального коллектива (с. 302).

Не менее подробно раскрыты и психологические концепции мифа, прежде всего связь мифотворчества с индивидуальным и

коллективным бессознательным. Типические сновидения, закладываемые в детстве, позволили З. Фрейду сравнить миф с детством народов, а К.Г. Юнгу открыть мир архетипов. Миф у Юнга предстает как проекция бессознательных душевных состояний на природные естественные процессы в виде богов, демонов (с. 331). В мифе бессознательное полностью подчиняет себе сознание, в первобытной мифологии внутренний мир человека воспринимается им как внешний (с. 332).

Рассматривая теории мифа XIX – начала XX в., автор отмечает, что общим моментом в них непременно являлось убеждение об объективном характере источников мифотворчества, которые заданы субъекту природой или обществом. В противовес этому неокантианская теория мифотворчества исходит из активности сознания, тогда объективность – лишь один из моментов духовной активности субъекта и задается процессом познания, логическими правилами и принципами. Связь представлений в сознании опирается на принцип символизма. Символ (Кассирер) предстает как чувственное воплощение идеального смысла, символизация упорядочивает внешний хаос бытия, творит смыслы. Миф – одна из символических форм освоения бытия. Мифосознание развивается от мифа в форме мысли к мифу в форме интуитивного созерцания и к мифу как форме жизни (с. 335-338). В миф уходят корни всех форм культуры, изгоняемый миф возвращается. В мифе не различается вещь и ее образ, смыслы и ценности, истинное и кажущееся, миф есть сплав свойств, отношений, образов. Автор отмечает недостатки теории мифов Кассирера. Символ как средство построения чувственно-предметной реальности приобретает мистическое звучание, символизм не может объяснить организацию психических процессов (с. 342).

Социологический подход к мифу и мифотворчеству представлен концепцией Э. Дюркгейма с его оппозицией сакрального и профанного и Л. Леви-Брюля, исследователя первобытного сознания. Связь социальной организации и типа мышления отражается в логических и эмоциональных представлениях, в ассоциациях и сопричастии. Миф обеспечивает сопричастность человека с социальной группой, представляя собой опыт дологического мышления (гл. 21). Логика первобытной мысли исследуется в структурализме К. Леви-Стросса, для которого первобытное мышление – классифицирующее, вносящее порядок в мир восприятий особым образом. Мифологическое сознание сродни бриколажу, все обобщения сводятся к установлению бинарных оппозиций на различных уровнях, различающихся степенью абстракции. Оппозиции разрешаются через поиск медиаторов путем метафорических процедур. Леви-Стросс исследует три основных компонента любого мифа – сообщение, остов и код. Типов кодов много, они задаются исходными бинарными

оппозициями. Логические операции мифотворчества могут быть представлены формулой (уравнением) (гл. 22).

В последней части учебного пособия автором четко выделены эмпирические закономерности мифотворчества (около тридцати), предложены философские основания современной теории мифа. Миф – это познание мира через восприятие, закономерности восприятия раскрываются в теориях развития когнитивных процессов. Представлены культурно-историческая теория психики Л.С. Выготского, генетическая эпистемиология Ж. Пиаже и этология (гл. 23). Автор рассматривает зарождение предпосылок человеческого мышления в психике животных. Поведение животных определяется взаимодействующими системами, в которых происходит распознавание элементов внешней среды, принятие решений, моторная реализация программы поведения и памятью. Особое предвидение, деятельность в «воображаемом пространстве», игра, коммуникация позволяют совершенствовать познавательную деятельность. Возникновение языка (на основе зрительно-двигательной и на базе звуковой коммуникации) привело к интериоризации сознания. Переход от биологических факторов развития к социальным и создание родового общества проявляется в замене предметно-логического мышления на мифологическое. Это мышление образами, эгоцентрическое. Высший уровень мыслительного процесса – понятийное мышление, интеллектуальная децентрация, способность корректировать результаты познания, перестраивать исходную систему координат, выделять инвариантность признаков объекта. На заре цивилизации зарождаются основы научно-философского постижения мира (гл. 24).

Но миф по-прежнему связан с перцептивной деятельностью, он индивидуально порождается и переживается, связан с личностью и является формой властно-волевого самоопределения человека. Завершающая глава посвящена мифотворчеству в современной культуре, квазинаучному, связанному со СМИ. Интересной представляется мысль автора о девиантных линиях культуры, о связи фольклора и квазинаучных мифологем, о мифологичности рекламы, нацеленной на создание жизненного мира потребностей человека. Современная теория мифа должна, по мнению автора, стать частью единой теории и психических процессов. Мистериальность бытия в современном неомифотворчестве может быть преодолена иронией (с. 428).

Итак, первые критики мифа иронизировали над великим Гомером, над сказаниями и историями о богах и героях, нам же остается смеяться над выдумками о чудовищах и инопланетянах. Величавость древней мифологии, появление и развитие мифологии как науки прошли перед нами на страницах этой книги, оставив удивление перед глубинами культуры и удовольствие от состоявшегося (или возобновленного) знакомства с именами, идеями и концепциями.

Сведения об авторах

Алексеева Ирина Геннадьевна – аспирант кафедры исторического регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: alirina26@gmail.com

Бенда Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения; e-mail: bvn.1962@mail.ru

Бурова Мария Леонидовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения; e-mail: itropov@ya.ru

Голубев Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Петербургский государственный университет путей сообщения, директор Петрозаводского филиала; e-mail: kasa-g@yandex.ru

Зайцева Оксана Олеговна – слушательница, Европейский университет в Санкт-Петербурге, аспирант, Санкт-Петербургский институт истории РАН; e-mail: oksana.s86@mail.ru

Заколodная Вера Никифоровна – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: vera_zakolodnaya@mail.ru

Капустина Ольга Владимировна – соискатель, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: 209o@mail.ru

Коршунов Эдуард Львович – начальник научно-исследовательского отдела военной истории Северо-Западного региона РФ, Институт военной истории МО РФ; e-mail: himhistory@yandex.ru

Красникова Юлия Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и истории, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет; e-mail: julia2404@mail.ru

Кутузов Александр Владиславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Северо-Западный (Санкт-Петербург) филиал Российской пра-

вовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, действительный член Академии военно-исторических наук, член Ассоциации историков битвы за Ленинград и блокады, докторант кафедры Новейшей истории России Санкт-Петербургского Государственного университета; e-mail: kotalv@mail.ru

Липянина Марина Алексеевна – слушательница, Европейский Университет в Санкт-Петербурге; e-mail: djett@list.ru

Никифоров Анатолий Леонидович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: ratibor76@mail.ru

Рыбин Данил Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Северо-Западный (Санкт-Петербург) филиал Российской правовой академии Министерства юстиции России; e-mail: danilarybin@rambler.ru

Скворцов Вячеслав Николаевич – доктор экономических наук, профессор, ректор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина; e-mail: itropov@ya.ru

Судариков Андрей Михайлович – доктор исторических наук, доцент, декан факультета фундаментальных основ современных технологий, заведующий кафедрой химии и технологии неорганических веществ, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: itropov@ya.ru

Федотова Ольга Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории, Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна; e-mail: oafed@list.ru

Фролов Михаил Иванович – доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: itropov@ya.ru

Энгл Барбара Алперн – заслуженный профессор, университет Колорадо (США); e-mail: itropov@ya.ru

Юкина Ирина Игоревна – кандидат социологических наук, доцент кафедры гендерных исследований, Невский институт языка и культуры; e-mail: irinayukina@mail.ru

Требования к научным статьям

К публикации в Вестнике Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина принимаются статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов исторических наук.

Обязательным условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках.
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами.
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат сведения об авторе: фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра истории, каб. 207^а;
- отправить по электронной почте: E-mail: itropov@ya.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, 10
тел. (812) 479-90-34

Для заметок

Для заметок

Научный журнал

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

**№ 1
Том 4. История**

Редактор *В. Л. Фурштатова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 29.03.2010. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,25. Тираж 500 экз. Заказ № 510

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а